

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ДЬЯВОЛ
КРОЕТСЯ
В МЕЛОЧАХ

Зачастую счастье
приходит в твою
жизнь тогда,
когда надежды на него
почти не осталось!

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ДЬЯВОЛ
КРОЕТСЯ
В МЕЛОЧАХ

Зачастую счастье
приходит в твою
жизнь тогда,
когда надежды на него
почти не осталось!

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ДЬЯВОЛ
КРОЕТСЯ
В МЕЛОЧАХ

Зачастую счастье
приходит в твою
жизнь тогда,
когда надежды на него
почти не осталось!

Людмила Мартова

Дьявол кроется в мелочах

© Мартова Л., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Я слышу зов, неслышимый вам,

Гласящий: – В путь иди! –

Я вижу перст, невидный вам,

Горящий впереди.

У. Блейк

Глава первая

Дети гордятся успешными родителями. По крайней мере, успешным родителям нравится так думать. Что при этом думают сами дети, по большому счету, никого не интересует. А зря. Потому что если в детстве ты действительно гордишься известностью своих мамы и папы, то в юности к этому чувству начинает примешиваться легкий страх, а будешь ли ты их достоин. Наступает такой возраст, когда очень важно быть кем-то самому, а не просто сыном или дочерью «Марьи Петровны» или «Ивана Ивановича».

По крайней мере, двадцатиоднолетняя Настя Пальникова о своей самоидентичности думала достаточно часто. Будущим летом она заканчивала бакалавриат юридического факультета, где все четыре года училась исключительно на пятерки, славилась общественными нагрузками, которые взваливала на себя добровольно и несла с честью, имела за плечами юношеский разряд по фигурным конькам, подрабатывала младшим помощником у известного адвоката Аркадия Ветлицкого, а в выходные охотно становилась волонтером приюта для собак.

И даже самой себе Настя редко признавалась в том, что вся ее активность вызвана только одним – утвердиться в жизни умной, работоспособной и упорной Настей Пальниковой, а не просто дочерью известной журналистки Инессы Перцевой.

Мама в их городе была настоящей звездой. Ее все знали, и она всех знала. Ее фамилия отпирала любые двери, и в детстве Настя постоянно слышала за спиной шепоток: «Смотри, смотри, это дочка Перцевой».

Мамой она гордилась, но характеристика «дочка Перцевой» с годами начала раздражать невероятно. К счастью, мама не просто работала под псевдонимом, но и в обычной жизни имела с Настей разные фамилии. Настя была Пальниковой по отцу, с которым мама развелась, когда она была еще совсем крохой. А мама в паспорте была записана под фамилией второго мужа – Полянская. И за последние годы их мало кто идентифицировал как дочь и мать, по крайней мере, Настя сделала для этого все от нее зависящее, а потому сейчас жила наконец в относительной гармонии с собой.

Даже Ветлицкий не знал, что она – «дочка Перцевой», и Настю это вполне устраивало. На работу ее взяли благодаря способностям и держали благодаря исключительно деловым качествам. Аркадий слыл мужиком крутым и к сантиментам не склонным, а потому никакая протекция бы не помогла, будь Настя глупой, ленивой или излишне непокорной. Но она не была.

Сейчас девушка спешила на курсы английского языка, которые начала посещать еще в прошлом году в гонке за собственным совершенством. Мама никаким иностранным языком не владела, а потому к французскому, который она учила в школе и в институте, Настя добавила английский, собираясь в этом году сдать экзамен IELTS.

Занималась она на самых лучших в городе курсах, попасть на которые было не так-то и просто. Стоили они тоже целое состояние, но Настя платила за второй год обучения сама, благо Ветлицкий платил ей неплохо. И отец, и отчим предлагали Насте не маяться дурью и взять у них деньги на оплату занятий, благо оба не бедствовали, а зарплату тратить по собственному разумению на девчачьи безделушки, но Настя была непреклонна. По своему разумению, она считала необходимым самой платить за образование, вот и платила.

Она знала, что мама посмеивается втихомолку, потому что упорством в достижении целей и непреклонностью собственного мнения дочка была вся в нее, но Настя с этим и не спорила. У нее была замечательная мама, и никакая война между ними не бушевала, так, легкое соревнование, причем только с Настиной стороны.

На курсах ей нравилось. Во-первых, язык преподавала совершенно замечательная учительница, общаться с которой было просто удовольствием, а, во-вторых, на занятиях Настя неожиданно сдружилась с несколькими людьми, ранее в ее орбиту не попадавшими, и эта новая дружба оказалась крепкой и интересной.

Особенно сблизилась Настя с Аглаей Молчанской, дочкой известного в их городе предпринимателя – первопроходца в IT-сфере, которого, как и Настину мать, знал и уважал весь город. Впрочем, в отличие от Насти, Глашу известность отца ни капельки не тяготила. Глаша Молчанского обожала.

С полгода назад, правда, выяснилось, что Глашку выносила и родила суррогатная мать, и это открытие девушка пережила очень болезненно, ушла из дома, с отцом не разговаривала, плакала у подруги на плече.

Настя ее успокаивала, как могла, а потом случилась трагедия, в результате которой у Павла Молчанского погибла жена^[1], и общее горе сблизило отца и дочь, чему Настя была очень рада. Павла она уважала, а к Глашке относилась как к младшей сестре, которой у нее никогда не было.

Отец Аглаи собирался жениться снова, к его подруге девушка относилась хорошо, но жить осталась отдельно, благо квартира у нее была своя. Настя, все еще живущая с мамой, этому обстоятельству немного завидовала, но о переезде в собственное жилье дома не заговаривала. Отец и отчим покупать ей квартиру не предлагали, а просить ей казалось зазорным. Машину подарили на восемнадцать лет – и спасибо. А квартиру она сама купит. Вот окончит институт, выйдет на работу на полный день, возьмет ипотеку и купит. А пока ей и с мамой нормально живется. Та, несмотря на всю свою занятость, кулинарка знатная и хозяйка отличная, есть чему поучиться, да и отвлекаться на хозяйственные хлопоты не нужно. Оно и славно.

На этих привычных мыслях Настя подъехала к зданию университета, в котором ходила на курсы английского языка,

припарковала машину и выпорхнула на улицу, запахивая легкий пуховичок.

Весна в этом году была ранняя. Несмотря на начало марта, капало уже вовсю, снег на газонах съезжился в тоске от неминуемой гибели. Был он серый, грязный, побитый жизнью и посеченный дождем, унылый и сдавшийся. При взгляде на этот снег, ноздреватый, как плохая кожа у не следящего за собой человека, Настя испытывала легкую брезгливость. Она не уважала тех, кто не следит за собой. И тех, кто легко сдается. Ее мама, к примеру, никогда не сдавалась. И Глашкин отец – тоже.

Она посмотрела на часы – без четверти пять. До начала занятий еще пятнадцать минут. Подождать Глашку на воздухе или зайти внутрь?

Воздух был холодный, но уже весенний. В нем висел тот непередаваемый аромат приближающейся весны, который невозможно спутать ни с чем. Пахло капелью, надеждами, счастьем и еще немножко мечтой.

Настя, как человек серьезный, всем говорила, что мечтает о хорошей карьере. Она собиралась стать адвокатом и была готова много и трудно работать для достижения своей заветной цели. Но на самом деле, глубоко в душе, она мечтала о любви. Настоящей, крепкой, со счастливым концом. Она никому-никому об этом не говорила, чтобы не прослыть романтической дурочкой. Но ведь всем известно, что начало весны – время, когда просыпаются в глубокой берлоге не только медведи, но и запрятанные в недрах души мечты. Вот они и проснулись в отведенное природой время, и висели в воздухе, щекотали нос, дразня и насмехаясь.

С любовью Насте не везло. Точнее, любви не везло с Настей. При очень симпатичной внешности – огромных глазах, роскошных волосах, длинных ногах, тонкой талии и большой груди – она, разумеется, нравилась молодым людям. От поклонников у нее отбоя не было, вот только Насте было с ними скучно. С ней знакомились либо маменькины сынки, не способные самостоятельно не то чтобы женщину завоевать, а даже носки себе купить, либо стареющие бонвиваны, молодцевато втягивающие живот, приглашая на свидание, втайне от жены, разумеется.

С первыми Настя испытывала скуку, со вторыми – брезгливость. Она точно знала, каким требованиям должен соответствовать ее принц на белом коне – не пацан, но и не старый, лет тридцати, пожалуй. Холостой, умный, амбициозный, относящийся со страстью к тому, что делает.

Страстность природы Настя в людях ценила особо, наверное, потому, что мама ее была человеком глубоких страстей, и после водоворота чувств и событий, в эпицентре которых всегда находилась мама, трудно было довольствоваться серыми, пресными, обыденными буднями, которые, как карты, отчего-то сдавала жизнь, видимо, плохо тасующая колоду. Даже в Глашкиной жизни страстей было гораздо больше. И Настя, сама не желая в этом признаться, немного завидовала подруге.

Мимо прошел профессор английской литературы Николай Модестович Ровенский, и запах воздуха изменился, вместо весенней оттепели он пах теперь дорогим мужским одеколоном и трубочным табаком. Николай Модестович был в их городе тоже местной знаменитостью. По крайней мере, не учившаяся на инязе Настя была о нем наслышана. Известный шекспировед, он был ученым с мировым именем, читал лекции в Лондонском университете, много печатался в западных научных журналах и лишь в последние годы, будучи человеком уже немолодым, осел на родной кафедре.

Настина учительница английского, та самая, из-за которой на занятия хотелось идти как на праздник, была бывшей аспиранткой Ровенского и относилась к нему с глубоким почтением. Он молодую женщину тоже явно выделял среди всех остальных, по крайней мере, неделю назад ей даже удалось уговорить Ровенского прочитать слушателям ее курса лекцию по творчеству Шекспира, на английском, разумеется.

Настя поняла не все, но слушала, затаив дыхание, скорее даже не от интереса к теме, а попав под мощную харизму старого профессора. Его мягкий баритон обволакивал, заполняя все пространство аудитории, в нем отчего-то слышался морской прибой, то мягко набегающий на линию песка, то с воем разбивающийся о прибрежные камни.

Интересный, в общем, был дядька, хотя Глашке он не понравился. Несмотря на то что она была младше Насти на три года, язык знала

гораздо лучше, поскольку учила его с раннего детства. Видимо, именно знание языка позволило Глашке уловить тончайшие нюансы, недоступные Настиному пониманию, потому что она заявила, что лекция была крайне поверхностной.

Настя удивилась, но спорить не стала, потому что никогда не отстаивала точку зрения, не будучи уверенной в своих аргументах.

– Здравствуйте, Николай Модестович, – сейчас она поздоровалась, потому что привыкла при любых обстоятельствах быть вежливой.

Одетый в дорожную, видно, что очень качественную, куртку, профессор замедлил шаг, а затем вовсе остановился, взглядываясь Насте в лицо.

– Добрый вечер, юная леди. Вы с какого курса? Я вас не помню.

– Я не студентка, – засмеялась Настя. – Точнее, студентка, но не ваша. Я в Юридической академии учусь, а сюда хожу на курсы английского, к Софье Михайловне.

– А-а-а, к Сонечке. – Добродушное лицо профессора осветила улыбка, которая ему очень шла. – Это вам повезло, юная леди. Сонечка – прекрасный педагог, одна из лучших моих учениц, да-с.

Он кашлянул и скрылся за дверью здания.

Настя начала замерзать и собиралась уже последовать его примеру, как увидела спешащую к ней Глашу. Та махала рукой, привлекая внимание подруги:

– Приве-е-е-ет!

– Привет, – Настя радостно улыбнулась, потому что действительно была рада видеть Аглаю. У той было какое-то удивительное свойство расцветивать жизнь вокруг себя и заставлять людей улыбаться. – Ты чего опаздываешь?

– Ничего я не опаздываю, еще без семи минут, все успеем, – сообщила Глашка. – А ты чего, с Ровенским любезничала?

– Да просто поздоровалась, а он спросил, с какого я курса.

– Фу, какой он все-таки неприятный. – Глаша смешно сморщила нос и стала вдруг похожа на капризничающего ребенка. – И бабник наверняка.

– Ну, что ты выдумываешь, Глаш, – рассмеялась Настя. – Ему же в обед сто лет, как он может быть бабником? И он не противный, а очень даже приятный. И умный. С ним наверняка очень интересно было бы поговорить. Ты представляешь, сколько он знает? Он же в Англии жил.

– Ну и что, – Аглая Молчанская умела быть ужасно упрямой, – мало ли, кто где жил. Все равно он старый противный козел. Обещай мне, что будешь держаться от него подальше.

– Да, конечно, буду. Что ты распсиховалась-то? Мы с ним поговорили в первый и в последний раз в жизни, честное слово. Где он и где я. Все, пошли, Софья не любит, когда мы опаздываем.

Девушки зашли внутрь, и тяжелая университетская дверь захлопнулась за их спинами.

* * *

Соня злилась. Сердита она была с самого утра, потому что сегодняшнее утро не пахло кофе. Кофе был обязательным атрибутом ее жизни. Соня могла пить его в любое время дня и ночи, причем в самых неожиданных комбинациях, но по утрам кофе был жизненно необходим, и брат, подаривший ей кофеварку, утверждал, что делает это в медицинских целях, потому что для Сони с ее вечно низким давлением хороший кофе – это не блажь взбесившегося гурмана, а лекарство. Не удовольствие, а необходимость.

Конечно, хороший кофе был все-таки удовольствием, причем не дешевым. Но Соня старалась экономить на новых сапогах (в старых вполне можно проходить еще год), платьях, поездках к морю, да на чем угодно, только не на кофе. К счастью, брат, купивший кофемашину, подбрасывал и капсулы к ней. Так что запас в кухонном шкафчике не иссякал, вот только сегодня он оказался бесполезным, потому что кофемашина сломалась.

Сначала Соня отказывалась поверить в неизбежное и все тыкала пальчиком в кнопки в надежде услышать знакомое жужжание, но машинка лишь щелкала чем-то внутри, а потом и вовсе замолчала. Сдалась. Соня позвонила брату.

– Денька, – жалобно сказала она, – у меня кофемашина сломалась. Совсем.

Брат масштаб проблемы оценил с ходу. У нее вообще был замечательный брат, все понимающий.

– Я сегодня в вечернюю смену, – деловито сказал он. – По дороге на работу заеду, посмотрю. Если что, заберу в ремонт, а тебе пока свою оставлю.

Нет, не брат у нее, а просто золото.

– Спасибо, – сказала Соня с искренней признательностью в голосе. – А то у меня, как назло, никаких запасов кофе. Молотый ты на Новый год использовал, а я так в запас и не купила, потому что привыкла капсулами пользоваться, а растворимый и вовсе в доме не держу. Гадость такую. Как теперь день прожить, вообще не представляю. Я ж без чашки кофе утром не человек.

– Заскочи в кофейню какую-нибудь по дороге. – Денис всегда был человеком действия, пустого сочувствия не признавал. – Либо посиди в красивом интерьере, посмакуй любимый напиток, не спеша, пирожным себя побалуй, либо возьми кофе с собой. В машине выпьешь.

Машина – маленькая, юркая «Мицубиси Кольт» – была второй Сониной слабостью и роскошью, которую она смогла себе позволить на преподавательскую зарплату. Ездить за рулем Соня обожала, а вот ходить пешком, наоборот, терпеть не могла. Ей было то морозно, то ветрено, то дождливо, то пыльно, то жарко. Поэтому даже в магазин за два квартала Соня ездила на машине, над чем Денис всегда безобидно, но все-таки подтрунивал.

В кофейню она уже не успевала. В сегодняшнем расписании лекция у нее стояла первой парой, круглосуточно в городе работала только одна кофейня, как на грех, располагающаяся совсем не по пути в университет, да и с кофемашиной она провозилась непозволительно долго. Нет, придется начинать день без кофе.

Наскоро собравшись, она выскочила в подъезд, вставила ключ в замочную скважину, запирая дверь, повела носом, принюхиваясь, и нахмурилась.

Нет, утро совершенно точно пахло не кофе. Запах, отвратительный, смердящий, тошнотворный, струился из-за соседской двери напротив. Там жили два одиноких мужчины – отец и сын, и Соню начинало беспокоить то обстоятельство, что последний раз она видела их в апреле прошлого года, не позже.

Соседи куда-то пропали. Их почтовый ящик ломился от неоплаченных счетов, на общедомовом собрании представители управляющей компании жаловались на долги по квартплате, недавно приходили представители психоневрологического интерната, в котором на учете состоял младший сосед, а из квартиры отвратительно воняло.

Впервые обладающая тонким обонянием Соня учуяла запах еще летом и сразу же вызвала участкового. Тот пришел, постоял у запертой

двери, понажимал в дверной звонок и ушел восвояси, сообщив, что никакого запаха не чувствует, а соседи могли просто уехать к родственникам или знакомым.

Шло время, вонь усиливалась, и Соня еще три раза вызывала участкового с требованием вскрыть и проверить квартиру, но каждый раз получала отказ.

– Не имею я на это никакого процессуального права, – объяснил ей участковый. – А пахнет... Так они, наверное, холодильник перед отъездом отключили, и там продукты испортились, вот и пахнет.

Объяснение не тянуло даже на тройку, это Соня, как преподаватель со стажем, понимала совершенно четко, вот только что делать с «нехорошей квартирой», не знала. Посоветоваться бы с кем.

Сбегая по лестнице и садясь в машину, она вдруг четко поняла, с кем именно. У одной из слушательниц ее курсов мама работала журналисткой и специализировалась именно на криминальных историях. В том, что речь идет именно о криминале, Соня не сомневалась, значит, надо будет сегодня поговорить с Настей, попросить телефон ее мамы, журналистки Инессы Перцевой, и позвонить.

От того, что она придумала конкретный план действий, у Сони даже настроение улучшилось, вот только кофе хотелось ужасно, но что поделать, если кофе нет. Она завела машину и уже собралась было отъехать от края тротуара, когда пассажирская дверца открылась, и в нее заглянула лохматая голова с вечно улыбающимися глазами – Арсений, детский приятель ее брата, живущий в соседнем подъезде.

– Сонька, привет, подвезешь?

Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно плюхнулся на пассажирское сиденье, и Соня едва заметно поморщилась. Не любила она бесцеремонности.

– Тебе куда? – спросила она. – А то я на лекцию опаздываю, если не по дороге, то не подвезу, извини.

– Да мне сегодня с утра в Пенсионный надо, лифты там моя богадельня обслуживает, вот с утра наряд взял. Ты меня до универа подвези, а там я уж добегу, напрягать тебя не буду.

Такой расклад Соню если и не устраивал, то точно не напрягал.

– Ты в фирме по обслуживанию лифтов теперь работаешь? – спросила она.

Ей было не интересно, но хотелось проявить вежливость. Все-таки Денискин друг детства.

– Ну да. Надо же где-то на хлеб зарабатывать. Хватает, конечно, только на голый и иногда черствый, но лучше, чем ничего. Не все же выбиваются в местные знаменитости, как Денька.

К тому, что ее брат знаменитость, Соня до конца так и не привыкла, хотя последние лет пять он считался самым лучшим в их городе шеф-поваром. В возрасте двадцати восьми лет Денис Менделеев выиграл конкурс молодых шеф-поваров «Серебряный треугольник», который ежегодно проводится в рамках Московского гастрономического фестиваля. Затем занял первое место на Открытом чемпионате России по поварскому искусству.

В прошлом году взял Международный Кремлевский кулинарный кубок и теперь на полном серьезе готовился принять участие в «Золотом Бокюзе» – международном конкурсе шеф-поваров, таком же желанном для кулинаров, как «Оскар» для киноиндустрии. В январе этого года прошел очередной «Золотой Бокюз», и Денис на полном серьезе утверждал, что будет готов побороться за вожделенную статуэтку через два года, на следующих гастрономических соревнованиях экстра-класса.

Российские повара участвовали в «Золотом Бокюзе» с 2003 года, и ни одному из них не удавалось получить приз конкурса, но Дениса это не смущало. В своих силах он был уверен. Или, как подозревала Соня, самоуверен. Впрочем, брату она о своих сомнениях не говорила, не хотела подрезать крылья. Да и знала, что упорства ему не занимать. К любой поставленной цели ее братишка шел напролом, не боясь никаких преград.

Сейчас он работал шеф-поваром модного и действительно хорошего ресторана «Буррата», в котором почти никогда не было свободных столиков, а заодно присматривал за меню и обучением поваров в остальных заведениях, принадлежавших владельцу «Бурраты» Феодосию Лаврецкому.

О Феодосии Соня была наслышана, хотя лично и не знакома. Про него в городе говорили с легким придыханием, как о предпринимателе «нового поколения». Ему удавалось любое начатое дело, и сейчас, помимо «Бурраты», он владел сетью ресторанов быстрого питания,

которая по франшизе уже работала в тридцати регионах страны, пиццерией, рестораном японской кухни и парой кофеен.

Помимо удачливости, столь необходимой в бизнесе, Лаврецкий обладал еще и таким редким нынче качеством, как порядочность. Так говорил Денис, а на мнение брата Соня полагалась полностью. Несмотря на то что был он на два года младше ее, Соне еще со школы казалось, что он в их маленькой семье главный, а она вторая, ведомая.

Соня и Денис рано остались без родителей. С разницей в полгода те сгорели от рака, хотя Соня и тогда, и сейчас была уверена, что отец ушел из жизни от болезни, а мама – от тоски по нему. Как бы то ни было, им с братом было восемнадцать и шестнадцать, когда они пережили двое похорон, после чего вдруг остались совсем одни. Соня тогда училась в институте, Денис заканчивал школу.

У отца был бизнес, долю в котором выкупил его друг и компаньон. Благодаря этому обстоятельству Соня смогла закончить учебу, а Денис, наотрез отказавшийся поступать в институт, – кооперативный колледж. Он с самого детства мечтал стать поваром и стал, преодолев сопротивление сестры, умолявшей брата получить высшее образование.

– Я и без диплома стану самым лучшим в своем деле, – сказал он тогда.

И действительно стал.

Денег хватило бы на долгие, если бы Соня не вышла неудачно замуж. Тогда, оставшись одна, точнее, конечно, с Денькой, но все равно без родителей, она отчаянно нуждалась в чьем-нибудь надежном плече, за которым можно было бы спрятаться от злых жизненных ветров и немного отдышаться от свалившегося на нее горя. Боль от смерти родителей не проходила, не становилась меньше. Соня просто жила с ней, чувствуя, как эта боль разрастается внутри, как злокачественная опухоль, погубившая ее родных, вытесняя чувства и мысли. Так было до тех пор, пока она не влюбилась.

Ее избранник умел проникновенно смотреть бездонными синими глазами, слушать так, что казалось, что для него больше не существует никого на свете, гладил по голове, ловил мягкими губами ее безвольные губы, шептал какие-то бессмысленные, но утешающие слова, от которых действительно становилось легче.

Как-то незаметно он сначала переехал к ним с Денькой жить, потом женился на Соне, затем взял у нее в долг денег, чтобы раскрутить нуждавшийся в инвестициях бизнес. Много позже Соня поняла, что ее муж вовсе не был предпринимателем, просто прожектором и мечтателем, неспособным на созидание.

Сначала растаяли деньги, а потом и он сам тоже исчез из Сониной жизни, как испарившаяся на солнце лужица от растаявшего снеговика. Ей только и осталось, что удивиться, как тихо и незаметно это произошло. Не осталось ни боли, ни разочарования, одно только огромное изумление, как она могла быть настолько слепой, чтобы не видеть очевидного.

К тому моменту она уже окончила университет и осталась работать на кафедре. К счастью, Денис уже тоже работал в одной из крупных городских столовых, так что на две зарплаты можно было как-то сводить концы с концами.

Соня рвалась разменять родительскую квартиру, чтобы у Дениса был свой угол и своя личная жизнь, но он только сначала смеялся, а потом сердился, потому что считал продажу родительского гнезда кощунством.

– Это твой дом, – говорил он. – И я буду жить с тобой, пока не заработаю себе на квартиру. Сам, потому что я мужчина. И я за тебя отвечаю.

Соня тогда горько плакала, потому что ее братишка оказался единственным человеком, свято верившим, что он действительно несет за нее ответственность. Свой неудавшийся брак она не вспоминала, но и снова замуж не торопилась, разучившись доверять мужчинам.

– У меня сделана качественная прививка, – говорила она подругам.

К счастью, они с мужем не успели завести ребенка. Что это тоже «к счастью», Соня считала лет до тридцати, потому что жизнь у них с Денисом была непростая, в материальном плане в первую очередь, и позволить себе растить одной ребенка она не могла. Правда, последние четыре года в подобном постулате она была уже не уверена, потому что у подруг подрастали дети, один за другим шли в первый класс, некоторые Сонины крестники уже даже успели получить паспорт, а она все была одна.

После пришедшего к нему признания Денис сначала снял, а теперь и купил квартиру, переехал от Сони, хотя тоже все еще не женился. В

его жизни появлялись и исчезали какие-то «феи», как характеризовал он их сестре, но сердце и душу не задевали.

У Сони душа болела за брата, потому что она мечтала, что хотя бы у него будет нормальная семья, такая, какая когда-то была у их родителей, и печалилась, что они живут, как два бобыля, для которых не существует ничего, кроме работы, да еще, пожалуй, друг друга. А Денька отмахивался и смеялся над ее глупыми страхами, абсолютно уверенный, что все у них обоих в жизни будет хорошо, только в нужный срок.

– Вот встречу такую женщину, как мама, или хотя бы как ты, – говорил он, – тогда и женюсь.

И это его «хотя бы» Соню ни капельки не обижало, потому что она и надеяться не смела равняться с умершей матерью.

Мысли ее, стартанувшие с добившегося успеха в жизни Дениса, привычно съехали на семью, и, погруженная в себя, очнулась только тогда, когда сидящий рядом Арсений начал что-то возбужденно орать, размахивая руками. Соня невольно вздрогнула.

– Ты чего? Что случилось?

– Сонь, ты мимо Пенсионного же проехала, только не остановилась.

– Ой, – Соня виновато посмотрела на сидящего рядом молодого человека, – я специально маршрут изменила, чтобы тебя до места довезти, и задумалась. Но ты же сказал, что от университета дойдешь. Ничего?

– Да уж дойду, если ты такая ворона. – Голос Арсения звучал язвительно. – Ей-богу, ты все-таки иногда бываешь не от мира сего. Все о женихах мечтаешь?

– Арс, ты, конечно, друг детства моего брата, но точно неходишь в число людей, которые могут разговаривать со мной столь бесцеремонно, – отрезала Соня. Конфликтовать она не любила, но постоять за себя могла. – Я задумалась и проехала мимо, за что приношу свои извинения, но если тебя что-то не устраивает, то будь добр, в следующий раз вызови такси.

– Так я ж не звезда местная, не волшебник поварешки и поварского колпака, я такие деньжищи не зашибаю, чтобы свою машину иметь или на такси раскатывать, – неожиданно зло ответил Арсений. – Это вы с

Денькой у нас все из себя благополучные, не надо чужую жизнь по своим привычкам мерить.

– У тебя одна работа? – спросила Соня, которая ненавидела подобные разговоры. – Ты до какого часа работаешь? До пяти?

– Ну да. – Арсений замолчал, явно сбитый с толку ее неожиданным вопросом. – А ты что, после работы меня домой подвезти хочешь? Так я не знаю, где буду, на каком адресе.

– Подвезти тебя в пять часов я не смогу, – ровным голосом сообщила Соня, – потому что после четырех учебных пар у меня еще вечерние курсы, они как раз в пять часов начинаются. Два раза в неделю. А еще я репетитором подрабатываю, как правило, по выходным. Так что на свою машину я, в отличие от тебя, сама заработала. И Денис тоже. Он вообще почти круглые сутки на ногах проводит. И мест работы у него не одно и даже не два. Так что работай больше, Арс. И будет у тебя машина. Или деньги на такси.

– Ух ты какая. – Арсений откинулся к дверце, посмотрел на Соню словно со стороны. В его взгляде сверкала неприкрытая злоба. – Сучка ты, оказывается. Обычная эмансипированная сучка. Работает она, машина у нее. Мужик тебе нужен, чтобы трахал до звона в ушах, да еще кулаками учил уму-разуму, чтобы не выпендривалась.

Соня подъехала к университету, заняла место на парковке, еще свободной по причине раннего утра. Если приехать не к первой, а ко второй паре, уже не встанешь.

– Вылезай, – спокойно сказала она. – Приехали. Это если заканчивать наш разговор на вежливой ноте. А если на невежливой, то пошел вон.

Арсений хлопнул дверью так, что у Сони в ушах словно гром загрохотал. Да что ж за утро такое, и кофе не выпила, и паршивец этот на ее голову навязался.

Катящийся своей чередой день приносил все новые и новые неприятности. На лекцию, поставленную первой парой, пришло всего три человека, остальные предпочли проспать, и Соня расстроилась, потому что к чтению лекций относилась с пиететом и готовилась каждый раз заново, не позволяя себе пользоваться заезженными конспектами.

Кафе в соседнем доме, куда Соня выскочила на перемене, едва дождавшись десяти утра – времени открытия, – оказалось закрыто на

санитарный час. По окончании четвертой пары, когда она надеялась сбегать на обед в расположенный неподалеку маленький ресторанчик (принадлежащий Феодосию Лаврецкому, кстати, и находящийся под Денискиным патронажем), неожиданно поставили заседание кафедры.

И вдобавок ко всем неприятностям, на этой самой кафедре рядом с ней умудрился усесться ее бывший научный руководитель профессор Ровенский, близости которого Соня в последнее время избегала, ибо имела для этого все необходимые основания. И вот поди ж ты, зазевалась.

Николай Модестович уселся рядом, поставив стул так близко, чтобы ненароком прижаться бедром к Сониному бедру.

Она досадливо поморщилась. Научного руководителя она уважала, с диссертацией он ей в свое время действительно сильно помог, но слыл бабником и ловеласом, в молодые годы не пропускавшим ни одной юбки. Сейчас Николаю Модестовичу было уже за семьдесят, но его это обстоятельство нимало не смущало. До молодых студенток он уже был неохоч, поскольку те смотрели на старого профессора с откровенной издевкой и недоумением, да и времена нынче были сложные, когда жалобы на харассмент, то бишь сексуальные домогательства, стали делом само собой разумеющимся. Поветрие это, зародившись в Америке, сначала перекинулось на Европу, потом пришло в Россию и теперь докатилось и до их небольшого провинциального городка.

В прошлом году одна из студенток уже написала в ректорат жалобу на Ровенского, тогда конфликт замяли, но больше он к студенткам не подходил даже на пушечный выстрел. Но характер же не переделать. Поэтому весь неистраченный пыл ухаживаний Николай Модестович обрушил на доцента кафедры английского языка Софью Михайловну Менделееву, то и дело томно вздыхая, украдкой пожимая ручки, поглаживая по щечке, трогая коленки и вот так, полуинтимно прикасаясь к бедру.

Соню это и раздражало, и смешило одновременно. Жену профессора, Ольгу Сергеевну Ровенскую, она знала много лет, поскольку профессор имел привычку работать со своими аспирантами дома, приглашая их на чашку чая. Знала и жалела, потому что от козлиных походов мужа эта женщина и пятнадцать лет назад выглядела на нынешние семьдесят. Правда, с того времени, как Соня

увидела ее впервые, она совсем не изменилась, словно законсервировалась.

Мужа она обожала, измены прощала, больше всего боясь, что муж уйдет от нее к другой. Но никуда уходить от накрахмаленных простынь, постоянных пирогов и борщей и от всемерного обожания супруги Ровенский не собирался. На работе у него была наука, дома – надежный тыл, а темперамент, когда-то безудержный, да и теперь не окончательно утихнувший, он проявлял на стороне.

Соня, тоже словно ненароком, двинула стул. Ровенский отвернулся, будто бы не заметив ее маневра, но спустя мгновение его ладонь оказалась у Сони на спине. Дрогнули пальцы в робком поглаживании. Соню тут же затошнило. Почему-то навязчивые ухаживания благообразного профессора вызывали у нее именно такую физиологическую реакцию. Она дернула плечом, и он понял, убрал руку, пусть и немного помедлив.

К концу заседания кафедры кофе хотелось так сильно, что Соня чуть не плакала. Есть хотелось тоже, и она с нетерпением поглядывала на часы – успеет сбегать в кафе перед началом курсов или не успеет?

Наконец мероприятие, скучное и бессмысленное, как все заседания, закончилось, и Соня вскочила со своего стула, готовая бежать одеваться. До начала вечерних занятий было еще пятьдесят минут, вполне достаточно для кофе с куском курника или киша. Погруженная в приятное чувство предвкушения, она не сразу услышала, что профессор Ровенский ей что-то говорит. А когда услышала, то чуть не застонала от огорчения. Оказывается, он приглашал ее в кафе. То самое кафе, о котором она так страстно мечтала последние полтора часа.

– Позвольте мне угостить вас кофе, Сонечка, – глубокий баритон, богатый модуляциями, звучал приглушенно, чуть интимно. – И обязательно с пирожным. Таким молодым женщинам, как вы, обязательно нужно есть сладкое. И страстно его обожать.

Соня сладкое терпеть не могла, предпочитая любому пирожному какой-нибудь пирожок. Но не говорить же об этом Ровенскому.

Она тяжело вздохнула, отчетливо понимая, что если день не задался с самого утра, то ожидать перемены к лучшему и не стоит.

– Мне некогда идти в кафе, Николай Модестович, – сказала она. – У меня занятия совсем скоро, а мне еще приготовиться надо.

– Жаль-жаль. А я схожу. Нет ничего лучше чашечки кофе после кафедры. Мне, конечно, кофе нельзя, Ольга Сергеевна не одобряет, но иногда я себя балую. Особенно после скучной обязательки. Вот как сейчас. Странно, что вы не любите кофе, Сонечка.

Соня уже с трудом сдерживалась, чтобы не зареветь.

Кофе хотелось невыносимо, а слова Ровенского скребли по душе, как пенопласт по стеклу. Ушел бы он уже, что ли. К счастью, нацепив дорогую куртку и расчесав бородку специальной расческой, которую он носил с собой, Николай Модестович убрался восвояси. Остальные коллеги тоже разошлись, у большинства из них рабочий день был уже позади, и Соня осталась в кабинете одна, щелкнула кнопкой электрического чайника, понимая, что чашка чая ничем не исправит ее сегодняшнего настроения.

И все же лучше чай, чем совсем ничего. Соня налила кипяток в чашку, бросила пакетик чая с мятой, отхлебнула. Скривилась, страдальчески подняла глаза к небу. Со стены на нее, чуть усмехаясь, смотрел портрет профессора Леонида Федоровича Свешникова. По-доброму, надо сказать, смотрел.

Соне посчастливилось застать Свешникова преподающим в университете. Когда она только поступила на свой иняз, Свешников читал английскую литературу, естественно, на языке оригинала. Это были самые лучшие лекции, которые Соня только слышала в своей жизни. Ровенский был его учеником и лектором слыл тоже прекрасным, но сравниться со Свешниковым все равно не мог. Хотя старался. Соня это подмечала.

Потом она погрузилась в горе, связанное со смертью родителей, и старый профессор примерно в это же время тоже сначала заболел и ушел на пенсию, а потом умер. И теперь в помещении кафедры жил только его портрет. Вместе с воспоминаниями, разумеется. Профессор, как помнила Соня, специализировался на поэзии Уильяма Блейка, считаясь крупнейшим в мире специалистом по этой теме. В годы советского застоя он даже умудрился на несколько лет уехать в Великобританию, жил в Лондоне, работал в Лондонском университете, готовил докторскую по Блейку.

Несколько десятилетий спустя Николай Модестович Ровенский шел тем же путем, тоже путешествуя по всему миру и читая лекции в

западных университетах, но после перестройки в этом не было ничего особенного, а вот поездка Свешникова была не чем иным, как чудом.

Глядя на его портрет, Соня каждый раз думала о том, что чудеса в жизни все-таки случаются. Старый профессор, улыбаясь с портрета, дарил надежду. Да-да, надежду. Почему-то каждый раз при взгляде на него Соня начинала верить, что все в ее жизни будет хорошо. Жаль только, Свешников не мог хотя бы намекнуть, а когда именно.

Скрипнула входная дверь, в нос ударил запах кофе, и Соня невольно подивилась силе своего воображения. Ну, надо же, у нее уже ароматические галлюцинации начались.

– На, пей, – слышался из-за спины сердитый, до боли родной голос, а в руках оказался бумажный стаканчик, горячий и очень вкусно пахнущий. – Вот что ты за человек такой, говорил же я тебе, заедь в кафе. Так нет же. Так и знал, что ты предпочтешь до вечера страдать.

– Денька. – Соня повернулась, прижалась щекой к широкому плечу брата. – Ну, как же здорово, что ты придумал привезти мне кофе. Я тут без него почти совсем уже пропала.

– Балда. – Он улыбнулся Соне, ласково-ласково, как улыбался всегда, как будто это она была младшей, а не он. – Я ездил к тебе домой, привез свою кофеварку, твою в ремонт закинул, вот заодно завез тебе твой волшебный напиток. Пей, наркоманка, как будто я не знаю, что ты без него не человек.

– Спасибо. – Соня сделала глоток и зажмурилась от счастья. Прав был профессор Свешников, ой, как прав. Никогда не нужно переставать надеяться. – Ты у меня самый лучший, Денис. Какой-то девушке...

– ...очень сильно повезет, – подхватил он. – Знаю, знаю. И когда такая везучая девушка появится в моей жизни, я вас обязательно познакомлю. Слушай, я побежал, меня Феодосий ждет. Один вопрос. Ты можешь выбрать день, чтобы с ним встретиться?

– С кем? – удивилась Соня и отхлебнула еще.

Кофе был горячим, крепким, несладким. Все, как она любила.

– С Феодосием Лаврецким.

– Твоим шефом? – Соня удивилась еще больше. – А зачем?

– Я ж тебе рассказывал. Он разработал систему мотивации персонала в своих ресторанах. Считает, что, помимо материальной, должна работать и нематериальная мотивация. Понимаешь?

– Не очень.

– А еще он считает, что каждый человек независимо от возраста, места работы и достижений должен в обязательном порядке развиваться дальше. Картины писать, иностранные языки учить, на пианино играть, финансовой грамотностью овладевать. Теперь понятно?

– Понятно. – Соня кивнула и заглянула в кружку, в которой оставалось еще пару глотков кофе. М-м-м-м, какое счастье. – Только я-то тут при чем? Или твой шеф считает, что я тоже должна развиваться?

– Должна, разумеется. Только сейчас разговор не о тебе. Он придумал, что все сотрудники, кто хочет, разумеется, должны иметь возможность за счет компании изучать английский язык. И он хочет с тобой договориться, чтобы ты два-три раза в неделю приходила к нам и вела такие группы. Теперь понятно?

– Где? В ресторане?

– Да почему в ресторане? – От ее непонятливости Денис, похоже, начал терять терпение. – В офисе. У нас же офис есть, от университета в двух шагах, на Пушкинской. Все, кто свободен, могли бы туда приходить в те вечера, когда у тебя курсов нет. Два раза в неделю, один, скажем, в выходной. Или тебе деньги не нужны?

Деньги были нужны. С нового года Соня лишилась двух учеников, с которыми занималась репетиторством. Первый передумал поступать на иняз и отказался сдавать ЕГЭ по английскому, а второй вместе с родителями уехал жить в Москву. Три групповых занятия в неделю она вполне могла потянуть.

Соня с интересом посмотрела на Дениса.

– Феодосий платит хорошо и всегда вовремя, ты же знаешь. Оформление белое. Все официально и по-честному. Кстати, если все-таки решишь отказаться, может, посоветуешь кого другого. Хотя я бы на твоём месте не отказывался.

– Я, наверное, и не откажусь, – призналась Соня. – А когда нужно идти разговаривать?

– Давай завтра, у тебя же нет курсов. Ты во сколько освободишься?

– Завтра часа в четыре, наверное. – Соня шагнула к столу и перелистнула календарь. – Да, точно, в пятнадцать сорок пять пара заканчивается.

– Ну, вот и договорились, значит, я скажу Феодосию, что ты придешь к четверем. И сам постараюсь подъехать.

Снова скрипнула дверь, и в кабинете появился Ровенский. Интересно, и зачем он вернулся?

Ах да. У него сегодня тоже есть вечерняя группа.

При виде Дениса лицо старого профессора невольно скривилось, как будто ему наступили на мозоль.

– Успеваете между занятиями с кавалерами миловаться, Сонечка? – кисло спросил он и покосился на стаканчик в ее руках. – Теперь я понимаю, почему вы не приняли мое приглашение на кофе.

– Николай Модестович, вы не узнаете моего брата? Когда я была вашей аспиранткой, он частенько меня встречал. Правда, с того времени довольно сильно изменился. Денис, поздоровайся, пожалуйста.

Денис усмехнулся, сделал шаг вперед, пожал немного вялую мужскую руку со старательно отполированными ног-тями.

– О-о, молодой человек, я вас действительно не узнал. То, что вы заботитесь о своей сестре, это похвально, очень похвально. Но, как бы то ни было, Сонечка, вам нужно бежать. Сейчас, заходя в здание, я видел ваших милых студенток. Они торопились к вам на занятие.

– Да, уже иду. Дениска, насчет завтра договорились. И еще раз спасибо за кофе. И за агрегат тоже. Что бы я без тебя делала?

– Вам, милая Сонечка, надо больше надеяться на настоящих мужчин, верных рыцарей, которые рядом с вами и которых вы упорно не замечаете, – назидательно сообщил Ровенский. – Если бы вы мне сказали, я бы вполне мог тоже принести вам кофе. Я же ходил в кафе и...

– Так в том-то и дело, что Денису не надо ничего говорить, – прервала его Соня, подхватила со стола папку с материалами для занятий и решительно взяла брата под руку. – Пошли, Денис. Мне действительно уже некогда.

* * *

Все утро Феодосий потратил на то, чтобы отбиться от навязчивого предложения стать депутатом городского представительного собрания. До выборов в этот совершенно бессмысленный, с точки зрения Лаврецкого, орган оставалось с полгода, и отвечающие за это чиновники надрывали жилы, пытаясь найти людей, способных не только справиться с обязанностями депутата, но и оплатить собственную избирательную кампанию.

Оплатить Феодосий мог хоть десять таких кампаний, но вот в депутаты не хотел категорически. Помогать людям и творить добрые дела он предпочитал, не отходя от своего рабочего места. В его кафе, ресторанах, пиццериях сейчас в общей сложности работали полторы тысячи человек, которым он платил белую и очень достойную зарплату, помогал устраивать детей в детские сады, оплачивал высшее или дополнительное образование, помогал с лечением близких, проводил конкурсы профессионального мастерства с весьма приличными призами, выдавал беспроцентные ссуды на покупку жилья.

С его точки зрения, этого было вполне достаточно. Тратить время на переливание из пустого в порожнее, просиживать штаны на скучнейших заседаниях он не собирался, равно как и бороться с ветряными мельницами. Все равно не поможет, да и неинтересно.

Чиновники, впрочем, считали иначе, видя в Лаврецком тучную дойную корову для своих политических игр. Он же проявлял весь свой недюжинный ум, чтобы держаться подальше и от политики, и от чиновников.

Он не был наивным простаком, наивные простаки не достигают в бизнесе подобных высот, а потому прекрасно понимал, что, в случае необходимости, обиженные его холодностью чиновники способны доставить ему уйму неприятностей. Пожарные, санитарные врачи, налоговая инспекция, прокуратура... Список контролирующих и проверяющих органов, которые можно было бы натравить на предприятия общественного питания Феодосия Лаврецкого, был бесконечным. Поэтому он старался никого не обижать, а умело лавировать между Сциллой и Харибдой. Пока получалось, хотя и с трудом.

Впрочем, думать о сегодняшнем утре было неинтересно. За время его блуждания по коридорам власти дел накопилось предостаточно, так что, вернувшись в офис и запершись в своем кабинете, он погрузился в мир бумаг и цифр. Открытие новых заведений по франшизе в других городах, прием на работу новых сотрудников, ввод весеннего меню, ремонт в одном из ресторанов сети, закупка продуктов, поступления денег и погашение дебиторской задолженности – для него не было мелких вопросов, и во все из них Лаврецкий предпочитал вникать до самого доньшка.

Правило «хочешь сделать хорошо – сделай сам» он считал вредным и неправильным, на работу привлекал лучших профессионалов, платил им щедро, спрашивал очень строго, доверял принимать решения и все-таки держал под личным контролем практически все, искренне полагая, что в дотошности и въедливости и кроется секрет успешного бизнеса.

В разгар работы позвонил Денис Менделеев – самый лучший повар в заведениях Лаврецкого и почти что друг. С одной стороны, парень очень нравился Феодосию своей открытостью и откровенным талантом. Человек он был хороший: добрый, верный, надежный. С таким – хоть в разведку. С другой – солидная разница в возрасте (а Денис был на десять лет младше самого Феодосия), а также некоторая разница в положении делали искреннюю дружбу затруднительной.

В их паре Денис был наемным работником, Феодосий – владельцем бизнеса, хозяином, и сложившуюся между ними дистанцию Денис не сокращал ни на йоту. Стоило Лаврецкому сделать маленький шагок к неформальному общению, как Менделеев тут же на шаг отступал. Из-за подобной щепетильности и твердой позиции Феодосий уважал Дениса еще больше.

Сегодня Денис звонил сказать, что выполнил данное ему поручение найти преподавателя на курсы английского языка, которые Лаврецкий придумал как еще один способ мотивации и одновременно развития сотрудников. Старшая сестра Дениса преподавала английский и была готова взяться за работу. С ней нужно было встретиться завтра, в районе четырех часов, и после разговора с Денисом Феодосий вписал эту встречу в свой ежедневник.

Он снова погрузился в бумаги, но его вновь отвлек телефонный звонок. Поглядев на экран, он мимолетно поморщился. Звонила жена, уже довольно давно перешедшая в разряд «бывшая». Когда-то, когда Феодосий был еще совсем молодым, он был уверен, что семья создается один раз и на всю жизнь. Именно так жили его родители и бабушки с дедушками, и ему казалось совершенно естественным, что так живут и все остальные.

Впервые придуманное им устройство мира пошатнулось еще в загсе, когда девушка-распорядитель, выстраивая гостей полукругом вокруг молодоженов для общей фотографии, с удивлением заметила: «Ну, надо же, с обеих сторон полные родительские семьи».

– А как иначе? – удивился тогда Феодосий.

– Да у всех сейчас только матери в загс приходят, потому что с отцами давно в разводе, – пояснила девушка, – чего уж тут непонятного.

Но Феодосию все равно было непонятно, потому что в его семье все искренне любили друг друга. Безоговорочно доверяли, обожали вместе проводить вечера и выходные, вместе ездить в отпуск, делиться важными событиями дня, радоваться успехам друг друга и переживать, если у кого-то что-то пошло не так.

Они с женой прожили меньше года, когда ее родители развелись. Выяснилось, что долгие годы отец жены имел вторую семью на стороне и сейчас, дождавшись, пока повзрослевшая дочь вышла замуж, наконец-то позволил себе уйти туда, где был счастлив. Теща, как казалось Феодосию, немного сошла с ума от обрушившегося на нее предательства мужа, по крайней мере, она стала нервной и дерганой, подозревала в бог знает каких грехах весь белый свет, включая мужа дочери, устраивала многочасовые истерики с бурными рыданиями, а с Феодосием не разговаривала, а только шипела.

К вящему удивлению Лаврецкого, чуть позже выяснилось, что все эти годы о существовании второй семьи у мужа теща знала и закрывала на это глаза. То есть рана, нанесенная предательством, не была свежей, а уход мужа стал лишь логическим завершением долгой и не очень красивой истории, которую нужно было рано или поздно как-то разрешать. Уход тестя вскрыл нарыв, из которого теперь выплескивались тонны гноя, но, на взгляд Феодосия, это вело лишь к оздоровлению ситуации.

Жена, когда он поделился с ней своими размышлениями, его не поняла.

– Ты что, – с подозрением в голосе спросила она, – с ума сошел? Да мама была готова до конца дней терпеть эту ситуацию, лишь бы с виду все оставалось в рамках приличий. Как ей теперь в глаза знакомым смотреть, когда она брошенка? И это в пятьдесят-то лет.

С точки зрения Феодосия, логика была кривая, но спорить он не стал, не хотел расстраивать жену. Во-первых, любил, а во-вторых, ей и так приходилось несладко из-за матери.

Он и дальше старался с ней не спорить. И тогда, когда она заявила, что пока не готова иметь детей, и тогда, когда сначала поступила в

очную аспирантуру в Москве, а после защиты осталась там же, получать еще и второе высшее образование, и когда, вернувшись, засела дома, заявив, что не создана для работы.

Все те годы, что жена училась и самообразовывалась, он строил свой бизнес. Начав с маленькой службы по доставке пиццы, все расширялся и углублялся, и придумывал новые направления, и искал единомышленников, и создавал сеть лучших ресторанов в городе, и устраивал экспансию за пределы области, и строил офис, покупал площади для ресторанов, содержа при этом и жену в Москве, и ее так и не пришедшую в себя мамашу.

Им с женой было по тридцать два, когда он вымолил, выклянчил, выстрадал, чтобы жена родила ему дочку. Так в его жизни появилась Наташка, похожая на маленького жирафика, с такой же тонкой шейкой, длинными голенастыми ножками и огромными доверчивыми глазами. Дочь Феодосий обожал и проводил с ней все свободное время. Впрочем, и несвободное тоже.

В их семье именно он вставал по ночам, когда ребенок плакал, потому что жене требовалось высыпаться хорошенько, чтобы сберечь красоту и молодость. Он не спорил, потому что бессонные ночи были самым малым, чем он мог рассчитаться с женой за подаренное ему чудо.

Он таскал дочку на работу, и она спала на маленьком диванчике за ширмой, пока он проводил свои совещания. Он бы и в командировки ее брал, была бы его воля, но жена была против, а он опять не спорил, чтобы ее не сердить и не нервировать тещу. К тому времени, как дочери исполнилось пять, а ему тридцать семь, как-то так сложилось, что жена практически все время была сердита, а теща нервирована. И он страшно удивился, если бы узнал, что главной причиной их нервов и недовольства был он сам – Феодосий Лаврецкий. Но он не знал, потому что ему некогда было раздумывать над их вечно недовольным видом. Он работал и занимался Наташкой.

Феодосию было сорок, когда жена от него ушла. Перед разводом она много говорила про то, что остановилась в духовном росте, про мещанство, из которого нужно найти выход, про свободу самовыражения, без которой она задыхалась все эти годы. Из всего этого бреда Лаврецкий понял только, что она ушла, забрав с собой Наташку, и теперь живет в отдельной квартире, которую купила втихаря

от него. Никогда-никогда он не ограничивал свою неработающую жену в деньгах.

Еще спустя пару месяцев, забирая дочку на выходные (это право он отвоевал, хоть и с некоторым трудом), он выяснил, что жена живет не одна, а вместе с подругой. Тетей Надей, как называла ее Наташка. Ничего не поняв, Феодосий на всякий случай нанял частного детектива, который быстро установил, что его бывшая жена на самом деле живет теперь с женщиной. Видимо, свобода самовыражения относилась именно к этому.

Спорить он снова не стал, но дочь забрал к себе решительно и бесповоротно. Операция прошла бескровно, потому что Лаврецкий обладал прекрасным даром убеждения. Оставив дочь жить с отцом (что Феодосий закрепил юридически, через суд, во избежание дальнейших сюрпризов), бывшая жена получала ежемесячное содержание, весьма щедрое, надо сказать. Кроме того, она становилась владелицей прекрасного небольшого домика на Мальдивах, где могла жить вместе с «тетей Надей», не страшась людского осуждения и зимних снегопадов.

Теще же была куплена квартира на испанском побережье и тоже выделен пенсия, не очень щедрый, но достаточный для того, чтобы вести скромную жизнь европейской пенсионерки, не путаясь под ногами у дочери с ее любовью и бывшего зятя с его делами.

В общем, как принято говорить, стороны разошлись к обоюдному удовлетворению. Осадочек, правда, остался, по крайней мере у Феодосия, который вот уже два года пребывал в состоянии некоторого легкого изумления, но обращать внимание на такие мелочи ему было некогда.

Знакомые на развод вообще никак не отреагировали, потому что всей правды не знали. Обычные же расставания семейных пар оказались действительно настолько привычным делом, что на них никто не обращал внимания.

Развелись? Хорошо. Живете в разных странах? Нормально. Ребенка воспитывает отец? Какая разница. Все оценивали ситуацию именно так, и Лаврецкого это вполне устраивало.

Наташка с матерью общалась по скайпу и от ее отсутствия особо не страдала, потому что безумно, до дрожи обожала отца. Растить дочь Феодосию помогала мама.

Жизнь вошла в привычную колею, «устаканилась», как говорила Наташка. И вот сейчас звонок бывшей жены, которая никогда-никогда ему не звонила, грозил перевернуть это хрупкое равновесие.

– Привет, – сказал Феодосий, проведя пальцем по экрану телефона. Не смотреть же, как он звонит, целую вечность.

– Привет. – Голос в трубке звучал вполне себе беззаботно, но Лаврецкого больше не вводили в заблуждение интонации его жены. – Слушай, я тут подумала... Ты не можешь увеличить мне ежемесячное содержание? Процентом на тридцать. Да, я думаю, так мне хватит.

– Могу. – Феодосий вздохнул, покосившись на Эверест бумаг, который не становился меньше. Интересно, он до вечера их разгребет?

– Здорово, – жена, то есть бывшая, конечно, заметно обрадовалась. – Тогда давай уже с этого месяца ты мне будешь переводить больше. Договорились?

– Нет, не договорились.

– Я понимаю, в этом месяце ты уже выплату сделал. Хорошо, тогда со следующего. Я согласна.

– Нина, – Феодосий снова вздохнул, – ты не поняла, я не собираюсь увеличивать тебе выплаты. Ни с этого месяца, ни со следующего, ни с какого.

– Но ты же только что сказал, что можешь, – оторопел голос в трубке.

– Могу. Только не хочу. И не считаю нужным.

– Лаврецкий, ты что, надо мной издеваешься?

– Ни в малейшей мере. Нина, два года назад мы с тобой все обговорили и закрепили наши договоренности в суде и у целого сонма адвокатов. Я купил тебе дом, твоей мамаше квартиру, выплачиваю вам обоим ежемесячные алименты, а вы в качестве ответной любезности навсегда оставляете в покое меня и Наташку. Два года тебя все устраивало. Что-то изменилось?

– Да, изменилось. – В голосе жены послышались панические нотки. Бывшей жены, разумеется. – Я скучаю по ребенку. Неужели ты настолько бесчувственный, что не в состоянии этого понять?

– Нина, ты только меня за идиота не держи, ладно? – ласково попросил Феодосий. – Как твоя тоска по ребенку зависит от уровня твоего материального благосостояния? Или лишние деньги компенсируют твои нравственные страдания?

– В общем, Лаврецкий, или ты платишь мне больше, либо я забираю ребенка, – устало сказала Нина. – Выбор у тебя невелик, если ты еще не понял.

– Нина, это ты не поняла. Повторю еще раз – наши с тобой договоренности я внес в сто пятьсот юридических документов. Поэтому Наташку ты не заберешь. Ни сегодня, ни завтра, никогда, и не надо меня шантажировать, ладно? У меня крепкая нервная система, если ты помнишь.

– Скотина. – Жена нажала на отбой, и в ухо Феодосию забили звонкие, отчего-то очень противные гудки.

Он пожал плечами, отбросил телефон и тут же забыл про звонок, и про Нину тоже забыл, потому что все, связанное с ней, давно отболело и зажило. Он считал, что насовсем.

Рабочий день, плавно перетекая в рабочий же вечер, шел своим чередом. Заботы были привычными и приятными, потому что свое детище Лаврецкий любил, сотрудников ценил, их достижениями гордился. Жизнь была прекрасной, безоблачной и счастливой или, по крайней мере, казалась таковой.

Глава вторая

Соня разговаривала с людьми в форме и посматривала на часы. Для того чтобы поговорить с приехавшими по ее просьбе полицейскими, она отпросилась с последней пары, но к четырем часам ее ждал начальник Дениса, и подводить брата ей не хотелось.

Полицейскими машинами был заставлен весь двор, соседи смотрели искоса, но это Соню мало заботило. Главное, что после многомесячных просьб и обращений органы правопорядка были согласны вскрыть соседскую квартиру. Ту самую, из которой крайне подозрительно пахло.

Полицейских помогла организовать журналистка Инесса Перцева. Вчера Соня не постеснялась и обратилась за помощью к ее дочери Насте. Девушка сначала от чего-то сильно расстроилась, словно упоминание матери ей было неприятно, но, вникнув в суть вопроса, кисло пообещала помочь.

Сегодня, когда Соня вела семинарское занятие на первой паре, ей позвонила сама Перцева, уточнила некоторые детали и велела ждать. Еще спустя час она перезвонила, чтобы уточнить, во сколько Соне

будет удобно подъехать домой, чтобы дать показания и присутствовать при вскрытии двери. Пришлось отпрашиваться.

– Итак, гражданка Менделеева Софья Михайловна. – Беседу с ней вел незнакомый оперативник. Участковый крутился рядом, посматривал на Соню с укоризной. Мол, что ж ты так меня подставляешь-то. Но Соне было его не жалко. Глядишь, отреагировал бы на ее первое заявление, не пришлось бы сегодня позориться при всем честном народе. – Знаете ли вы, кто проживает в соседней с вашей квартире?

– Конечно, знаю. Я в этом доме с рождения живу, поэтому всех старых соседей знаю. В пятьдесят шестой квартире живут отец и сын Галактионовы. Борис Авенирович и Саша, Санек.

– Какого они года рождения, вы знаете?

– Год точно не скажу, но Борису Авенировичу в прошлом году шестьдесят пять лет отмечали, так что сейчас уже на год больше, а Санек – мой ровесник, так что ему тридцать четыре года. Он – инвалид с детства. Ментальное расстройство.

– Это умственно отсталый, что ли?

– Да, можно и так сказать. Санек наблюдается в психоневрологическом диспансере. Они его тоже потеряли, он очень давно на приемах не был.

– Он что же, никогда не работал?

– Нет, конечно. Он вообще как будто пятилетний ребенок был. То есть ни помыться сам не мог, ни еду приготовить, ни в магазин сходить.

– А жили они на что?

Соня пожала плечами.

– В последние годы на две пенсии, как я понимаю. А до этого Борис Авенирович работал, конечно. Тогда еще его жена была жива. Она с Саньком дома сидела, а отец деньги зарабатывал.

– А кем он работал?

– Даже и не знаю. – Соня потерла лоб, вспоминая. – Вроде, когда я была маленькая, родители говорили, что он учителем был, но из-за болезни Санька уволился и пошел рабочим. Сварщиком, что ли. Тогда в советские годы они очень много зарабатывали. Галактионовы каждый год Санька возили на море, в санатории разные, к экстрасенсам обращались. У них очень много денег на это уходило.

– И как они, тихо жили? Этот их, больной, не буйный был?

– Нет, что вы. – Соня даже рассмеялась от такого нелепого предположения. – Санек тихий, вежливый очень. Улыбается всегда. Знаете, раньше про юродивых говорили, что они светлые, так вот Санек он как раз очень светлый, добрый, в отличие от отца. Рисовать, кстати, любит.

– А отец, выходит, злой?

– Нет, что вы. Борис Авенирович не злой. Я, наверное, неудачно выразилась. Просто он на жизнь немного озлобился. Непростая она у него была, особенно когда жена умерла. Он и по хозяйству все сам, и с Саньком крутился с утра до вечера, и денег им, конечно, не хватало. В общем, он иногда проявлял агрессию, но такую, в рамках. Например, как-то стал кричать на меня, что мы за ним следим. Или еще как-то раз обвинил нас с братом в том, что ему дверной глазок заклеиваем.

– А вы не заклеивали?

– Нет, конечно. – Соня даже засмеялась от такого нелепого предположения.

– Софья Михайловна, когда в последний раз вы видели своих соседей?

Соня задумалась.

– Точно не знаю, – призналась она. – Я совершенно точно разговаривала с Борисом Авенировичем в прошлом апреле. Приехала с работы, вышла из машины, пошла к подъезду, а там они с Саньком у входа стоят. Они из магазина возвращались, и я еще помогла им сумку с продуктами до квартиры донести. Да, пожалуй, именно тогда я их видела в последний раз, хотя не могу сказать, тогда они пропали или немного позже.

– А когда вы обратили внимание на их исчезновение?

– Летом. Где-то в середине июля, пожалуй. В почтовом ящике скопились неоплаченные квитанции, хотя до этого Борис Авенирович забирал их регулярно. Кроме того, мне показалось, что я чувствую неприятный запах из их квартиры, и я позвонила в полицию. Вот, Павел, наш участковый, тогда приезжал, может точно посмотреть, какого числа это было.

Оперативник и этот самый Павел обменялись малоприятными взглядами.

– Ну что, все понятно, пойдемте, Софья Михайловна, будете понятой при вскрытии квартиры ваших соседей.

Соня снова посмотрела на часы, показывающие десять минут четвертого. Да, пожалуй, полчаса у нее еще есть.

– А это долго? – робко спросила она. – А то у меня в четыре часа назначена встреча...

– Зависит от результата, – оперативник нехорошо усмехнулся, – но будем надеяться, что ничего, кроме испорченных продуктов, мы в этой квартире не найдем.

Вторым понятым оказался сосед из третьей на их лестничной площадке квартиры – отставной военный Владимир Петрович.

– Паникерша ты, Сонечка, – укоризненно выговаривал он, наблюдая, как вызванный из управляющей компании слесарь виртуозно вскрывает два замка на двери Галактионовых. – И чего шум подняла? Людей только от дела отрываешь. Вот вернется Борька из своей поездки, будешь ему объяснять, почему дверь в квартиру вскрыта. Знаешь же, как он трепетно к этому всему относится.

– Да, знаю, – уныло сказала Соня.

Проблема теперь уже казалась ей надуманной, и она начала испытывать привычное чувство неловкости, которое возникало у нее всегда, когда чужие люди ее в чем-то обвиняли.

Щелкнул замок, открылась дверь, затем вторая поехала внутрь, открывая взглядам собравшихся длинный пустой коридор. На лестничную клетку из этого коридора вырвалась волна чудовищной вони, заставившая отшатнуться к стене.

Владимир Петрович больше не бухтел, стоял молча, сжав губы в узкую прямую линию. Рядом белел лицом полицейский, видимо, предвидел для себя серьезные неприятности.

– Знакомый запах? – Оперативник внимательно смотрел на Сониного соседа.

Она, затаив дыхание, ждала его ответа, как будто от него зависела жизнь.

– Да, – нехотя ответил он. – Я в Афгане служил. «Груз 200» не раз отправлял на шестидесятиградусной жаре.

– Ладно, что тут стоять, пошли. – Полицейский шагнул внутрь, сердито повернулся к топтавшейся на пороге Соне: – Что вы застыли, Софья Михайловна, проходите, вы же понятая. Да и кашу эту всю заварили тоже именно вы.

Стараясь не дышать, как будто это было возможно, Соня заставила себя перешагнуть порог. Гуськом они дошли до кухни, заглянули в нее. На полу, под столом лежало то, что осталось от Бориса Авенировича. Никогда до этого Соня не видела мумифицированного трупа, но отчего-то при первом же взгляде на него поняла, что это именно он, а не его сын.

Глаза слезились от тошнотворного запаха. А на лестничной клетке он был в сто, нет, в пятьсот раз слабее из-за двух довольно герметичных, практически сейфовых дверей.

Соня вдруг совершенно не к месту удивилась тому, что у двух пенсионеров (одного по возрасту, другого – по инвалидности) в квартире были установлены такие сейфовые двери. Можно подумать, у них могло быть что-то ценное.

Полицейские вместе с соседом Владимиром Петровичем уже прошли дальше, в одну из комнат, но Соня не могла себя заставить сделать больше ни шагу внутрь ужасной квартиры. Она не сомневалась, что и младшего Галактионова тоже не было в живых.

– Еще одна мумия. – Оперативник, бывший здесь, по всей видимости, за старшего, витиевато выругался сквозь зубы.

Владимир Петрович тоже безостановочно бормотал ругательства. Заметил Сонин взгляд, пояснил коротко:

– Ты прости, Сонечка, но так легче.

Соне казалось, что легче ей не станет уже никогда. Этот ужасный запах так и будет преследовать ее всю оставшуюся жизнь, не давая сделать ни глотка. При мысли о еде желудок поехал вверх.

Соня выскочила на площадку, опрометью кинулась к своей квартире, но успела пробежать лишь до коврика у входной двери, сложилась пополам.

Следом за ней выскочил и Владимир Петрович, задышал открытым ртом, протянул ей платок.

– Много чего в своей жизни видел, но такого... Дезинфекцию теперь надо заказывать, скорее всего, не только квартиры, но и всего подъезда. И кому они мешали, спрашивается? С тараканами, конечно, мужики были, что старый, что малый, но тихие и безобидные, по большому-то счету.

– То есть, – Соня, непонимающе посмотрела на соседа, – вы что имеете в виду?

– Да то и имею, что убили их. Борьку с Сашкой, я имею в виду.

– Убили???

Почему-то до этого мысль, что отец и сын Галактионовы пали жертвой преступления, не приходила Соне в голову. Нет, ну, в самом деле, это же глупость какая-то.

Конечно, характер у Бориса Авенировича был не сахар, только эти постоянные обвинения в слежке и заклеивании дверного глазка чего стоили, но за это же не убивают. Или их ограбили? Так не было в их квартире ничего ценного.

Еще когда была жива жена Бориса и мать Санька, Соня иногда бывала в соседской квартире, забегая за пресловутой «солью» или поздравляя с Новым годом. Квартира была совершенно обычная. Как говорится, бедненько, но чистенько. Даже сейчас она выглядела практически стерильной, если бы не ужасный запах.

Бедно жили Галактионовы. Настолько бедно, что не имело никакого смысла убивать владельцев квартиры, чтобы чем-то в ней поживиться.

Соня бросила косой взгляд на двойные бронированные входные двери. Или она что-то про Галактионовых не знает?

Из квартиры выглянул участковый. Лицо его имело зеленоватый отлив и было мрачным донельзя. Соне даже стало его жалко, и так процедура не из приятных, так еще и проблемы неизбежны. Ну-ка, соседи с лета жаловались на запах и требовали вскрыть двери, а он не реагировал. Вот и дотянул до двух мумифицированных трупов.

При воспоминании об увиденной картинке желудок снова поехал к горлу, но Соня усилием воли взяла себя в руки.

– Пройдите, протокол подписать надо, – сказал ей участковый.

Соня замотала головой:

– Я туда больше не пойду.

– Положено так. – Он тоже с усилием сглотнул. – Это быстро. И можно у самой двери. Далеко проходить не обязательно.

– Пойдем, – Владимир Петрович вздохнул. – Что ж поделаешь, если надо. Ты это, потом водки обязательно выпей, иначе не отпустит.

С точки зрения Сони, в ее жизни не могло быть никакого потом. Она была совершенно уверена, что все увиденное отпечаталось в ее памяти навсегда и «развидеть» картинку сегодняшнего дня ни за что не получится.

Где-то в прошлой жизни осталась привычная повседневность с лекциями, семинарами, курсами, студентами, отправленной в ремонт кофемашиной и деловыми встречами. Кстати, кажется, сегодня она должна была с кем-то встречаться, но сейчас Соня не помнила, с кем и по какому поводу.

Совсем не вовремя у нее зазвонил телефон, и она ухватилась за него, как утопающий за соломинку. Разговаривая по телефону, можно было оттянуть возвращение в страшную квартиру. Звонил брат.

– Сонь, у тебя все нормально? – Голос Дениса звучал озабоченно. – Ты на встречу к Феодосию не пришла и не предупредила. Зная твою пунктуальность, я заволновался.

– У меня – да, – вяло сказала Соня.

Точно, у нее же была назначена встреча с Денискиным начальником, всесильным владельцем уймы ресторанов Феодосием Лаврецким. Кажется, он хотел нанять Соню на работу – обучать персонал английскому языку. А она не пришла на встречу. Что он теперь о ней подумает? Впрочем, почему-то последнее Соню совершенно не волновало.

– А у кого не в порядке? – Денис, как всегда, умел вычленять суть любого предложения. – Сонь, я по голосу слышу, что что-то случилось. Так что давай, рассказывай.

И Соня рассказала.

Денис слушал молча, не перебивая, как умел слушать только он.

– Я сейчас приеду, – сказал он, когда она закончила. – Насчет Феодосия не переживай, я ему все объясню. И с работы отпрошусь, тебя нельзя сейчас оставлять одну.

Нет, все-таки у нее был самый лучший брат в мире. От этой мысли Соне стало чуть легче. Откладывать неизбежное дальше было глупостью. Уж лучше правда сделать и оставить все позади. Тем более что Дениска скоро приедет.

Она тяжело вздохнула, задержала дыхание и переступила порог галактионовской квартиры.

Участковый обманул, голоса полицейского и Владимира Петровича раздавались из глубины жилища, в коридоре никого не было. Соня двинулась по коридору, стараясь не поворачивать голову в сторону кухни, где под столом лежал Борис Авенирович, а точнее, то, что от него осталось.

Дверь в кухню была преодолена без происшествий. Дальше по курсу находилась гостиная, и, хотя голоса раздавались не оттуда, Соня зачем-то невольно повернула голову. Так и есть. Останки Саши Галактионова лежали на диване, перед телевизором.

Голова закружилась так сильно, что Соня чуть не упала, и, чтобы удержаться на ногах, уцепилась за стоящий в коридоре книжный стеллаж. У Галактионовых вообще было очень много книг. Вся прихожая вдоль стен была заставлена книжными стеллажами. Маленькая Соня частенько брала у соседей книжки почитать и все удивлялась, зачем сварщику, которым трудился Борис Авенирович, такая уйма книг. Не для Санька же, в самом-то деле. Тот и читать не умел.

Пальцы, холодные, липкие от ужаса, скользили по книжным корешкам. Соня снова чуть не упала, вцепилась покрепче в какую-то обложку, против воли вытащила тонкую тетрадку, обтянутую коленкором. Таких тетрадей не выпускали уже лет тридцать, не меньше.

Голоса зазвучали громче, видимо, полицейские собирались отправиться на ее поиски, чтобы поскорее разделаться с неприятной обязанностью. Тетрадка холодила пальцы, и, не очень соображая, что она делает, Соня зачем-то засунула ее сзади за пояс джинсов, прикрыв сверху длинным свободным свитером.

– Софья Михайловна, давайте уже закончим. – Ей навстречу шагнул оперативник, и Соня послушно расписалась в протоколе осмотра места происшествия.

– Я могу идти?

– Да, можете.

– А с ними, я хочу сказать, с Борисом Авенировичем и Саньком что теперь будет?

– Да с ними ничего уже не будет, – сообщил оперативник. – Сейчас вызовем перевозку, отвезем их в судебно-медицинский морг. Квартиру опечатаем, затем будем родственников искать. Вы не знаете, были у них родственники?

– Какие-то дальние были, но я с ними незнакома.

– Ладно, сами найдем. Вы, Софья Михайловна, идите домой. Спасибо за помощь.

Уговаривать дважды Соню не пришлось. Она пулей пролетела казавшийся нескончаемым коридор, перебежала лестничную клетку, у порога своей квартиры подняла запачканный дверной коврик, влетела в родной коридор, захлопнула за спиной дверь, постояла, привалившись к ней спиной, стараясь отдышаться.

Получалось, впрочем, плохо. Ей казалось, что ее одежда, волосы, даже кожа насквозь пропитались смердящим ароматом. Она отлепилась от двери и кинулась в ванную, швырнула коврик в душевую кабину, пустила воду, очень горячую, начала срывать с себя одежду, судорожно соображая, где у нее стоит «Ваниш». На пол шлепнулась коленкоровая тетрадь, Соня подобрала ее двумя пальцами, добежала до балконной двери в кухне, открыла ее и кинула тетрадь туда, пусть на легкий весенний, но все же мороз.

Вернулась в ванную комнату, собрала одежду, замочила ее в тазу с пятновыводителем и стиральным порошком, кинула туда же нижнее белье, оставшись голой. Оттерла и прополоскала коврик, отправила его к тетради – на балкон, вымыла кабину, отдраив ее «Пемолюксом», влезла внутрь, пустила самую горячую воду, которую только могла вытерпеть, и начала яростно намыливать голову шампунем, раз, второй, третий, лишь бы отбить, казалось, въевшийся в волосы запах.

Ванную комнату быстро заволкло паром, в котором не было видно даже собственных, распаренных от кипятка пальцев. Соня намыливалась снова и снова, поливалась гелем для душа чуть ли не с остервенением. Из-за шума падающей воды она не слышала звонка в дверь, потом скрежетания ключа в замочной скважине, затем шагов, не очень уверенных, принадлежащих человеку, никогда до этого не находившегося в этой квартире и явно не знавшего, где что в ней находится.

Соня в последний раз смыла с волос обильную пену, отжала собранный хвост, чтобы с него стекла вода, отодвинула дверцу душевой кабинки и от неожиданности завизжала в голос. Перед ней стоял совершенно посторонний мужчина, никогда не виденный ею ранее. В довольно дорогой куртке, это она успела отметить краем сознания, и приятной, совсем не бандитской наружности, он смотрел на нее с некоторой смесью смущения и тревоги во взоре.

Соня взмахнула руками, словно прогоняя привидение, поскользнулась на устилавшей дно кабины пене и с грохотом упала,

успев подумать о том, что лежащую в ванне, голую, мокрую и незащищенную, ее будет убить совсем не сложно. Последней мыслью стала тревога за Дениса, который должен был появиться в ближайшее время, а значит, стать следующей жертвой пробравшегося в квартиру преступника. Затем наступила спасительная темнота, потому что Соня потеряла сознание.

* * *

Феодосий и не помнил, когда он в последний раз оказывался в столь идиотской ситуации. Если быть совсем точным, то никогда. За всю его сорокадвухлетнюю жизнь не бывало такого, чтобы он растерянно стоял в ванной комнате чужой квартиры, а перед ним в душевой кабине лежала молодая женщина в обмороке, причем совершенно голая.

Как бы ни было это не вовремя, Феодосий не мог не отметить, что сложена она просто изумительно – тонкая талия, изгиб которой соблазнительно убежал к довольно крутым бедрам (Лаврецкому никогда не нравились худышки), высокая грудь, изящные лодыжки и круглые колени, да и шея длинная. Ммм, мечта, а не женщина.

Что с ней делать, Феодосий не имел понятия. Не звонить же Денису? Тому точно не понравится пикантная позиция, в которой очутилась его любимая старшая сестра. Феодосий снова покосился на лежащую без движения фигуру, и не скажешь, что старшая, кстати. Выглядит совсем девчонкой.

От напряжения у него взмок затылок.

Черт бы подрал этого Дениса. Ворвался в кабинет с сообщением, что его дражайшая сестрица не придет на встречу, потому что у нее на лестничной площадке обнаружили два трупа. Стал отпрашиваться, чтобы съездить к сестре, потому что она, понятное дело, от таких новостей находилась в растрепанных чувствах.

Отпустить его Лаврецкий никак не мог, потому что именно сейчас должны были начаться переговоры с очень важным клиентом, планирующим в ресторане «Буррата» очень крутой корпоратив. Обсуждать меню клиент желал исключительно с шеф-поваром, но бросить сестру на произвол судьбы Денис отказывался категорически, а потому Феодосий, который славился умением находить выход из самых безвыходных ситуаций, предложил отправиться на помощь вместо него.

Если предложение и ошарашило Дениса Менделеева, то не сильно.

– А что, – сказал он, поразмыслив, – я не против. Вы там ее поддержите, пожалуйста, виски ей налейте. Хотя, черт, у нее дома, наверное, нет виски.

– Я привезу, – покладисто сообщил Лаврецкий. Уж с чем-чем, а с виски в его рабочем кабинете проблем не было. – С ментами разберусь, чтобы ее особо не мучили, ситуацию изучу, что можно сделать, прикину. Заодно и про курсы поговорим, раз уж наша встреча не состоялась. Хоть отвлечется от состояния истерики.

– Соня – не истеричка, – с укоризной в голосе сказал Денис. – У нее характер сильный, такой, словно стержень стальной внутри. От такого, что она сейчас увидела, любой расклеится. У нас сосед – кадровый военный, так даже ему не по себе стало, а Сонька ничего, держится. Вы посидите с ней час, не больше, а я, как освобожусь, – приеду.

– Она мне дверь-то откроет? – спросил Феодосий, привыкший просчитывать наперед все возможности. – Может, ей там все-таки плохо стало или еще чего?

– А я вам свои ключи дам, – тут же отозвался Денис. – Вы же все равно меня дождетесь. Позвоните в дверь, если не откроет, то отпирайте смело. Вдруг она там заснула, от обилия впечатлений.

Вот так и получилось, что Феодосий оказался в чужой квартире, где его совсем не ждали. Сначала он, как и положено, несколько раз позвонил в дверь, потом решил не отсвечивать на площадке, куда поднимались три бравых санитара с брезентовыми носилками и черными мешками.

Феодосия совершенно не прельщало увидеть, как из «нехорошей квартиры» выносят найденные трупы, поэтому он достал данные Денисом ключи и вошел.

В квартире шумела вода. Он позвал хозяйку квартиры, которую, как он знал, звали Соней, но она не ответила. Тогда он пошел на звук льющейся воды и зачем-то зашел внутрь ванной комнаты, хотя в здравом уме и твердой памяти вряд ли стал бы так делать.

Уже очутившись внутри, он понял, что совершает глупость, и собрался было ретироваться, потому что женщина за непрозрачной дверцей кабинки шевелилась, и с ней явно все было в порядке.

Ее нужно было подождать снаружи, да еще придумать, как не напугать своим присутствием в квартире, но додумать эту мысль

Лаврецкий не успел, потому что дверцы кабинки разъехались, и женщина предстала перед ним, замерла, словно не веря собственным глазам, помахала руками, словно надеясь, что образ Феодосия Лаврецкого развеется в тумане пара, не удержалась на ногах, поскользнувшись на мокром поддоне, упала, мелькнули в воздухе маленькие ступни с аккуратными пальчиками.

Остолбеневший Феодосий отмер, кинулся к ней, зовя по имени, но женщина была без сознания. То ли от удара головой, то ли просто от страха. Это еще предстояло выяснить.

Так что же делать-то, черт подери?

Феодосий огляделся, снял с крючка пушистый махровый халат, набросил на лежащую в душевой кабине женщину и бережно поднял ее на руки. Прошагал по коридору из ванной в гостиную, уложил свою ношу на диван, аккуратно поправил сползший было халат. Сбежал на кухню за водой, немного смущаясь, порыскал по шкафчикам в поисках аптечки и удовлетворенно вздохнул. В этом доме держали нашатырь.

От поднесенной к носу ватки сестра Дениса вздрогнула, поморщилась, открыла глаза, чихнула и села на диване, прижав пушистую махру к груди.

– Вы кто? Вы как здесь очутились?

– Простите, я вас напугал, – покаянно сказал Феодосий. – Но вы не бойтесь, я не злоумышленник. Я начальник вашего брата.

– Что с Денисом? – Теперь в широко распахнутых глазах, небесно-голубых, прозрачных, словно лесное озеро, плескался ужас. Было видно, что за брата она боится больше, чем за себя.

– Все нормально. Он просто не смог к вам поехать, потому что я дал ему срочное и очень важное задание. И он попросил меня убедиться, что с вами все в порядке.

– Вы Феодосий Лаврецкий? – полуутвердительно спросила молодая женщина. – А как вы очутились внутри квартиры? Вы что, профессиональный взломщик?

– Я профессиональный ресторатор. Денис дал мне ключи. Он волновался, что вам могло стать плохо.

– Мне не бывает плохо. – На этих словах она, видимо, осознала, в какой ситуации находится, и смешалась. – То есть раньше мне никогда не бывало плохо. Просто эта ситуация с соседями действительно сильно выбила меня из колеи, а тут еще ваше эффектное появление...

В этом месте она снова сбилась, потому что вспомнила, как предстала перед Феодосием, словно рожденная из пены Афродита. Краска моментально залила ее лицо – лоб, щеки, шея стали пунцовыми, заалели маковым цветом, она оглядела накинутый на себя халат и еще сильнее вцепилась в махровую ткань, как будто ее кто-то отнимал.

– Извините, мне нужно привести себя в порядок.

– Давайте я пока подожду на кухне. Вы переоденетесь, а я заварю вам чай и налью выпить. Денис велел прихватить виски, но я забыл бутылку в машине. У вас есть крепкий алкоголь, или, если вы хотите, я могу сходить вниз.

По лицу этой самой Сони было видно, что больше всего на свете ей хотелось, чтобы он ушел и вообще не возвращался, но она пересилила себя, не дав вырваться словам, которые могли, как она думала, причинить вред ее брату.

– Не надо никуда ходить, – сказала она. – В тумбочке под телевизором есть бутылка коньяка. Тем более что я вообще не уверена, что смогу что-нибудь выпить.

Она перекинула из-за спины прядь мокрых волос, поднесла ее к носу и принюхалась. Видимо, результат был удовлетворительным, потому что лицо ее немного расслабилось.

– Я вас уверяю, что вы выпьете то, что я вам предложу, – немного самонадеянно сказал Феодосий. – Приходите на кухню, когда будете готовы.

Ее не было минут пятнадцать. За это время он заварил чай, найденный в недрах кухонного шкафа. Чай оказался хорошим, наверняка подаренным братом.

Денис Менделеев обожал хороший чай, прекрасно в нем разбирался и коллекционировал различные сорта, в том числе весьма экзотические. Впрочем, сестра его пристрастия вряд ли разделяла, потому что у нее в шкафчике стояла всего одна пачка чая – впрочем, именно такая, как сейчас было надо – с апельсиновой цедрой, сухими кусочками лимона и имбирем.

Чай Феодосий заварил грамотно. Конечно, до навыков Дениса ему было далеко, но искусству чайных церемоний он обучался на специальных курсах, потому что напиток этот тоже любил. А вот Соня, сушившая сейчас, судя по жужжанию фена, волосы в своей спальне, явно предпочитала кофе. Капсул в шкафчике было великое множество,

а на подоконнике стояла мощная и очень дорогая кофемашина, такая же, как у Лаврецкого в офисе.

Когда чай был готов, Феодосий насыпал прямо в заварочный чайничек три чайные ложки сахара (сам он никогда не пил сладкий чай, но сейчас сахар был необходим как лекарство) и влил две полные рюмки коньяка. На пороге послышались шаги, он повернулся – Соня.

Она была одета в светло-голубые джинсы, плотно обтягивающие длинные стройные ноги, и свободный свитер с глубоким вырезом, открывавшим очень много ослепительно-белой, матовой кожи вокруг тонких, очень изящных ключиц. Почему-то при виде этих хрупких, славно птичьих, косточек Феодосия окатило волной нежности.

– Садитесь, – Лаврецкий повелительно кивнул в сторону табуретки у окна, как будто он, а не она был здесь хозяином. – Я сейчас налью вам чаю.

– Я не пью чай. – Соня послушно протиснулась в угол между столом и подоконником. – Я лучше сварю себе кофе.

– Кофе обязательно сварите, но позже. Сейчас вам нужен специальный, практически лечебный напиток. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

– Вы – врач?

– Я вам уже говорил. Я – ресторатор. Но в своей жизни видел немало людей в шоковых состояниях. Сейчас вам нужен очень крепкий, очень горячий, очень сладкий чай с большой дозой коньяка. Вы выпьете его маленькими глоточками, а потом, если захотите, сварите нам обоим кофе.

Спорить она не стала, то ли признавая его право командовать, то ли просто смирившись с неизбежным. Обхватила поставленную перед ней большую кружку с надписью «Денис» на боку длинными, узкими пальцами, словно грелась. Послушно хлебнула.

– И как?

– Горячо. Сладко. Крепко. Но действительно вкусно.

Он удовлетворенно кивнул. Давно уже никакая похвала не заставляла его испытывать такой восторг.

– Такой чай – лучший способ отпустить внутреннее напряжение, – сказал он доверительно. – Именно такой рецепт очень уважает моя мама. Особенно долгими зимними вечерами, а также тогда, когда, по ее мнению, в жизни происходит слишком много несправедливости. А еще

его очень любит моя дочь, правда, без коньяка, разумеется. Ей я заменяю его брусничным сиропом.

– А ваша жена какой чай любит? – спросила Соня и тут же незамедлительно покраснела.

Ну, надо же, какая любопытная.

– Из вашего вопроса я делаю вывод, что мой любимый сотрудник, ваш брат Денис Менделеев, не склонен к сплетням, – весело сказал Феодосий, наслаждаясь ее видимым замешательством, – иначе вы были бы совершенно точно в курсе, что два года назад жена от меня сбежала и теперь живет на Мальдивах.

– Странно...

– Что именно? То, что Денис ничего вам не рассказывал?

– Нет, то, что ваша жена живет на Мальдивах. Это как-то пошло, а вы категорически не ассоциируетесь с пошлостью.

– Ну, так и на Мальдивах живу не я. – Феодосий усмехнулся.

– А что касается Дениса, мой брат никогда не обсуждает людей и их приватную жизнь. В этом вы абсолютно правы. Несомненно, я про вас слышала, но он говорил исключительно о деловых моментах, не упоминая о личном. А мне не пришло в голову спрашивать.

– И что же он про меня вам рассказывал? – Вопрос вырвался раньше, чем Феодосий оценил всю его бестактность.

Не должен взрослый, самостоятельный человек расспрашивать еле знакомую женщину о том, что говорят за его спиной подчиненные. Несolidно это. Некрасиво.

Она чуть заметно улыбнулась, видимо, подумав о том же самом.

– Он говорит, что вы – лучший начальник в мире. Строгий, но справедливый. Он считает, что вы обладаете двумя качествами, которые Денис считает важными для профессионала: вам интересно то, чем вы занимаетесь, и для вас не перестали существовать окружающие люди. Должна согласиться, что в бизнесе это нечасто встречается.

– Вы так хорошо знакомы с миром бизнеса?

– Что вы! Совсем незнакома. Я – книжный червь, который обучает студентов премудростям английской грамматики и предпочитает жить в вымышленном мире английских романов. Но мой отец был бизнесменом, причем весьма успешным. Мне кажется, что он и еще его партнер Сергей Сергеевич Гордеев – были последними по-настоящему порядочными людьми. Папа гордился тем, что никогда в жизни никого

не кинул. А Сергей Сергеевич, когда папы не стало, сначала очень помогал нам с мамой, а потом, когда она ушла к папе, потому что не могла без него жить, выкупил его долю, честно расплатившись со мной и с Денисом. Это позволило мне получить образование, и я до сих пор страшно ему благодарна. Но от своих знакомых я знаю, что такое поведение сейчас не в моде. Кинуть партнера, выжать соки из сотрудников, недоплатить, обмануть – это все сейчас норма, к сожалению.

– Бывает по-всякому. – Феодосий пожал плечами. – Там, где деньги, как правило, действительно не находится места морали. Хотя так живут не все. И в нашем городе я могу назвать вам десятка два крупных бизнесменов, умудрившихся остаться людьми. Надеюсь, я вхожу в их число.

Соня снова хлебнула из кружки, потом зачем-то посмотрела в нее, словно оценивая, и в два глотка допила остатки.

– Спасибо за напиток, но я все-таки сварю кофе. Вы будете?

От кофе у Феодосия делалась изжога, причем такая сильная, что он всерьез опасался, что черный, как смоль, напиток прожжет в желудке дырку. Но отказываться он отчего-то не стал. Наоборот, присел за стол напротив хозяйки, которая, впрочем, тут же вскочила и захлопотала у своей чудо-машины.

Спустя пять минут Соня поставила перед ним очень красивую кофейную чашечку. «Прага» было написано на ней по-английски. Снова села напротив, со своей чашкой в руках. На ней красовалось слово «Берлин».

– Вы коллекционируете кофейные чашки? – спросил Феодосий зачем-то. – Привозите из путешествий?

– Я почти нигде за границей не была, – призналась Соня. – То есть в Турции, конечно, была. В Египте. Но это же поездки на море, а не настоящие путешествия. А на них у меня денег не хватает. Точнее, хватало бы, но я так привыкла экономить, что мне трудно разбрасываться деньгами на удовольствия. В Англии я, конечно, была. Детей в языковой лагерь возила, но это по работе, то есть не считается. Да и не с кем мне путешествовать. У подруг семьи, дети, свои планы, зарплаты еще меньше, чем у меня, в общем, не получается. А чашки... Это Денис мне привозит. Он как раз очень любит путешествовать.

Совершенно неожиданно Феодосий пообещал самому себе, что обязательно свозит эту женщину в Прагу. И в Берлин тоже свозит. И в Англию, чтобы без чужих детей и не для работы. Они будут гулять по старинным улочкам, пить в кофейнях ее дурацкий кофе, заходить в музеи, кататься на корабликах и...

Дальнейшие его внезапные мечты были безжалостно прерваны Соней:

– Итак, о чем вы хотели со мной поговорить?

Теперь настала его очередь уставиться на нее непонимающе.

– Я сегодня должна была прийти к вам на встречу, чтобы договориться о курсах английского для ваших работников. Давайте обсудим это сейчас, если вы не против.

– Не против, – вздохнул Феодосий. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось думать о работе.

Раздался звонок в дверь, и Соня пошла открывать. Приехал Денис, налил себе из заварочного чайника приготовленного шефом чаю, разбавил кипятком, понюхал, блаженно зажмурившись.

– Умеете вы чай заваривать, ничего не скажешь. Рассказать, как прошли переговоры? Какое меню в итоге составили?

– Завтра на работе расскажешь, – буркнул Феодосий. Денис покосился на него изумленно, не понимая, чем вызвано внезапное равнодушие начальника. Тот надулся еще сильнее, понимая, что приход Менделеева разрушил хрупкое очарование момента и что сам он выглядит полным идиотом. – Давай сейчас с Соней насчет курсов поговорим.

– Давайте, – кивнул Денис. – Я просто думал, что вы уже все обсудили. А потом Сонька расскажет нам, что тут приключилось. Расскажешь, Сонь?

Феодосию захотелось дать парню хорошую затрещину, потому что порозовевшее и расслабившееся было лицо Сони снова побледнело и закаменело при воспоминаниях о пережитом ею ужасе.

– Расскажу, – впрочем, тут же сказала она решительным тоном. – Здорово, что вы оба сможете меня выслушать. Нам надо понять, что теперь делать, потому что, судя по всему, наших, Денис, соседей убили.

* * *

В институте сегодня было всего две пары, причем одна из них физкультура. Поэтому, немного поразмыслив, Настя решила в институт

не ездить. Сессии она сдавала на одни пятерки, да еще и работала по специальности, поэтому на ее прогулы в деканате смотрели сквозь пальцы. Некоторых однокурсников «особое» Настино положение бесило, но на дебилов, способных беситься от зависти, она внимания не обращала. Вот еще чего не хватало.

В адвокатской конторе ей вчера дали довольно серьезное задание – разобраться с нестыковками в свидетельских показаниях стороны обвинения и составить подробную таблицу с перечнем того, на что мог опереться адвокат Ветлицкий в своей дальнейшей работе.

Поручение такого уровня ей доверили впервые, поэтому подойти к нему требовалось со всей ответственностью. Во-первых, невозможно даже представить, что по ее вине Ветлицкий может затянуть дело (провалить его он не мог ни при каких обстоятельствах), а во-вторых, показать себя исполнительным и ответственным сотрудником никогда не лишнее.

Папку с копиями дела Настя унесла домой еще вчера и, вернувшись с курсов английского языка, читала их до глубокой ночи. Сегодня же она позволила себе хорошенечко выспаться, чтобы потом, на свежую голову, поехать в контору и составить искомую таблицу, стараясь не пропустить ничего важного.

В первом приближении Настя уже знала, что именно будет делать, на что обратить внимание, а во что «вопьется» поглубже. Читая, она делала пометки на полях, и теперь уже отложившуюся в голосе информацию требовалось просто систематизировать.

В офис Ветлицкого она приехала в районе одиннадцати утра, уселась за выделенный ей компьютер и погрузилась в работу. Еще со школы Настя выработала в себе полезное качество – занимаясь каким-то делом, она полностью отрешалась от окружающего мира: не слышала разговоры вокруг, не отвлекалась на музыку, не залезала в соцсети, не обращала внимания на чаты в мессенджерах. Все это могло подождать.

Вернуть ее в реальность можно было только телефонным звонком, потому что Настя давала своему подсознанию подобную установку. Раз кто-то позвонил, значит, вопрос действительно важный. Неважные звонки, конечно, были, но их Настя просто скидывала, снабжая коротким сообщением «Перезвоню позже». Но сейчас звонила мама, и трубку Настя взяла.

Не склонная к излишним сантиментам, Инесса Перцева никогда не отвлекалась от работы сама и не отвлекала дочь в течение дня. Телефон существовал для экстренных случаев, все остальное вполне могло подождать до вечера, когда семья встречалась за кухонным столом. Но сейчас мама звонила, значит, ситуация того стоила.

– Да, мам, – сказала Настя, оглянувшись по сторонам, не слишком ли громко она говорит. Статус «маменькиной дочки» был чреват неизбежными вопросами, а кто у тебя мама, а именно этого Настя целенаправленно избегала. – Что-то случилось?

– У тебя есть телефон твоей преподавательницы английского? Той самой, которой я вчера о приезде на адрес оперативной бригады договаривалась? – Мама по привычке сразу брала быка за рога, не отвлекаясь на ненужные детали.

– Софьи Михайловны? Есть, конечно, а зачем она тебе?

– Комментарий для статьи хочу взять. У нее в соседней квартире два часа назад два мумифицированных трупа нашли. Они там около года пролежали, представляешь?

– То есть она не зря панику подняла? – удивилась Настя.

Если честно, вчера страхи своей преподавательницы она посчитала надуманными, просто отказывать ей в пустячной для мамы просьбе не хотелось.

– Еще как не зря. У учительницы твоей острый нюх и чуйка на неприятности, – мама в трубке засмеялась. – Я так-то уже все узнала, но нужен комментарий очевидца, а Софья твоя еще и понятой при осмотре была.

Настя представила картину, свидетельницей которой стала Софья Михайловна, и внутренне содрогнулась. Такого и врагу не пожелаешь. Ей казалось неудобным возвращать молодую женщину в воспоминания о кошмаре, задавая ей вопросы, но она точно знала, что маму такие этические тонкости никогда не волновали. Она – репортер от бога. Ее талант – добывать информацию, а потому отговаривать ее от звонка бессмысленно. Да и телефон она достанет без Насти. Потратит на двадцать минут больше времени, но достанет.

– Записывай, – обреченно сказала Настя.

Впрочем, вернувшись обратно в свои дела, она тут же про звонок матери забыла. Софью Михайловну ей было, конечно, жалко, но

история эта вполне могла потерпеть, в отличие от материалов уголовного дела, сейчас лежащих на столе.

Настя прикинула объем оставшейся работы. Часа два, не меньше. Посмотрела, сколько времени. Без десяти пять. По всему выходило, что часов до семи, максимум полвосьмого, она закончит свою справку и успеет отдать ее Ветлицкому, пока тот не ушел с работы. Шеф был совой, на работу, если не было заседаний в суде, приходил к полудню и засиживался до восьми. Ему так было удобно, и со странным графиком работы никто не спорил. Тираном Ветлицкий не был, в семейные обстоятельства сотрудников вникал, переработки не приветствовал, а если они случались, платил за это щедро. В общем, никто не жаловался.

Настя снова погрузилась в работу, чтобы успеть к установленному собой же сроку. В семь двадцать ее справка была закончена и безукоризненно оформлена. Девушка в последний раз проверила ошибки, послала документ на печать, аккуратно скрепила листы степлером и еще с минуту полюбовалась на результат своих трудов. Да, такое не стыдно нести шефу.

Выскочив из кабинета, она вихрем пролетела по коридору и ворвалась в приемную Ветлицкого, где по причине позднего времени уже не было секретарши, а дверь в кабинет была открыта.

– Аркадий Борисыч, можно?

Известный адвокат оторвался от компьютерного монитора, на котором что-то увлеченно читал.

– Да, Настюш, заходи. Ты чего тут так поздно?

– Задание ваше выполняла. Вот. – Она протянула бумаги, страшно гордая собой.

– М-м-м. – Он, не глядя, протянул руку, шлепнул пачку листов на стол, дочитывая что-то, по всей видимости, очень интересное. – Вот сколько лет знаю твою мать, а каждый раз не перестаю удивляться силе ее таланта. Такие статьи пишет, что не оторваться. И это мне-то, человеку, пресыщенному преступлениями. Представляю, как обычные обыватели захлеб ее творения читают.

Если бы у Насти разверзлась бездна под ногами, она, наверное, и то остолбенела бы меньше.

– Вы что, знаете, кто моя мать? – спросила она, пытаясь собраться с мыслями.

Голос дрожал и самой ей показался тонким и каким-то жалким.

– Конечно. Кто в нашем городе не знает знаменитую Инессу Перцеву? Да еще в наших кругах. А что?

– Да нет, ничего, – уныло сказала Настя.

Все ее мечты о самостоятельности летели в тартарары. Какая же она была наивная дура, считая, что Ветлицкий взял ее на работу, плененный ее умом и сообразительностью. Надо было сразу догадаться, что без маминых связей не обошлось. Дура, вот ведь какая она дура. Нет, надо уезжать из города, чтобы не чувствовать на себе вечного клейма «дочери Инессы Перцевой».

– Так, – Ветлицкий наконец закончил чтение, снова повернулся к Насте, взял принесенные ею бумаги. – Давай посмотрим, что ты тут наваяла. Так, хорошо. Ага. Очень хорошо. М-м-м-м, просто великолепно. Поздравляю тебя, Настенька, ты прекрасно справилась с поставленной задачей. В этом деле есть девять зацепок, которые можно использовать в процессе, чтобы развалить обвинение. Ты нашла семь. Для первого раза просто отличный результат. Молодец.

– Как девять? – спросила сбитая с толку Настя. – Вы что, получается, уже сами сделали эту работу? А я зачем тогда сутки убила?

– Затем, чтобы потренироваться. – Ветлицкий отложил бумаги и смотрел на девушку с веселым изумлением. – Душа моя, или ты думала, что я реально возложу на тебя поиск обстоятельств, которые позволят конторе заработать три миллиона рублей? Конечно, я все проработал сам, а тебе поручил найти решение, чтобы ты могла потренироваться. Еще раз повторюсь, что справилась ты отлично. Вот, возьми мою таблицу, посмотри, какие два момента ты не заметила.

Настя схватила бумаги и опрометью выскочила в коридор. Ее душили слезы. И не расскажешь же никому. Только, пожалуй, Глашке.

Восемнадцатилетняя Аглая обладала удивительным качеством – умела слушать. Ее внимание было ненавязчивым, интерес искренним. Да, она позвонит Аглае Молчанской, встретится с ней где-нибудь неподалеку, да хотя бы в ресторане «Буррата», и выплачется всласть. Не маме же плакать. Та, мало того что не поймет, так еще и на смех поднимет. Нет, надо встретиться с Глашкой, и они вместе придумают, как Насте преодолеть свое «родовое проклятие».

Подруга, заслышав Настин голос, в котором дрожали только что пролитые слезы, согласилась приехать без разговоров. Не прошло и получаса, как девушки заняли столик в углу ресторана «Буррата», где

по причине рабочего дня народу было не так много. По крайней мере, поговорить спокойно другие посетители не мешали.

Выслушав Настин рассказ, несмотря на сильное волнение, не сбивчивый, а логичный и четкий (мама в таких случаях всегда говорила фразу «Штирлиц славится формализмом и логикой»), Аглая на пару минут задумалась. Несмотря на юный возраст, девицей она тоже была серьезной и обстоятельной.

– Ты должна сделать что-то такое, чтобы все, и в первую очередь твоя мама, поняли, что ты уже не ребенок, а человек, способный на серьезные поступки и решительные действия, – наконец изрекла она.

– И что же такое я должна сделать? – горько спросила Настя. – Я и так школу окончила с золотой медалью. На юрфак поступила на бюджет, учусь лучше всех на курсе, работаю, вон, из девяти оснований для разваливания обвинения семь нашла без посторонней помощи и подсказки, а все равно это никому не нужно, потому что мне не доверяют, считая неопытным ребенком и маминой дочкой. Вот мама у меня молодец, такие статьи пишет, что от экрана монитора не оторваться даже такому искушенному человеку, как Ветлицкий, а я сутки псу под хвост отправила, потому что и без моих трудов все всем ясно.

Слезы снова подступили к горлу, и, чтобы не разреветься, Настя решила отвлечься на менее обидную тему.

– Ладно, чего про это говорить, все равно ничего не придумаем. Уеду я, наверное, вот окончу институт и уеду в Москву. Там про мою знаменитейшую маму никто не знает. Ты лучше прикинь, о чем она последнюю статью написала. Ту самую, которой шеф неотрывно читал. О нашей Софье Михайловне.

– Да ну, – не поверила Аглая. – О Менделеевой? Ты хочешь сказать, что она в криминальную хронику попала? Что же она такого натворить-то могла?

– Она-то ничего. – Несмотря на плохое настроение, Настя улыбнулась, представив их правильную до невозможности преподавательницу. – Помнишь, она вчера попросила меня через маму ей помочь полицию вызвать. Мол, соседей давно не видно, и из их квартиры запах идет?

Аглая кивнула, что да, помнит.

– Ну так оказалось, что этих соседей кто-то убил. Причем давно, чуть ли не год назад. Там в квартире уже мумии вместо тел нашли, а наша Софья их опознавала.

– Ужас какой, – Аглая передернула точеными девичьими плечами, – бедная. Не хотела бы я на ее месте оказаться.

– Это-то да, но мне, как юристу, ужасно интересно, как полиция собирается убийц искать спустя год? Это же никто из возможных свидетелей наверняка ничего не помнит. Да и собираются ли. И вообще, кому были нужны два безобидных пенсионера, один из которых к тому же умственно отсталый?

Глаша молчала, как будто напряженно что-то обдумывая. Настя потрясла растопыренной ладошкой у нее перед лицом.

– Але, гараж, ты чего зависла?

Подруга отмерла, словно в детской игре про морскую фигуру, которая замирала и отмирала по команде, посмотрела на Настю, глаза ее возбужденно блестели.

– Вот что, – сказала она не терпящим возражений голосом, – я точно знаю, что тебе надо сделать, чтобы с тобой стали считаться. Тебе надо самой расследовать это преступление и найти убийцу.

Настя с сомнением посмотрела на нее и, не выдержав, засмеялась:

– Глашка, ты что, перегрелась или креветок переела? Как я могу расследовать убийство годовалой давности, да еще одна. И под носом у полиции.

– Ничего я не объелась, – сердито насупилась Глаша, она терпеть не могла, когда над ней насмехались. – Ты сама сказала, что полиции этот старый всяк сто лет не нужен, как и пенсионеры эти. Кому до них дело есть? Они что, чиновники, депутаты, политики или бизнесмены известные? Они никто, поэтому землю рыть никто не будет. А в плане, как вести расследование, это уж ты сама решай. Кто у нас юрист – ты или я? Ты мне сама рассказывала, как твоя мама журналистские расследования проводит. Встречается с людьми, вопросы задает, ответы сопоставляет. Вот этим и займись. Пройди по квартирам, с соседями поговори. Да для начала с самой же Софьей.

– А что я им скажу? Почему я всем этим занимаюсь? – Против своей воли Настя чувствовала, что где-то глубоко внутри в ней зарождается азарт. Ей вдруг стало очень интересно действительно в одиночку найти разгадку этой странной тайны.

– Балда. – Аглая смотрела снисходительно, как будто это она была в их тандеме старшей. – У тебя же удостоверение есть, которое тебе твой Ветлицкий выдал. Будешь представляться сотрудником адвокатской конторы. Если кто-то спросит, туманно намекнешь, что есть некий человек, который подписал с вами договор. Но никто ничего не спросит. Людям на все наплевать. Уж поверь мне. Зато, когда ты найдешь убийцу, все поймут, чего ты на самом деле стоишь. Поняла?

– Поняла, – сказала Настя, и глаза ее заблестели. – Какая же ты молодец, Глашка. Это ты замечательно придумала. Только, чур, будешь мне помогать.

Глава третья

Сонину квартиру брат и его шеф покинули около семи часов вечера. Сначала разговаривали о будущей работе английских курсов в компании, потом гости пили чай, а Соня, разумеется, кофе. Затем как-то незаметно начали обсуждать современное искусство и даже поспорили немного, хоть и не до драки. После Феодосий Лаврецкий заварил свежего чаю себе и Денису, а Соня снова сварила кофе.

Они сидели бы и дальше, но Денису нужно было в ресторан – сегодня у него была вечерняя смена, а у его начальника не было никаких оснований оставаться.

После их ухода Соня вымыла чашки, переоделась в спальне в уютный мягкий махровый халат, невольно покраснела при воспоминании, как лежала голая на диване под этим самым халатом, укрытая заботливыми руками постороннего мужчины. Решила, что волноваться по поводу того, что уже произошло, глупо, тем более что все ее дальнейшие встречи с Лаврецким могли происходить только в виде случайных столкновений в коридоре его компании. Не его полета она птица.

Халат был привычным способом утешения, когда оно требовалось, конечно. В его пушистой махре было уютно прятаться от жизненного несовершенства, и это было именно то, в чем сейчас отчаянно нуждалась Соня.

За разговорами она было начала забывать об ужасах сегодняшнего дня, но сейчас, когда она осталась одна, непонятный страх поднимался изнутри, щекотал ноздри навязчивым запахом, который, как казалось Соне, проникал с лестничной клетки, просачиваясь через двери.

Господи, сможет ли она когда-нибудь забыть то, что видела сегодня в квартире напротив?

Перед глазами, как на грех, вставала картина, как она опасливо переступает порог, как расстилается перед ней длинный, кажущийся бесконечным коридор с книжными стеллажами, как она идет на раздающиеся откуда-то издали голоса, делает шаг, второй, третий, отворачивается от распахнутой двери в кухню, но все-таки невольно заглядывает в гостиную, как хватается за книжные полки, чтобы не упасть, как едут скользкие пальцы по корешкам пыльных книг, как в руках остается прохладная коленкоровая обложка...

Тетрадь, она же зачем-то притащила из квартиры Галактионовых общую тетрадь. Где же она? Куда она делась?

Соня вскочила с дивана, на который забралась с ногами, потому что босые ноги отчего-то мерзли, хотя в квартире было тепло. Не надевая тапочек, сбегала в прихожую. Тетради там не было. Затем в кухню, потом в ванную. Там в тазу с разведенным стиральным порошком отмокала одежда, в которой Соня ходила в соседскую квартиру. Где же тетрадь?

Соня успела было подумать, что ее зачем-то прихватил Феодосий Лаврецкий, и тут вспомнила, что своими руками бросила тетрадку на балкон, словно та была заражена спорами ядовитого растения или выпускала опасные для здоровья миазмы. Почему-то посмотреть, что там внутри, казалось сейчас Соне очень важным, поэтому все так же босиком она рванула балконную дверь, выскочила наружу, чувствуя, как проникающий через ноги холод опутывает ее ледяным коконом, увидела лежащую на полу, рядом с выстиранным ковриком тетрадь, наклонилась и не смогла себя заставить взять ее в руки.

Гадливость поднималась внутри, снова вызывая в памяти отвратительный запах.

Соня сбегала за резиновыми перчатками, которые хранились в ящике кухонного стола, натянула их на руки и открыла тетрадь, к ее счастью, на самом деле ничем не пахнущую. На первой странице не было ничего, кроме короткого четверостишия, видимо, эпиграфа.

Мой ангел, наклонясь над колыбелью,

Сказал: «Живи на свете, существо,

Исполненное радости, веселья,

Но помощи не жди ни от кого».

Соня узнала строки из стихотворения Уильяма Блейка и удивилась. По ее мнению, никто из Галактионовых не мог знать знаменитого английского поэта, художника и гравера, но тем не менее факт оставался фактом. Она перевернула страницу.

«*Личный дневник Александра Галактионова*» было написано там четким, очень уверенным почерком, и Соня от изумления подавилась воздухом и закашлялась. Она была уверена, что Санек, умственно отсталый мальчик из ее детства, не умеет ни читать, ни тем более писать. Однако он умел и даже вел свой собственный дневник, который открывал цитатой из Блейка.

Под надписью обычным карандашом был нарисован портрет самого Санька, очень похожий, надо признать.

Соня вспомнила, что в детстве он все время рисовал, причем очень здорово. С годами этот навык не пропал, а, наоборот, развился, да еще как. Она снова вернулась на страницу назад и снова перечитала эпиграф. Похоже, исполненным радости и веселья существом, которому ангел приказал жить, но не ожидать ни от кого помощи, был сам Санек – родившийся ментальным инвалидом мальчик, запертый из-за болезни в собственной квартире, вынужденный ограничить свое общение только с родителями да еще с книгами, которых в доме Галактионовых было так много.

Она вспомнила, как в детстве они с друзьями собирались на детской площадке во дворе. К ним часто подходил застенчивый Санек, пытавшийся проявить дружелюбие. Но общаться с ним соглашались только Соня и Денис. Остальные мальчишки и девчонки насмехались над неполноценным сверстником, обзывали и даже толкали его. Особенно агрессивен был Арсений из соседнего подъезда. Было такое чувство, что он просто ненавидит Санька. За его открытость, ранимость, инаковость, что ли...

Соня впервые в жизни подумала, что должен был чувствовать маленький мальчик, так открыто презираемый сверстниками. Что должны были чувствовать его родители. Ей стало так стыдно, что она даже уронила на колени тетрадь и схватилась резиновыми ладонями за

загоревшиеся щеки. Ну, почему, почему никогда раньше она про это не думала?

Этот больной мальчик, о существовании которого все предпочитали не знать, оказывается, умел читать и понимать красоту стихов, талантливо рисовал, а также проводил параллели между прочитанным и своей безрадостной жизнью. Какой ужас!

Соня сорвала с рук перчатки, потому что ей теперь казалось святотатством прикоснуться к тетради через холодную равнодушную резину, пачкая страницы тальком. Перевернула еще одну страницу, и еще, и еще. Практически везде были автопортреты Санька. На одних рисунках он строго смотрел со страницы, на других был запечатлен сидящим у окна и печально смотрящим наружу, туда, где протекала без него нормальная, обычная, полная приключений жизнь.

Еще Санек рисовал то, что видел из окна. Своего отца, несущего авоську, из которой торчал пакет молока и буханка черного хлеба. Кошку, умывающуюся лапой посередине двора. Соседа, выгуливающего собаку – большого палевого лабрадора. Спеша к первой паре, Соня часто встречала их на улице – высокого мужика средних лет в резиновых сапогах в любое время года и бело-синей куртке с капюшоном и крупного пса с очень умными глазами. И сосед, и собака на рисунке, выполненном простым графитовым карандашом, выглядели как живые.

В дневнике был и рисунок, сделанный во время новогоднего праздника, который года два назад организовали в их дворе для живущей здесь малышни. Переливающаяся огнями елка была здесь, Дед Мороз со Снегурочкой, хоровод тепло одетых детей, столы, накрытые пирогами и конфетами. Соня тогда на праздник не ходила, но в окно тоже наблюдала, ей было интересно, да и Денис принимал непосредственное участие в организации мероприятия. Пироги были его рук делом.

Зарисовки с праздника занимали в тетради несколько страниц, и под последней тоже каллиграфическим почерком было написано стихотворение. И снова Блейк.

Радость, скорбь – узора два

В тонких тканях божества.

Можно в скорби проследить

Счастья шелковую нить.

Так всегда велось оно,

Так и быть оно должно.

Радость с грустью пополам

Суждено изведать нам.

Помни это, не забудь –

И пройдешь свой долгий путь.

Похоже, молодому человеку было грустно наблюдать за весельем других. Весельем, в котором он никак не мог принять участие, и он утешал себя стихами любимого поэта.

«Можно в скорби проследить счастья шелковую нить...»

Соне снова стало стыдно, что, живя в квартире напротив больше тридцати лет, она так мало интересовалась тем, как проходят дни ее соседей. А ведь так мало стоила бы ей привычка раз в неделю забегать к Саньку и разговаривать с ним хотя бы недолго.

Она перевернула еще одну страницу и застыла, потому что там был нарисован ее портрет. Ее двойник, прорисованный до фотографической точности, с таким же непослушным завитком волос на виске, который ей приходилось то и дело заправлять за ухо, но он непокорно вылезал снова. Даже жест, которым она нетерпеливо заправляла прядь волос, казалось, был виден на этой странице. Ловкое, едва заметное движение пальцев... Голубизна глаз... Казалось, без цветных карандашей передать ее было бы невозможно, но у Санька получилось. Длинная шея в вырезе футболки – рисунок был сделан летом, когда Соня шла от машины к подъезду, и его сопровождало стихотворение, словно подтверждавая, что художник был крайне высокого мнения о своей «модели».

Прекрасная Мэри впервые пришла

На праздник меж первых красавиц села.

Нашла она много друзей и подруг,

И вот что о ней говорили вокруг:

«Неужели к нам ангел спустился с небес

Или век золотой в наше время воскрес?

Свет небесных лучей затмевает она.

Приоткроет уста – наступает весна».

Мэри движется тихо в сиянье своей

Красоты, от которой и всем веселей.

И, стыдливо краснея, сама сознает,

Что прекрасное стоит любви и забот.

Ну да, разумеется, Уильям Блейк.

Соня любила творчество поэта, хотя, вслед за своим научным руководителем, профессором Ровенским, специализировалась на творчестве Шекспира, и кандидатскую диссертацию защищала по нему же. Если бы у нее был выбор, то она с удовольствием изучала бы творчество именно Блейка, но подобное предложение, робко высказанное вслух сразу после поступления в аспирантуру, было отмечено Ровенским с таким жаром, что настаивать Соня не посмела.

Благообразный и обычно весьма политкорректный профессор чуть ли не слюной брызгал, услышав фамилию Блейка. Соне это показалось странным, но, немного подумав, она решила, что в старом профессоре бушует ревность к его собственному научному руководителю,

профессору Свешникову, который всю свою жизнь посвятил именно научным исследованиям творчества и жизни Блейка. Несмотря на то что Свешникова уже не было в живых, Ровенский, видимо, не мог простить былой славы знаменитого профессора, до уровня которого никак не мог дорасти, как ни пытался.

Свешников долго жил и работал в Великобритании, считаясь мировой знаменитостью во всем, что касалось Блейка, а Ровенский, хоть и ездил по миру с докладами и признавался шекспироведами как добротный ученый, тем не менее славы Свешникова так и не снискал.

Да, скорее всего он просто ревновал, что его аспирантка может предпочесть тему, на которой специализировался Свешников, тему, на которую положил жизнь Ровенский. Ей самой ревность и зависть, даже научные, были абсолютно чужды, но право других людей на демонов в их душе она признавала. Так как тема диссертации для нее самой вообще никакого значения не имела, ей было одинаково интересно заниматься любыми филологическими изысканиями, она охотно взялась за Шекспира, и больше они с Ровенским никогда к этому вопросу не возвращались.

И вот Уильям Блейк неожиданно настиг ее спустя столько лет. Настиг стихами в тетрадке соседа с отклонениями в ментальном развитии. Ну надо же, как интересно устроен мир. Никто и никогда не признавался ей в любви стихами Блейка. А вот Санек признался, пусть и после своей страшной смерти. А все-таки интересно, кто и за что убил отца и сына Галактионовых?

Соня зачем-то снова вернулась к началу тетради, пытаясь понять систему, по которой ее необычный сосед вел свои записи. На самом первом автопортрете Санек был уже взрослый. Значит, тетрадь он начал вести недавно. Хотя вполне возможно, что она была не первая. Где-то в недрах квартиры оставались и другие, которые мальчик мог заполнять еще в детстве. Но теперь ведь не узнаешь. Квартира опечатана полицией, да и снова очутиться в ней Соня отказалась бы даже под страхом собственной смерти.

Помимо нескольких автопортретов в тетради было много рисунков с видами из окна, которые показывали четкое чередование времен года. Вот зарисовка с новогоднего праздника двухлетней давности. Ее портрет сделан летом, полтора года назад. Нет, не часто Санек обращался к своему дневнику. Совсем не часто, хотя и регулярно.

Соня отложила тетрадь и пошла на кухню – сварить кофе. Просмотренные стихи и картинки вызывали в ней целую бурю чувств, причем такую сложную, что ей было трудно разобраться в сумятице своих мыслей. Жалость, горечь, стыд, сожаление... Это понятно. Но было что-то еще. Не любопытство, нет.

Несмотря на то что Соня фактически читала чужой дневник, ей совсем не было стыдно. Чувства, что она подсматривает в замочную скважину, не возникало. Пожалуй, то, что она испытывала, можно было назвать стремлением приоткрыть завесу тайны. Над чем? Какой? Соня не знала, но была уверена, что в необычной тетради спрятана разгадка смерти отца и сына Галактионовых.

С чашкой кофе в руках она вернулась в гостиную и снова взяла тетрадь. Открытая все на той же странице с Сониным портретом – фактическим признанием в любви, – она манила и страшила одновременно. Кто знает, что там дальше.

Трусливо откладывая конец блаженного неведения, Соня не спеша допила кофе, отставила чашку и перелистнула страницу. И еще одну. И еще. Примерно на двадцати листах, обычных тетрадных листах в клеточку, была она, Соня. Складывалось чувство, что чуть больше года тому назад Саша Галактионов был просто одержим ею, своей соседкой, за которой следил из окна. И, кажется, еще в дверной глазок. По крайней мере, некоторые рисунки были сделаны именно с такого ракурса, и на них Соня копалась в сумке, доставая ключи, отпирала дверь, наоборот, выходила из квартиры, хмурая и сосредоточенная, видимо, утром.

Одни рисунки, судя по одежде, были летними, другие изображали Соню в осеннем пальто из валеной шерсти. Его Денис привез сестре из Франции, и она этим пальто страшно гордилась и очень его любила. Соня в зимнем пуховике и шапке с помпоном. Соня, укутанная шарфом по самые уши. Простуженная Соня с красным носом и слезящимися глазами. Да, точно, в прошлом феврале она сильно простудилась и долго вылезала из болячек, тем не менее продолжая ходить на работу.

«Простуженный» портрет был последним, нарисованным через «дверной глазок». Потом Санек опять рассматривал ее из окна.

Соня немного напряглась и вспомнила, что, пожалуй, именно в начале прошлой весны Борис Авенирович Галактионов начал устраивать соседям скандал, что они залепляют ему глазок жвачкой.

Тогда это казалось Соне, да и всем остальным в подъезде бредом не совсем адекватного человека. Но сейчас Соня задумалась над тем, почему Санек перестал смотреть на Соню через дверь. Надоело, а для отца он придумал, что глазок «не работает»? Но ведь скандалил старший Галактионов, который, зная об особенностях сына, должен был проверить его слова. Получается, что глазок действительно кто-то закрывал? Но зачем?

Сонина голова напряженно работала. Больше всего на свете ей хотелось сейчас показать тетрадь кому-нибудь еще. Например, Денису. Или его боссу, Феодосию Лаврецкому. У того были очень умные живые глаза, и Соне отчего-то казалось, что вдвоем с ее братом они точно во всем разберутся.

Она посмотрела на часы. Начало двенадцатого ночи. Денис сейчас заканчивает свою смену. Он устал, хочет домой и спать. А Лаврецкому звонить и вовсе неприлично, да и телефона своего он Соне не давал. Пожалуй, придется потерпеть до завтра. Впрочем, понравится ли Дениске, что полоумный сосед на протяжении длительного времени подсматривал за его сестрой? Во всем, что касалось Сони, Денис был ужасно щепетилен. Впрочем, Саньку его ярость уже не могла ничем помешать.

Вздыхнув, она перевернула следующий лист и уже в который раз подпрыгнула от неожиданности. С тетрадной страницы на нее смотрело лицо профессора Ровенского. Было в выражении этого лица что-то суровое и очень неприятное. По крайней мере, таким Соня профессора никогда не видела. Рисунок сопровождался стихотворением:

В ярость друг меня привел – гнев излил я, гнев прошел.

Враг обиду мне нанес – я молчал, но гнев мой рос.

Я таил его в тиши в глубине своей души,

То слезами поливал, то улыбкой согревал.

Рос он ночью, рос он днем. Зрело яблочко на нем,

Яда сладкого полно. Знал мой недруг, чье оно.

Темной ночью в тишине он прокрался в сад ко мне

И остался недвижим, ядом скованный моим.

Это было одно из самых знаменитых стихотворений Блейка, но сейчас эти строки казались Соне отчего-то зловещими. Получается, что Саша Галактионов считал Ровенского врагом? Или он был врагом его отца, Галактионова-старшего? Но почему? Что связывало Сониного научного руководителя с ее соседями? Если они были знакомы, то почему за столько лет она ни разу не видела, чтобы Николай Модестович приходил к Галактионовым в гости? Но раз Санек его нарисовал, значит, все-таки приходил и, судя по одежде на рисунке, примерно весной прошлого года. Эту куртку с бархатными вставками Ровенский привез из Лондона, куда ездил (Соня в уме повспоминала даты), точно, в апреле прошлого года. И примерно тогда же, в апреле, она видела Бориса Авенировича и Санька в последний раз, когда они возвращались из магазина.

У Сони не было медицинского образования, но базовые знания по школьному курсу биологии имелись. В школе она училась хорошо, да и читала много. Судя по состоянию тел отца и сына Галактионовых, погибли она довольно давно, вполне возможно, что весной прошлого года. Получается, что произошло это почти сразу после того, как им нанес визит профессор Ровенский. От этой мысли Соне стало нехорошо.

Она нетерпеливо стала листать тетрадь дальше и с облегчением обнаружила, что визитом ее научного руководителя тетрадь не обрывается. Впрочем, в ней оказалось еще всего две записи.

Первая оказалась очень сложным рисунком, выполненным все в той же карандашной графике, что и все остальные, но отличавшимся более сложным сюжетом. Фактически это была картина, на которой мужчины и женщины спускались в глубокое ущелье в скале. И картина эта что-то Соне смутно напоминала.

Отложив тетрадь в сторону, она ринулась к своему компьютеру, включила его, открыла поисковик и защелкала пальцами по клавишам. Спустя две минуты на весь экран у нее был выведен рисунок, сделанный в начале девятнадцатого века Уильямом Блейком. Назывался он «Сошествие людей в Долину Смерти» и был до мельчайших деталей

воспроизведен рукой Саши Галактионова. Под рисунком стояла, разумеется, стихотворная подпись:

Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землю замутил.
И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

О какой такой радости мог писать Санек под иллюстрацией Долины Смерти, Соня не понимала.

На следующем листе, последнем из содержащих записи, рисунка не было совсем, зато посредине листа аккуратным, как будто торжественным почерком стояли очередные стихотворные строчки, принадлежащие перу великого английского поэта, кстати, как помнила Соня, при жизни считавшегося безумным. Совсем как Санек.

Перед часовней, у ворот,
Куда никто войти не мог,
В тоске, в мольбе стоял народ,
Роняя слезы на порог.
Но вижу я: поднялся змей
Меж двух колонн ее витых,

И двери тяжестью своей
Сорвал он с петель золотых.
Вот он ползет во всю длину
По малахиту, янтарю,
Вот, поднимаясь в вышину,
Стал подбираться к алтарю.
Разинув свой тлетворный зев,
Вино и хлеб обрызгал змей...
Тогда пошел я в грязный хлев
И лег там спать среди свиной!

Больше в тетради ничего не было.

* * *

Внутри что-то зудело и покалывало, словно душа чесалась. Такое состояние Феодосий знал и особенно не любил. Оно означало, что он что-то пропустил, оценил недостаточно серьезно, а значит, не принял мер, что впоследствии было чревато неприятностями. За двадцать лет, которые он занимался бизнесом, это ощущение возникало несколько раз и каждый раз приводило к крупным потерям либо денег, либо времени, либо нервов.

Зуд в груди появился и примерно за полгода до развода, а потом накануне известия о смертельной болезни отца. Позже Феодосий каждый раз анализировал, откуда появлялось противное ощущение в груди, и каждый раз приходил к выводу, что предвестники грядущих неприятностей были заранее, и он их подсознательно отмечал, вот только не обращал внимания.

В случае развода такими предвестниками стало вдруг необычное и ничем не объяснимое спокойствие жены. За несколько лет до этого

Феодосий привык к атмосфере постоянных скандалов и недовольства, как со стороны Нины, так и со стороны тещи. А тут внезапно стало тихо и практически спокойно, вот только за грудиной чесалось невыносимо. Оказывается, все это время его жена уже встречалась со своей подругой и строила хитроумные планы развода, а потому и молчала, чтобы Феодосий ей нечаянно не помешал. Она же не знала, что мешать он не собирался.

Когда заболел отец, оказалось, что в течение года Феодосий так же подсознательно замечал и его внезапную худобу, и осунувшееся лицо, и гримасы внезапной боли, и непривычную растерянность в глазах. Замечал, но не заострял внимания, а потом стало слишком поздно.

То, что он тогда непозволительно долго медлил, Феодосий Лаврецкий не мог простить себе до сих пор. Мама простила, и ему, и себе простила, потому что сконцентрировалась на заботе о внучке и сыне, к которым переехала жить. А Феодосий так и не смог и втайне от матери каждый месяц ездил на кладбище, один ездил и подолгу сидел на могиле у отца, просил у того прощения.

Сейчас в груди кололось и чесалось после довольно долгого перерыва, и Феодосий был убежден, что в этот раз не может сплеховать, а потому должен найти источник беспокойства и устранить его до того, как тот принесет настоящие неприятности. Именно поэтому вот уже час он сидел за своим рабочим столом и, вместо того чтобы разбирать ворох документов на столе (счета нужно было отправить на оплату, договоры подписать, об инвестиционных соглашениях подумать, ряд предложений принять, а другие отклонить), напряженно анализировал события последних дней, чтобы понять, какое из них стало сигналом будущего бедствия. На ум ничего не приходило.

Дни были обычными, дела рутинными, неприятности (куда ж без них) мелкими и быстро устранимыми. Единственное, что выбивалось из привычного набора действий, касалось любимого сотрудника Дениса Менделеева, а уж если быть совсем точным, его сестры Софьи.

Почему-то Лаврецкий то и дело возвращался мыслями к тому моменту, как доставал ее из ванны, укутанную в пушистый махровый халат. Ее наготу он не мог вспомнить, как ни старался. А он старался, и ему было неловко за это свое старание, как будто он был школьник, застуканный за подсматриванием под окнами публичной бани. Он помнил только, что ее тело показалось ему совершенным, и все. Никаких деталей, никаких подробностей, только ворс халата, смешно щекочущий ему шею.

Он был уверен, что эта самая Софья Михайловна, которую он, кстати, нанял на работу, вляпалась в большие неприятности. И отчего-то его это тревожило, хотя жизнь отучила Феодосия совать нос в чужие

неприятности. Учить и лечить без запроса он считал недопустимым и неправильным, и помогать без запроса тоже. Но вот поди ж ты.

Софье Менделеевой грозила опасность, это Лаврецкий чувствовал, что называется, спинным мозгом и был уверен, что именно это предчувствие вызывает у него щекотку в груди. Кто или что именно ей угрожает, он не знал, но пообещал себе, что обязательно выяснит.

Конечно, по уму нужно было рассказать о своих подозрениях Денису, который относился к сестре с серьезной и обстоятельной нежностью, какую нечасто встретишь в отношениях, но оглашать вслух ничем не обоснованные страхи, вся объективность которых заключалась в мурашках за грудиной, он считал глупым. Да и волновать Дениса понапрасну не хотел. А значит, придется разбираться самому, пожалуй.

Телефона Софьи у него не было. Как-то не пришлось, к слову, попросить. Впрочем, Феодосий точно знал, что она уже подписала контракт на два вечерних занятия в неделю: по понедельникам и средам. Во вторник и четверг у нее были курсы в университете, и это не считая обычной преподавательской нагрузки. Она еще и репетиторством занималась по выходным, и почему-то Феодосию было неприятно, что она так много работает, хотя и ее брат работал тоже много, и этот факт Феодосия как эксплуататора рабочего класса совсем не напрягал.

Да и сам он работал с утра до вечера, не особо взирая на выходные. И из командировок не вылезал, потому что его рестораны по франшизе работали во всех уголках страны, и, чтобы запустить их, обязательно нужно было личное присутствие. Он мог неделями ночевать в гостиницах, поездах, самолетах, не появляясь дома, спать по три-четыре часа в сутки и при этом прекрасно себя чувствовать. Единственное, что Феодосия при этом беспокоило, – это тот факт, что он мало видит дочь.

Собственный трудоголизм, а также выжимание масла из подчиненных было нормой жизни, а вот тень постоянной усталости на симпатичном личике Софьи Менделеевой его огорчала. Осознав этот факт, Феодосий громко рассмеялся.

– Признайся честно, ты влюбился, – сказал он вслух, и негромкий его голос, отразившись от стен кабинета, вдруг наполнился эхом: – ся-

ся-ся... Хотя нет, не так. Признайся себе, что впервые за два года нашлась женщина, которая вызвала у тебя не сиюминутное желание, понятное и незатейливое и проходящее так же быстро, как появилось, а живой и неподдельный интерес. Ты уже думал, что этого никогда не произойдет, что тебе никогда больше не захочется никого оберегать и ни о ком заботиться, что для этих целей тебе вполне достаточно мамы и дочери, а все остальные женщины существуют исключительно для здоровья и отправления физиологических надобностей. И вот на тебе, ты случайно узнал, что все-таки нормальный.

Он снова засмеялся, потому что озвученная вслух мысль казалась ему смешной, как, собственно, и сам факт, что он разговаривает сам с собой в тиши пустого кабинета.

Дверь отворилась, и на пороге появилась секретарша, лицо которой выражало полную готовность исполнить любой его каприз. Как всегда, и иногда он этим пользовался.

– Вы меня звали, Феодосий Алексеевич?

– Нет, Света. Это я по телефону разговаривал, – соврал зачем-то он.

– То есть вам ничего не нужно?

Она призывно улыбнулась, но сейчас Феодосию совершенно не хотелось отвечать на этот немой призыв. Снова вспомнилось прикосновение махры к шее и теплое дыхание на ней. И было это в десять, нет, в сто раз эротичнее, чем томный Светин взгляд и чуть приоткрытые пухлые губы.

– Абсолютно ничего, – сказал он.

Теперь секретарша улыбнулась чуть обиженно и скрылась в приемной. Аккуратно приотворенная дверь выглядела так красноречиво, как если бы Света громко ею хлопнула. Женщины подобными трюками владели в совершенстве, это Феодосий помнил со времен своей семейной жизни.

Итак, что все-таки происходило вокруг Софьи Менделеевой? Кому понадобилось убивать ее соседей? А в том, что их именно убили, Феодосий даже не сомневался. Пожалуй, надо с ней еще раз поговорить, узнать все пообстоятельнее. Причем сделать это незамедлительно, не дожидаясь понедельника, до которого еще долго. За это время может произойти что угодно. Взять ее телефон в отделе кадров и позвонить. Да, именно так он и поступит.

Соня (про себя он уже решил звать ее именно так, как зовет Денис) трубку не взяла, что Феодосия неприятно изумило. Ах да, у нее наверняка занятия, как же он не подумал. Ладно, попробует вечером, когда у нее закончатся курсы. Время терпит.

Скорее по привычке доводить все намеченные дела до конца, чем из горячего желания, он заставил себя вернуться к делам и погрузился в работу.

Ее было много, так много, что Феодосий забыл обо всем на свете, в том числе и о том, что ничего не ел. Только почувствовав, как от голода противно начинает кружиться голова, он посмотрел на часы и увидел, что уже половина девятого вечера.

Черт, опять он придет домой, когда Наташке уже будет пора отправляться спать. И Соне он так и не перезвонил, хотя намеревался. И есть хочется невыносимо.

Телефон у него зазвонил, и Феодосий, не глядя, взял трубку. Ему часто звонили по вечерам и даже по ночам, потому что рестораны работали до последнего клиента, и разруливать ситуацию самому приходилось довольно часто. Что поделаешь, бизнес есть бизнес, и, если ты хочешь, чтобы он был успешным, все нужно делать самому.

– Да, – сказал он в трубку, решив, что прямо сейчас, пожалуй, встанет и доедет до «Бурраты», где съест приготовленный Денисом стейк с кровью из мраморной говядины. – Лаврецкий слушает, говорите.

– О-о-о-о, это вы, – из трубки послышался голос человека, похоже, пребывавшего в шоке от того, что его собеседником оказался именно Феодосий. – Извините, просто вы мне звонили. У меня на телефоне ваш неприятный звонок... Я не знала чей... Я думала, что-то срочное... Это Менделеева... Соня Менделеева... То есть Софья Михайловна... То есть сестра Дениса...

– Соня, как же здорово, что вы мне перезвонили. Я действительно хотел с вами переговорить. Хотел узнать, что нового слышно про это происшествие на вашей лестничной площадке?

Ему показалось, или из трубки дохнуло вдруг арктическим холодом.

– А вы почему интересуетесь, Феодосий Алексеевич?

Ну надо же, она знает его отчество, значит, специально спрашивала о нем у Дениса. Или в Интернете смотрела. Неважно.

Важно, что она о нем думала.

У Феодосия вдруг резко повысилось настроение.

– Мне не нравится то, что произошло, – честно признался он. – Видите ли, Соня, я в молодости служил в армии, в спецподразделении, поэтому привык заранее ощущать возможную опасность. То есть я не хочу вас пугать, ничего страшного не случилось. То есть случилось, конечно, но, к счастью, не с вами, а с вашими соседями, и я просто хочу, чтобы с вами, наоборот, не случилось. – Он вконец запутался и замолчал, чувствуя себя идиотом.

Господи, что она про него подумает? Что он трех слов связать не может?

– Да, действительно происходит что-то очень странное, – согласилась Соня. – Я даже хотела вам позвонить после того, как вы позавчера ушли, просто было уже поздно, и мне стало неудобно. Мне нужно было с кем-то это обсудить, и почему-то я подумала про вас, хотя это и глупо. И вчера утром, между парами, я приезжала в ваш офис, чтобы подписать контракт, но мне было неудобно вас отвлекать.

Теперь Феодосий расстроился от того, что мог ее увидеть и не увидел.

– Соня, ну, что значит «неудобно», – вскричал он с энтузиазмом. – Конечно, вы должны все мне рассказать, потому что если что-то случится, то Денис очень расстроится. А ему нельзя расстраиваться. Он очень много работает, он – творческий человек, работа которого зависит от его настроения, и вообще ему нужно к конкурсу готовиться. Поэтому давайте мы с вами встретимся и поговорим.

– Денис? Да, он, конечно, всегда за меня переживает. – Ее голос теперь звучал отчего-то уныло. – Но вы не думайте, Феодосий Алексеевич, я сама вполне могу во всем разобраться. Извините за беспокойство.

– Соня, подождите. – Он всполошился из-за того, что она может повесить трубку. – Не надо самой. Это опасно. Да и вообще, мне же интересно. Соня, вы уже закончили работу? Давайте съездим в ресторан и там поговорим. Я как раз собирался поужинать в «Буррате», съесть знаменитый Денисов стейк. Присоединитесь?

Она вдруг засмеялась. Смех ее журчал серебряным колокольчиком у Феодосия в ухе.

«Динь-динь-динь. Динь-динь-динь. Колокольчик звенит. Этот звон, этот звон о любви говорит», – некстати вспомнилась ему песня, которую очень любила напевать мама.

Вообще-то ее исполняла любимая мамина певица Евгения Смольянинова, но и мама пела прекрасно, да.

– Вместе заявиться в ресторан к Денису – это лучший способ не заставлять его волноваться, – сказала Соня сквозь смех. – Вы в этом действительно уверены, Феодосий Алексеевич?

Он тут же снова почувствовал себя идиотом. И как этой женщине удастся заставлять его усомниться в своих умственных способностях? Хотя надо признать, что поехать вместе в «Буррату» – действительно дурацкая затея. Тем более что не так уж сильно ему хочется есть. Тем более стейк с кровью. Б-р-р-р, нет, совершенно точно, он не сможет проглотить ни кусочка.

– Тогда знаете что, – принял решение Феодосий, – приезжайте в офис, если можете. У нас тут на первом этаже прекрасный семейный ресторан. Конечно, шеф-повар здесь – не чета Денису, но я вас уверяю, что отравить нас точно не отравят. И поговорить мы сможем. Вы же хотели что-то мне рассказать?

Он просто физически ощущал, как она колеблется, принимая решение.

– Да, хотела. – Голос Сони звучал нерешительно. – Видите ли, я сделала глупость. Точнее, я думаю, что я сделала глупость. Я захватила из соседской квартиры тетрадь. Очень странную тетрадь. Точнее, дневник Санька. То есть младшего Галактионова. Мне кажется, вы должны на нее посмотреть.

– Конечно, я посмотрю. Она у вас с собой?

– Нет, дома. Но это неважно. Наверное, я могу сначала рассказать вам про то странное, что я нашла в этой тетради, а уже потом вы сами решите, нужно на нее смотреть или нет. Поэтому, Феодосий Алексеевич, если вы не против, то я действительно приеду и все вам расскажу. Хорошо?

– Конечно! – воскликнул Феодосий, пожалуй, с излишним восторгом в голосе.

Она сейчас приедет, он накормит ее ужином, выслушает ее историю, а потом у него будет повод поехать к ней домой, чтобы

познакомиться с какой-то дурацкой тетрадью. Замечательный план, лучше даже и быть не может.

– Тогда я выезжаю. – В голосе Сони уже не было сомнений.

Похоже, решение она приняла и менять его не собиралась.

Феодосий нажал на кнопку отбоя, откинулся на спинку кресла и блаженно улыбнулся. В его скучную размеренную жизнь, кажется, входило приключение.

* * *

Чувства, которые испытывала Соня, назывались смятением. Ее мучили страшные подозрения, что профессор Ровенский, научный руководитель, бок о бок с которым она проработала последние двенадцать лет, каким-то образом причастен к смерти отца и сына Галактионовых. Иначе как объяснить, что портрет достопочтенного Николая Модестовича появился в дневнике Санька, да еще сопровождаемый строками о враге и погубившем его яде?

После того как Соня прочитала дневник, она ночью не сомкнула глаз, пытаясь понять, скрывался ли в строках Блейка какой-нибудь смысл или стихи были выбраны наугад, только потому, что нравились Саше Галактионову? Какие мысли крутились в его одурманенной недугом голове? Не были ли они плодом больного воображения?

С другой стороны, профессор был изображен, как и все остальные персонажи, включая Соню, практически с фотографической точностью, значит, как минимум Санек должен был его видеть. Когда? Где? При каких обстоятельствах?

Ответ на эти вопросы сейчас мог дать только сам Ровенский, поэтому, прокрутившись ночь на постели, вдруг показавшейся страшно неудобной, и на автопилоте прочитав лекцию на первой паре (совершенно неожиданно даже для самой себя Соня сбилась на творчество Уильяма Блейка, хотя изначально предмет обсуждения был совсем иной), она с огромным трудом дождалась перемены.

Еще утром она выяснила в расписании, что у Николая Модестовича сегодня занятия начинаются со второй пары, а это означало, что ей нужно было подловить его на кафедре, да еще желательно в отсутствие других преподавателей. К чему такая секретность, Соня и сама не знала.

Действительно, когда она зашла в кабинет, профессор был уже там. Как всегда, с иголки одетый, с обязательным шелковым шарфом под рубашкой, аккуратно причесанной бородкой и надушенными усами, он поливал стоящий на окне цветок, за которым следил с маниакальной тщательностью. Никто не имел права подходить к растению и уж, тем паче, поливать его. Никто и не пытался, поскольку Ровенский слыл человеком вспыльчивым, обидчивым и злопамятным.

К счастью, кроме них двоих, в кабинете никого не было.

– Доброе утро, Николай Модестович, – поздоровалась Соня, отчаянно нервничая.

Он повернулся, благожелательно оглядел ее с головы до ног, чуть дольше положенного задержав взгляд на высокой Сониной груди. Мгновение, не больше, но и оно заставило ее щеки порозоветь.

– Здравствуй, Сонечка. Как спалось? Что-то ты бледна.

В разговорах с ней он все время переходил с «вы» на «ты», и эта его манера почему-то Соню страшно раздражала. Уж определился бы. Вообще-то в институте было принято ко всем студентам обращаться на «вы», и это правило преподаватели соблюдали неукоснительно. В ее студенческие годы профессор поступал так же, не изменив манеру общения и тогда, когда Соня сначала стала его аспиранткой, а потом и коллегой. И только в последнее время иногда позволял себе фривольности, словно намекая на то, что между ними возможны иные, более близкие отношения.

– Николай Модестович, а вы были знакомы с Галактионовыми? – Она проигнорировала его обращение к ней, хотя, возможно, это было и невежливо.

Ее вопрос же вызвал эффект разорвавшейся бомбы. По крайней мере, с лица профессора схлынули все краски, челюсть отвисла, выражая крайнюю степень изумления, причем явно неприятного.

– Кого? П-п-простите. О чем вы говорите, Сонечка?

О-о-о, он снова перешел на «вы», восстанавливая нарушенную дистанцию. Но свой шаг назад Соня делать не намеревалась.

– Я говорю о Галактионовых. Борисе Авенировиче и его сыне Саше. Вы их знали? Я имею в виду, так близко, чтобы бывать у них дома?

Похоже, Ровенский постепенно приходил в себя. Лицо его постепенно розовело.

– Ну, разумеется, мы знакомы. Конечно, не общались уже много лет, но я не понимаю, какое... – Он протер внезапно вспотевший лоб платочком, ослепительно-белым, вытащенным из нагрудного кармана сюртука. Да-да, благообразный профессор предпочитал носить не пиджаки, а сюртуки. – ...какое это имеет значение? С чего бы вдруг вам интересоваться нашим знакомством? Я не понимаю, Соня.

Голос его начал повышаться и чуть ли не перешел в фальцет.

– Николай Модестович, я никогда не видела вас в нашем доме, хотя Галактионовы жили со мной на одной лестничной площадке. До вчерашнего времени мне даже в голову не могло прийти, что вы знакомы.

– Почему вы говорите об этом в прошедшем времени? – Теперь в глазах Ровенского плескался ужас, граничащий с безумием.

– Потому что вчера я была понятой, в присутствии которой полицейские зафиксировали смерть Галактионовых. – Отчего-то Соне было совсем его не жалко, хотя жестоким человеком она вовсе не была.

– Они умерли? Борька умер? Его больше нет? Господи, помилуй. Когда это случилось?

– Судя по состоянию их тел, около года назад.

– Что-о-о-о?

– Николай Модестович, у меня есть все основания полагать, что незадолго до того, как их убили, вы были у Галактионовых дома.

– Убили? Да кому был нужен этот старый дурак с его еще более придурковатым сыном? Хотя... Этого не может быть. Боже мой, я об этом не подумал.

– О чем именно вы не подумали? – спросила Соня.

Она совершенно ничего не понимала.

– Неважно. Это совершенно неважно. Господи, если бы я знал, что так выйдет.

– Что выйдет, Николай Модестович?

– Неважно, Сонечка, поверьте, для вас это совершенно неважно. Что же теперь делать-то, боже мой. Ведь она так и лежит там. Или этот человек забрал ее? Боже, почему я тогда недодал? Ведь все могло получиться.

– Что там лежит? – Соня невольно повысила голос. – Кто тот человек, который это забрал? Вы что-то знаете о смерти

Галактионовых, Николай Модестович?

Он дико посмотрел на нее.

– Что? Я? Нет, я ничего не знаю, – забормотал Ровенский, словно в горячке. – Откуда я могу знать, если вы сами мне только что... Боже мой, боже мой, надо же что-то делать, пока полиция не узнала...

Он резко повернулся на каблуках, выхватил с вешалки у входа свою велюровую куртку и выскочил из кабинета, прежде чем Соня успела сказать еще хотя бы слово. Тяжелая дверь захлопнулась с оглушительным стуком.

И что теперь делать? Соня окончательно убедилась в том, что между смертью ее соседей и Николаем Модестовичем есть какая-то связь. Профессор так странно себя вел. Такое чувство, словно он знал, что в доме Галактионовых хранилось что-то ценное. Дорогая вещь, ради хранения которой пришлось поставить двойные бронированные двери. Но почему тогда отец и сын жили так бедно, практически в нищете? Что именно они оберегали от посторонних глаз?

Что бы это ни было, ради этой вещи можно было пойти на двойное убийство. Хотя Соню, к счастью, это совершенно не касается. Она решила выкинуть из головы все тайны, связанные с Галактионовыми, и ей это почти удалось.

Домой она вернулась достаточно рано – не было еще и четырех. Со следующей недели в это время у нее будут начинаться занятия в фирме Феодосия Лаврецкого, но эта среда пока еще свободна, и Соня собиралась провести ее, побаловав себя хотя бы немного. После бессонной ночи и ужасов вчерашнего дня ей нужен был релакс.

Она приняла ванну с душистой пеной, нанесла на тело, лицо, волосы и вообще на все, до чего дотянулась, различные кремы, выпила бутылку красного вина, порезала привезенный Денисом из-за границы кусок сыра с плесенью, который любила и берегла, чтобы растягивать удовольствие на подольше, но сейчас решительно съела весь и завалилась в спальне на кровать, включив шведский детективный сериал. Скандинавские детективы она обожала.

В девять часов вечера Соня уже безмятежно спала, к счастью, без сновидений, поэтому утром четверга чувствовала себя прекрасно выпавшейся.

В университете выяснилось, что профессор Ровенский не пришел на работу, а потому ей придется взять на себя его лекцию. Зав.

кафедрой сообщил, что профессор сказался больным. Но, стоя за преподавательской трибуной, Соня нет-нет да и возвращалась мыслями к тому, что именно могло его так взволновать и расстроить.

Несмотря на дополнительную лекцию, она все-таки успела перед курсами сбегать в любимое кафе, уселась за столик у окна, за которым уже робко хозяйничала весна.

Снег под ногами прохожих таял, как масло на бутерброде. Начинал не вовремя стекать то с одного, то с другого бока колдобин. Тротуары в этом году в их городе чистили особенно плохо.

Солнце, неяркое, из показной скромности прятавшееся в вуаль легкого тумана, все-таки уже грело по-настоящему, и сидеть за стеклом было тепло, пожалуй, даже жарко.

Соня блаженно щурилась, подставляя лицо солнечным лучам. Она могла сидеть так бесконечно, но сегодняшней вечер, в отличие от вчерашнего, у нее был занят, поэтому нужно было торопиться.

Она собиралась уже допить кофе и рассчитаться, как неожиданно за ее столик плюхнулись две молодые нимфы. Настя и Аглая, студентки, посещающие ее курсы английского.

Девочки Соне нравились, потому что были серьезными и старательными. Именно к Насте Соня позавчера обращалась за помощью, чтобы заставить полицейских обратить внимание на нехороший запах из соседской квартиры. Точнее, помогла не сама Настя, а ее мама.

Господи, это же всего-навсего позавчера было, а кажется, что целую вечность назад.

– Здравствуйте, Софья Михайловна, – затараторила та, что помладше, Аглая Молчанская. – Мы с Настей правильно вычислили, что вас тут найдем. Поговорить надо.

– Давайте, если недолго. – Соня с радостью ухватила за возможность выпить еще чашку кофе. – О чем, девочки?

– О ваших соседях, – бухнула Настя, и Соня от неожиданности подпрыгнула на стуле.

– О чем?

– Софья Михайловна, выслушайте меня, пожалуйста. – Девушка говорила тихо, но решительно. – Мне очень важно расследовать, что именно произошло в квартире ваших соседей. Я не могу объяснить вам зачем, это сложно. Скажем так, это для меня вопрос

профессиональной чести. Я – будущий юрист, и моя работа будет зависеть от того, смогу я распутать это дело или нет. Поэтому помогите мне, пожалуйста.

– Я? Как именно, Настя?

– Расскажите мне все, что вы знаете об этих людях. Быть может, было что-то странное, предшествовавшее их смерти. Быть может, вы что-то видели или слышали, или заметили в их квартире, когда были там понятой. Я прошу вас, Софья Михайловна.

Она молитвенно сложила руки на груди.

Все понятно, девочка решила поиграть в детектива. Скорее всего хочет что-то доказать своей знаменитой маме. Все-таки экзамен по возрастной психологии Соня в свои студенческие годы сдала на «пять», да и не надо было быть психологом, чтобы понять, в чем тут дело. Так что причины, подвигнувшие Настю на расследование, совершенно понятны, вот только идти у нее на поводу Соня не собиралась. Слишком опасно это было. Убийство – не игрушки.

Настя спросила, заметила ли она что-то странное.

Да это странное можно было черпать большим половником. Двойные бронированные двери в квартире, странный дневник, портрет Ровенского, его невнятные объяснения и следом за этим внезапная болезнь...

Соне ужасно хотелось все это обсудить, но не с Настей же. Впрочем, глядя на насупленное лицо девушки, она понимала, что та не отстанет.

– И как ты собираешься вести свое расследование? – мягко спросила Соня.

Обижать Настю ей не хотелось.

Девушка пожала плечами.

– Обойду соседей. Для начала. Мне легче начать с вас, потому что мы знакомы. А уже потом, проанализировав добытую у вас информацию, я буду понимать, у кого еще что спрашивать. Поверьте, Софья Михайловна, это проще, чем кажется. В прошлом году я была на практике в уголовном розыске и участвовала в поквартирных обходах. Я умею разговаривать.

– Вот что, Настя. – Соня решила пока ухватиться за спасительный канат, который протягивало ей время, а уже потом, на досуге, подумать о том, как ей себя вести и на какие вопросы отвечать, а на какие не

стоит. – У нас до начала занятий всего десять минут, мы все равно не успеем поговорить, поэтому давай перенесем этот разговор на завтра. Договорились?

Она не дала Насте шанса возразить, вскочила со стола, мило улыбнулась и пошла к стойке платить за кофе.

Девушки послушно ждали ее, явно намереваясь продолжить беседу по дороге, но и эти попытки Соня решительно пресекла.

– Не на бегу, – сказала она. – Вопрос слишком серьезный.

– Хорошо, – нехотя согласилась Настя. – Только давайте отложим не до завтра, а до вечера. Я все равно собиралась после курсов заехать в ваш дом. Вот с вашей квартиры и начну.

– Я не уверена, что буду дома. – Большой глупости придумать было трудно, потому что все свои вечера Соня проводила дома. А где ж еще? На Настином лице она увидела скепсис и неожиданно для себя разозлилась. – В общем, по ходу решим. А пока пошли быстрее, нас уже ждут.

После окончания занятий Соня обнаружила на телефоне неприятный звонок. Это мог быть новый ученик или просто что-то важное, поэтому Соня набрала высветившийся номер, поскольку всегда перезванивала, даже если номер был ей незнаком.

Ответил ей Феодосий Лаврецкий, и это было довольно неожиданно, а еще почему-то приятно.

Он звал ее на ужин и тоже предлагал поговорить о случившемся в ее подъезде. То, что ему это было интересно, Соню немного напрягло, хотя она поспешила успокоить себя тем, что, будучи позавчера невольным свидетелем ее злоключений, он просто проявляет воспитанность.

Поделиться своими мыслями по поводу Настиного расследования, дневника и поведения Ровенского хотелось все сильнее. Внезапный ужин также давал возможность не идти после работы домой, где наверняка ее будет ждать настырная Настя. Проучить девушку, не верящую, что у ее преподавательницы могут быть свои дела по вечерам, тоже хотелось, хотя Соня и понимала, что это форменное детство.

Как бы то ни было, на ужин с Феодосием Лаврецким она согласилась, пробежалась по лицу пуховкой, мазнула губы помадой

цвета увядающей розы, намотала на шею шарф и поехала на неожиданное свидание в довольно хорошем состоянии духа.

Интересно, что бы сказал Денис, если бы знал, что она собралась поужинать с его шефом? От этой мысли Соня даже тихонечко хихикнула, но тут же снова стала серьезной. Отчего-то ей хотелось обязательно произвести на Феодосия Лаврецкого благоприятное впечатление.

Глава четвертая

Учительница явно что-то скрывала, и Насте это не нравилось. То ли она как-то замешана в случившемся двойном убийстве, во что верилось с трудом, то ли просто не верит, что Насте по плечу настоящее расследование. Вторая причина казалась более вероятной, и девушка рассердилась. Да что они, сговорились, что ли?

Сама она была вполне довольна тем, что успела сделать за два дня. Вчера с самого утра она поехала на место преступления и внимательно осмотрела дом, двор и даже подъезд, в который проникла, позвонив в первую попавшуюся квартиру и представившись разносчицей газет.

Она давно заметила, что люди охотно открывали двери разносчикам пиццы, газет и другим службам доставки, и воспользовалась этим. Она не знала, в какой именно квартире произошло преступление, однако подъезд вычислила без труда, делая вид, что разговаривает по телефону, а на самом деле подслушав старушек, судачащих у трансформаторной будки. Те вовсю обсуждали приключившиеся в доме страсти, то и дело поглядывая на подъезд номер три, и, улыбнувшись, Настя направилась именно к нему.

Внутри все было еще проще.

На двери одной из квартир второго этажа дверь была заклеена белой полоской бумаги – опечатана. Значит, именно здесь и жили потерпевшие. Кроме этой, на площадке было еще две квартиры, одна – напротив, с дверью, оббитой качественным кожзаменителем и аккуратным полосатым ковриком у входа, вторая посредине, с дверью металлической, но недорогой. Коврик перед ней лежал резиновый, очень дешевый.

Немного подумав, Настя решила, что за оббитой дверью обитает ее преподавательница Софья Михайловна, и даже в дверь позвонила, но ей никто не открыл. Ясное дело – рабочий день.

Впрочем, разговор с преподавательницей мог вполне подождать до завтра, когда Настя увидит ее на курсах. В другую же квартиру Настя звонить поостереглась. Для начала нужно было выяснить у Софьи диспозицию – кто там живет, да и вообще получить от нее максимум информации, чтобы не плутать впотьмах.

Приняв столь мудрое решение, девушка начала изучать дверь квартиры, где жили убитые. Что-то с ней было не так, с этой дверью. Вернее, с самой дверью все было в полном порядке. Стальная, точнее, бронированная, она была снабжена очень серьезным замком и представляла для потенциального взломщика довольно большую проблему. Такую дверь не вскрыешь ломиком, не отожмешь стамеской язычок замка. Ее можно открыть, только имея ключи или (тут Настя усмехнулась) набор хороших отмычек.

Она снова хорошенько присмотрелась. Так и есть. Дверной косяк немного выступал наружу, в то время как у двух других квартир на площадке он был утоплен внутрь. То есть эта дверь еще и двойная. Под бронированной есть еще одна. Как интересно.

Получается, что убитым отцу и сыну было что скрывать, раз они сотворили из своего жилища неприступную крепость. Неплохо было бы побывать внутри.

Для первого визита было более чем достаточно. До завтрашнего разговора с Софьей можно было уходить, что девушка и сделала, по дороге в институт заехав к старому маминому другу, полковнику полиции Ивану Бунину. Восемь лет назад, когда они с мамой только познакомились, Бунин был всего-навсего капитаном, немало страдавшим от настырности журналистки Инессы Перцевой и ее подруги Алисы Стрельцовой.

Впрочем, узнав мамино окружение получше, Иван Александрович проникся к нему огромным уважением. Фактически он стал другом их семьи, для Насти организовывал экскурсии в уголовный розыск, перед поступлением в институт помогал с литературой, взял к себе на практику, приставил к ней лучших оперов, чтобы не насмехались, а делились опытом, да и вообще относился с отеческой заботой и вниманием. В том, что Настя задумала, без Бунина ей было не справиться.

– Дядь Вань, я на проходной, у вертушки, – сказала она, доехав до городского УВД, который Бунин сейчас возглавлял, и набрав его

номер. – Поговорить бы.

– Чего-то серьезное? – осведомился тот. – Если да, то давай после обеда. У меня скоро совещание начинается. Если совсем да, то заходи. Если нет, то пятнадцать минут у меня есть.

– Ничего серьезного, – заверила его Настя, – за пятнадцать минут успеем. Мне для курсовика информация нужна.

– Заходи, – услышала она и улыбнулась. Дядя Ваня не мог ее подвести. – Сейчас дам команду, чтобы впустили.

За отведенные ей пятнадцать минут она успела навесить полковнику изрядное количество лапши на уши, рассказав о несуществующей курсовой, тема которой, и бывают же такие совпадения, как нельзя лучше подходила к двойному убийству, о котором вчера написала в своей статье мама. Конечно, Настя уже выпросила у блестящей журналистки все, что та знала, но для того, чтобы защитить свою работу на «пять», было бы очень неплохо познакомиться с материалами дела. Дядя Ваня не мог же этого не понять.

– Понимаю, – кивнул Бунин и зашевелил своими фирменными усами. Когда-то давно мама и ее подруги за них прозвали его Тараканом, но никогда так, конечно, не называли, потому что нежно любили и самого Бунина, и его жену Ирину. – Курсовик вещь нужная. И твое стремление учиться на одни пятерки тоже не вызывает ничего, кроме огромного уважения. И вообще, девка ты замечательная...

В голосе его появились какие-то странные нотки, и Настя их расслышала, уловила и нахмурилась. Похоже, что-то шло не так.

– Ты меня за идиота-то зачем держишь, дочь моей старинной подруги? – спросил он мягко. – Ты сейчас на каком курсе?

– На четвертом. Бакалавриат заканчиваю, – растерянно ответила Настя. – Дядь Вань, вы ж это и сами знаете.

– Конечно, знаю, – согласился он. – Равно как и то обстоятельство, что уголовное право ты проходила и сдавала в прошлом году. Я сам тебя на практику в уголовный розыск устраивал. Так какой такой курсовик ты можешь в этом году писать, а, голуба? Давай признавайся, куда ты вляпалась?

Да уж, пытаться обмануть дядю Ваню с самого начала было гиблой затеей. И на что она только, спрашивается, рассчитывала.

– Да куда я не вляпалась, дядь Вань, – жалобно сказала Настя. – Просто это преступление произошло в квартире, соседней с моей преподавательницей с курсов английского языка. Это по ее просьбе мама туда ментов, то есть, ой, извините, полицию вызывала. В общем, моя преподавательница волнуется. Она рядом с этими соседями всю жизнь прожила. Попросила узнать, что смогу. Я пообещала. Помогите, дядь Вань.

– М-м-м-м, а ты не врешь, дочь моей лучшей подруги?

– Не вру, дядь Вань. – Настя старалась смотреть самыми честными глазами, и, похоже, у нее получилось. – Да мне и самой интересно стало. Шутка ли, почти год два трупа пролежали, и никто их не хватился. Да еще и участковый налажал. С ним-то чего теперь будет?

– Дисциплинарное взыскание, – буркнул Бунин, – сама понимаешь. Распоясались совсем, бездельники. На сигналы граждан не реагируют. Ладно, так и быть. Будет тебе дело на почитать, тем более что ничего такого в нем и нет. Сиди тут, я сейчас команду дам, тебе материалы принесут. Прочитаешь, на столе оставишь, дверь захлопнешь. И смотри мне. Поняла?

– Поняла, дядь Вань. И вы еще это, маме не говорите. А то как-то некрасиво получается, что я ее связями без спросу пользуюсь.

Настя сейчас страшно гордилась собой. Ее голос даже не дрогнул ни разу.

– Ладно, конспираторша, не скажу. – Бунин засмеялся, подошел, чмокнул Настю в затылок. – Вот ведь как оно в жизни бывает, не успеешь оглянуться, а дети-то уже и выросли. Совсем малявка была, а вот уже и уголовные дела запрашивает на почитать. Если ты по материным следам в уголовные хроники подашься, так уделаешь ведь мать-то. Вот, видит бог, уделаешь.

Он ушел, насвистывая какую-то мелодию, а Настя осталась ждать, впрочем, недолго. Минут через десять ей принесли дело, возбужденное по факту обнаружения останков тел граждан Галактионовых, Бориса Авенировича, 1952 года рождения, и его сына Александра Борисовича, 1984 года рождения.

Настя взяла из принтера, стоящего на столе, белый лист бумаги, из стаканчика остро отточенный карандаш, открыла папку и погрузилась в работу.

Борис Авенирович окончил Московский государственный университет по специальности «Английская литература». В их город он приехал по распределению, устроившись на работу ассистентом кафедры английской литературы на факультете иностранных языков и поступил в аспирантуру к легендарному профессору Свешникову.

Дочитав до этого места, Настя нахмурилась. Получается, что ее преподавательница Софья Менделеева знала своих соседей гораздо лучше, чем показывала. Она не только много лет жила с ними в одном подъезде, но и училась и работала на том же самом факультете. Подозрительно все это, очень подозрительно.

Борис Галактионов слыл подающим надежды ученым, но в конце восьмидесятых годов неожиданно ушел из университета, бросив преподавание, и стал работать сварщиком. Подобный кульбит тоже выглядел в глазах Насти подозрительным. Кандидат наук, молодой мужчина, имеющий семью и маленького сына, вдруг бросает престижную работу и уходит на стройку, возиться со сваркой, в грязи и в окружении людей, чьи представления об английской литературе страшно далеки от совершенства. Странно это, очень странно.

Александр Галактионов действительно был инвалидом с детства. У него стоял диагноз «умственная отсталость». Он мог лишь по минимуму обслуживать сам себя, однако не выходил из квартиры без сопровождающих, поскольку терялся, делая даже один шаг в сторону. Молодой человек находился на учете в психоневрологическом диспансере, получал пенсию по инвалидности и являлся на обязательное обследование сначала раз в три месяца, потом раз в полгода, и после двадцати пяти лет раз в год, поскольку состояние его здоровья было стабильным и никак не менялось.

На очередное обследование Галактионова-младшего ждали в июне прошлого года, однако он на него не явился. На вызов, который еще через месяц отправили на домашний адрес пациента, тоже никто не отреагировал. Осенью к Галактионовым направили медсестру, однако дверь ей никто не открыл, поговорить удалось только с соседями, которые сообщили, что Галактионовых уже давно не видели. В диспансере решили, что отец и сын переехали к каким-то родственникам, и больше их не искали.

Из материалов дела следовало, что Галактионовы вели очень замкнутый образ жизни. Несколько раз в неделю вместе ходили в

магазин, видимо, для того, чтобы Саша мог подышать свежим воздухом. В остальное время из квартиры выходил лишь Галактионов-старший. Впрочем, и его связь с внешним миром была очень ограниченной. Он ходил за продуктами, выносил мусор, раз в месяц отправлялся в банк, чтобы снять пенсию – свою и сына, а заодно оплатить коммунальные услуги, раз в два месяца ездил к жене на кладбище. И все. В гости к Галактионовым никто не ходил, шума из их квартиры никогда не доносилось. И именно поэтому их почти годового отсутствия никто даже не заметил.

Насте вдруг стало жутко. Так жутко, что холодок, зародившийся где-то в затылке, сбегал вниз по позвоночнику, заставив подняться дыбом тонкие волоски на коже. Она вдруг представила, какими одинокими они были, больной сын и его старый уже отец. Представила и ужаснулась степени их одиночества и ненужности.

Тем загадочнее выглядела их смерть. Что такого могли хранить два полностью выброшенных из жизни человека? Или они не хранили ничего особо ценного, а двойная бронированная дверь была просто совпадением, глупым вложением денег, которых у них не было? Может, они что-то знали, к примеру, о своих соседях, с которыми особо не общались, но за которыми могли наблюдать, к примеру, в окно или через дверной глазок?

Тогда опять получается, что человеком, о котором они знали что-то настолько шокирующее, что ради сохранения этой тайны можно было убить, была Софья Менделеева? Ну, или уж если быть совсем беспристрастной, то третий сосед по лестничной площадке.

Настя внимательно изучила протокол осмотра квартиры. Из описания положения тел погибших она не извлекла ничего особо ценного. Бориса Галактионова смерть застала на полу кухни, его сына на диване в гостиной. Ну и что?

Описание имеющихся в квартире вещей она прочитала два раза и очень внимательно. Из ценных предметов – большой, плазменный, очень современный телевизор в гостиной. Вся остальная мебель старая, хотя и не из советского прошлого. Мебельная стенка недешевая, но не чешский гарнитур. Кровати и диваны производства первых кооперативов, которые появились на сломе эпох. Холодильник тоже куплен в середине девяностых годов. Тогда на российский рынок

хлынула японская техника, первая, настоящая, служащая десятилетиями, а не выходящая из строя через три года, как сейчас.

Настя немного подумала. Получается, что в девяностых годах прошлого века Борис Галактионов неплохо зарабатывал. Все благосостояние семьи шло из тех времен, пожалуй, кроме книг, которых, судя по описанию, в квартире было несколько тысяч. И все. Никаких других ценностей. Лишь шкатулка, в которой лежали пятнадцать тысяч рублей и два золотых обручальных кольца – большое и чуть поменьше, видимо, Галактионова и его умершей жены. Если в квартире и был кто-то посторонний, то ни деньги, ни украшения он не тронул.

Вообще, судя по царившему порядку, здесь ничего не искали. Ящики не выдвинуты, дверцы шкафов не открыты, все вещи на своих местах. Знали, что брат, или убийство совершено вовсе не с целью ограбления?

Чем дальше Настя читала, тем больше понимала, что ей нужно увидеть место преступления своими глазами. Тогда, когда она проходила практику, дядя Ваня объяснял ей, как именно смотреть, на что обращать внимание. Впрочем, она не обольщалась, что он позволит ей побывать в квартире Галактионовых. Тут наскоро придуманной ею легендой не обойдешься.

Впрочем, его разрешение Насте было ни к чему. Она знала, где дома хранится набор суперских отмычек, когда-то презентованных ее маме одним из городских бандитов, ныне покойным. Знала и умела ими пользоваться, полагая, что в жизни могут пригодиться любые навыки и умения. К примеру, когда ее одноклассник Вовка Перегудов случайно захлопнул входную дверь, за которой бесновалась оставленная Вовке для присмотра Жужа, любимая болонка ее мамы, именно Настя решила тогда проблему, потому что Вовка сидел у нее на кухне и трясся, что родители его убьют.

Неминуемое убийство грозило как за ничегонеделанье в ожидании неминуемой Жужиной голодной смерти (родители уехали в отпуск на две недели, а дверь захлопнулась в аккурат назавтра после их отъезда), так и за вызов слесаря. Перегудов-старший работал директором крупного завода, а его жена была владелицей магазина модной одежды, так что их квартиру показывать людям, умеющим вскрывать замки, было опасно.

Спасла Вовку именно Настя, которая решительно сходила в комнату за набором отмычек, после чего они с Вовкой дошли до соседнего подъезда, и Настя за три минуты открыла бронированную (как у Галактионовых) дверь, после чего они с Вовкой торжественно поклялись друг другу никогда и никому про это не рассказывать.

В общем, пробраться в квартиру для нее труда не представляло, и Настя решила, что, пожалуй, завтра поговорит для начала со своей преподавательницей, а затем, в зависимости от содержания беседы, примет решение, нужно ей проникать в квартиру или нет.

Она переписала из дела все, что могло представлять хотя бы малейший интерес, захлопнула кабинет дяди Вани и ушла, не забыв оставить Бунину записку с благодарностью. И вот сегодня стало ясно, что набор отмычек все-таки понадобится. Днем Софья разговаривать категорически отказалась, а после курсов постыдно сбежала, не явившись домой.

Окна ее квартиры оставались темными и через полчаса после окончания занятий, и через час. Ждать дальше не имело смысла.

Настя села в машину, в складчину подаренную ей отцом и матерью на восемнадцать лет, доехала до дома, переделалась в практичную немаркую одежду, забрала в хвост свои роскошные длинные волосы, поменяла каблуки на мягкие на ходу кроссовки, переложила вещи в удобный рюкзак, поместив туда же и аккуратно стащенные из ящика комода отмычки.

Естественно, мама этого не заметила. Она на кухне писала очередную статью и отрывалась от нее только затем, чтобы добавить ингредиенты в томящийся на плите плов. Кулинария была такой же маминой страстью, как и журналистика. Мамин муж, дядя Гоша, смотрел в гостиной детективный сериал, так что собираться «на дело» Насте никто не мешал.

– Ма-ам, – девушка заскочила на кухню, чмокнула мать в мягкую и теплую щеку, вкусно пахнущую духами, – я у Глашки сегодня переночую. Ладно?

Мама оторвалась от экрана, оглядела Настю цепким профессиональным взглядом и, видимо, не увидела ничего тревожного.

– Хорошо, – кивнула она, – вечеринка намечается или что-то более спокойное?

– Просто поболтаем о своем, о девичьем. – Настя лгала уверенно и ничуть не смущаясь. Она знала, что ради дела мама всегда поступает так же. Цель оправдывает средства, не так ли?

Впрочем, она действительно часто ночевала у Глаши, счастливой обладательницы собственной квартиры. Иногда девочки вместе ездили за город, где у Глашиного отца был дом. Бывать там Настя любила, в первую очередь, потому, что ей нравился Павел Молчанский, и его новая жена нравилась тоже. Мама против ее ночевок вне дома не волновалась, разумно полагая, что вряд ли может держать двадцатидвухлетнюю дочь взаперти. Она и против ночевки у мальчиков не возражала, но никаких мальчиков у Насти не водилось. Слишком разборчивая она была штучка, как любила говорить мама.

В общем, на ночь глядя, мама отпустила ее из дома со спокойной душой. Поехала она действительно к Глаше, потому что для задуманного дела ей нужен был напарник, а подруга во всем обещала ей помогать. «Идти на дело» Глаша, впрочем, отказалась наотрез.

– Ты с ума сошла? – воскликнула она, когда Настя поделилась своим гениальным планом. – Ты же юрист, ты же понимаешь, что это незаконное проникновение в чужое жилище? За это же арестовать могут.

– Глаш, там никого нет. Квартира опечатана. Мы ее тихонечко вскроем. Ты на стреме постоишь. Я осмотрю все быстренько, обратно дверь закроем, бумажку с печатью приклеим, и все. Нас никто не заметит. Камер там на площадке нет, я посмотрела. Соседи ночью спят наверняка. Ничего не случится. Я тебе обещаю.

– Настя, я не буду участвовать в этом безобразии. – Голос Глаши дрожал, но она выглядела непреклонной. – И тебе не советую. Это опасно.

– Ты что, призраков боишься? – с подозрением спросила Настя. – Так хочу тебе сказать, что их не бывает.

– Дура! – Глаша смешно оттопырила нижнюю губу, что означало у нее высшую степень обиды. – При чем здесь призраки? Этих двух человек убили, а значит, убийца может вернуться.

Настя издевательски фыркнула:

– Подруга, включи логику. Их убили почти год назад. За это время убийца имел кучу времени, чтобы забрать все, что ему нужно. Зачем

ему возвращаться в квартиру сейчас, когда тела нашли и возбудили уголовное дело? Нет, никто туда не сунется. Так что, не пойдешь?

Глаша отрицательно замотала головой.

– Ну ладно, я сама.

– Настюха, не надо.

– Надо, – рассердилась Настя. – В конце концов, это ты придумала, что мне нужно расследовать это дело. Вот я и расследую, а ты пытаешься мне помешать. Не очень это честно, между прочим.

– Только держи меня в курсе. – Глаша схватилась руками за бледные щеки. – Пообещай, что будешь мне звонить каждые десять минут. И если ты пропустишь очередной звонок, я позвоню твоей маме.

– Не вздумай, – строго предупредила Настя. – Хочу тебе напомнить, что моя мама тут вообще ни при чем. Я затеяла все это дело, чтобы доказать, что я – взрослый, самостоятельный человек, без пяти минут дипломированный юрист и сыщик. Так ведь?

– Так, только в своем расследовании ты пользуешься мамиными связями и мамиными отмычками, – с сомнением в голосе сказала Глаша.

– Дядя Ваня – уже такой же мой, как и мамин. А отмычки... Я просто пользуюсь тем ресурсом, который у меня есть, не прибегая при этом к маминой помощи. По-моему, это честно.

– Ладно. Ты обещаешь звонить?

– Обещаю, но только не раз в десять минут. Я позвоню тебе, когда прибуду на место, потом, когда войду в квартиру, потом раз в пятнадцать минут, пока я буду внутри, и потом, когда запечатаю квартиру обратно. Договорились?

– Договорились, – вздохнула Глаша.

Поцеловав подругу, Настя спустилась вниз, села в свою машину и доехала до нужного ей двора. Окна ее учительницы, Софьи Михайловны, по-прежнему были темными. Либо та так и не вернулась домой, либо уже легла спать, что, впрочем, для полпервого ночи было совсем не удивительно. В доме светились всего несколько окон.

Найдя место для парковки, Настя натянула капюшон, достала из рюкзака связку с отмычками, вышла из машины, закинула за спину рюкзачок, чтобы не мешал, огляделась по сторонам. Двор был тих и

пустынен, что девушку вполне устраивало. На растаявшей снежной жиже не отпечатывались ее шаги.

Подойдя к нужному подъезду, Настя выбрала из связки универсальный ключ для домофонов и поднесла его к двери. Открываясь, тихо пискнул замок. Еще раз оглядевшись по сторонам, Настя глубоко вздохнула и проскользнула внутрь. Отступить было поздно.

Уже внутри она вспомнила, что не позвонила Глаше. Несмотря на строжайший запрет, та вполне могла поднять кипеш и позвонить маме.

Отступив в тень под лестницей, Настя наспех набрала подруге эсэмэску, чтобы та понапрасну не волновалась. Путь на второй этаж много времени не занял. В подъезде было тихо, похоже, все уже спали. Заранее подготовленной жвачкой Настя залепила дверные глазки соседних квартир, от греха подальше. Присев на корточки, она вставила первую отмычку в замочную скважину и повернула, затаив дыхание.

Тот бандит, который подарил ее маме набор универсальных ключей, хорошо знал свое дело. С небольшим скрежетом металлические штыри в замке начали выходить из пазов. Настя перевела дыхание и повернула еще раз. Готово.

Выпрямившись, она теперь аккуратно, стараясь не порвать, подцепила полоску бумаги с синей печатью, подышала на нее, чтобы размягчить клей. И тут удача. Листок теперь болтался на одном конце.

Когда все будет позади, Настя прикрепит его обратно той же жвачкой.

Теперь оставалось только отпереть внутреннюю дверь. На ней замок оказался похитрее, явно не стандартный, сделанный на заказ. С первой попытки отпереть его у девушки не получилось. Она снова присела, приглядываясь к замочной скважине, чтобы подобрать отмычку с подходящим вырезом зубцов. Она была так увлечена своим делом, что не услышала мягкие шаги у себя за спиной, и повернулась только тогда, когда тень упала на дверь, перекрывая доступ света от тусклой подъездной лампочки.

Настя в ужасе подняла голову и уставилась прямо в лицо стоящего за ней человека. В руке человек держал молоток для отбивки мяса. И Настя отчетливо поняла, что сейчас умрет. Как на грех, именно

в этот момент подлый замок поддался, распахивая дверь внутрь чужой квартиры.

Настя потеряла равновесие и начала заваливаться внутрь. Человек наклонился к ней, протягивая руку для удара. Девушка закрыла глаза и смирилась с неизбежным.

* * *

Свидание удалось по полной программе. В том, что это именно свидание, не было никаких сомнений. То есть у него не было. Что думала по этому поводу Соня, оставалось загадкой. Весь вечер держалась она довольно непринужденно, смеялась над его шутками, охотно поддерживала разговор, мило улыбалась, но вот расценивает ли она этот вечер именно как свидание, Феодосий не знал.

Эта женщина вообще была не похожа на других, всех, кого он когда-либо знал. Она не делала стойку на его богатство, как гончая, почуявшая лису. Она вообще вела себя так, как будто уровень его благосостояния и жизненные успехи не имели для нее никакой ценности. Это было приятно и задевало одновременно.

У нее горели глаза, когда она рассказывала ему про зачем-то прихваченный в соседской квартире дневник. И его одинаково удивляло и то, что она вообще сперла эту тетрадку, и то, что на полном серьезе села ее изучать, и то, что с таким охотничьим азартом про это говорила. Как гончая, почуявшая лису.

И если в начале вечера Феодосию было совершенно все равно, о чем с ней говорить, лишь бы слушать ее голос, мелодичный, богатый обертонами и модуляциями, то постепенно он и сам втянулся в канву ее рассказа. Она умела рассказывать так, что становилось интересно.

– А вы покажете мне эту тетрадь? – спросил он, сам не зная, чего больше в его вопросе – искреннего любопытства или просто желания найти достойный повод оказаться снова у нее дома.

– Конечно, покажу. Мне нужно с кем-то сверить свои ощущения, – ответила Соня. – Понимаете, Феодосий Алексеевич...

– Зовите меня без отчества, – попросил он.

Соня с любопытством уставилась ему в лицо, и он вдруг поразился глубине ее невероятных глаз.

– А как мне вас называть? – спросила она с тем же искренним интересом, с которым обсуждала все остальное. – Как вас вообще

называют близкие люди?

Интересно, это она намекала на то, что хотела бы тоже считаться близким человеком, или просто спрашивала? Как узнать?

Феодосий даже вспотел от напряженной работы мысли. Давно ему так не нравилась ни одна другая женщина.

– Да кто как, – честно признался он. – Знакомые просто Феодосием. Друзья Федей. Мама иногда вообще Досей. А вы зовите, как вам удобно.

– Дядя Федя съел медведя, – засмеялась она и тут же смутилась, – извините.

– Да я привык к тому, что у меня не самое простое имя. Мой дед был родом из Феодосии. Они с семьей были вынуждены оттуда уехать, и он потом всю жизнь мечтал снова побывать в городе своего детства, да так и не сложилось. Это он настоял, чтобы меня так назвали. Мама пыталась поспорить, но он так расстроился, что она рукой махнула. Дед, кстати, никаких сокращений для моего имени не признавал. Так что, пока он был жив, я был только Феодосий. А уж в школе мальчишки, конечно, до Федьки быстро сократили. Так что я практически на любой вариант отзываюсь.

– Так вот, Феодосий, – она покатила его имя на языке, словно морскую гальку с феодосийского пляжа, – мне очень важно показать дневник Саши Галактионова кому-нибудь. Может быть, я все это придумала, но мне кажется, что в нем зашифровано какое-то хитрое послание.

– Послание?

– Да. То ли он пытается указать на преступника, то ли объяснить, за чем именно тот охотится, то ли сказать, где именно эта вещь спрятана.

– Какая вещь?

– Да не знаю я, – с досадой сказала Соня, и Феодосий тут же почувствовал себя глупцом. И так ведь понятно, что она не знает. – Может быть, мне все это кажется, а дневник, стихи и рисунки в нем просто игра больного разума.

– Вам не может просто так взять и показаться, – убежденно сказал Феодосий. – Давайте вместе посмотрим. Если там что-то есть, мы обязательно это найдем.

– А мы можем поехать прямо сейчас? – с надеждой в голосе спросила Соня. – Просто я уже почти двое суток не нахожу себе места из-за этого дневника. Мне кажется, что все очень просто, но я не вижу отгадки, хотя она наверняка у меня под носом.

В душе Феодосия все пело. Сейчас они поедут к ней домой, и, если она захочет, он даже согласится выпить кофе, и она покажет ему тетрадь, и он обязательно попытается разгадать, что там написано, а потом он ее поцелует и...

На этом месте Феодосию стало так жарко, что вдруг испугался, что его хватит тепловой удар. И что это он так раскипятился, словно школьник.

– Конечно, мы можем поехать, – сказал он, стараясь ничем не выдать бушевавших в нем эмоций. – Сейчас нам принесут десерт. Я заказал вам кофе с десертом, у нас тут замечательные делают десерты и кофе варят тоже очень хороший. Я знаю, вы любите кофе, так вот этот вам понравится.

Он понимал, что слишком много говорит, но уже не мог остановиться.

– О-о-о-о, это же отлично, что у вас хороший кофе, – сказала она. – И потом поедем посмотреть дневник. Но если вам неудобно, то мы вполне можем перенести это на завтра. Уже поздно, и вам, наверное, надо домой. Мне неловко навязывать вам мои проблемы.

– Все удобно, мне все очень удобно! – с жаром вскричал Феодосий.

Он хотел еще что-то добавить, но не успел, потому что у него зазвонил телефон. Звонила мама, что делала очень редко. Обычно она ждала, пока он позвонит сам, и позволяла себе отвлекать сына от дел только тогда, когда не могла с чем-то справиться самостоятельно.

– Да, мам, – сказал он, сделав жест, что просит у Сони прощения. Она понимающе кивнула.

– У Наташки температура поднялась, – деловито сообщила мама. – Так-то ничего особенного, но уж больно высокая, больше тридцати девяти. «Скорую» вызвать или ты Розе Михайловне позвонишь?

Роза Михайловна была лучшим в их городе детским врачом, которая наблюдала Наташку с самого ее рождения. Будучи уже дамой очень пожилой, она консультировала сейчас только избранных, причем

профессиональный статус и уровень дохода родителей этих избранных никакого значения не имел. Роза Михайловна отбирала детей по какой-то своей, непонятно по какому принципу выстроенной системе.

Обязательным условием ее согласия стать семейным доктором была симпатия к кому-то из родителей ребенка. Личная симпатия. У Лаврецких «контактным лицом» выступал Феодосий. Так повелось с самых первых дней, когда пришедшей на прием Нине Роза Михайловна велела никогда больше не переступать порог ее кабинета. Феодосий пошел тогда разбираться, переступил порог кабинета, будучи сильно не в духе, а обратно вышел лучшим другом пожилой дамы.

Конечно, в тех случаях, когда Наташка заболела, а Феодосий был в командировке или очень занят, с его мамой, Ольгой Савельевной, Роза Михайловна разговаривала и в дом приезжала, но Лаврецкие старались этим не злоупотреблять, потому что пожилая дама была настоящим кладом, и терять ее доброе расположение не хотелось.

– Позвоню и съезжу за ней, – пообещал сейчас Феодосий. – Сейчас в городе какой-то нехороший грипп ходит. Как бы Наташка его не подцепила. Мы сейчас приедем, мам.

Он положил трубку и виновато посмотрел на Соню.

– Вы извините, но у меня заболела дочь, и я должен срочно, пока не стало совсем поздно, привезти к ней врача.

– Все так серьезно?

– Нет, говоря «совсем поздно», я имел в виду время. Уже начало одиннадцатого, наша доктор – человек пожилой, и, хотя она частенько не спит по ночам, дергать ее ближе к полуночи не совсем удобно. Соня, вы же на машине? Вы не обидитесь, если я сейчас вас оставлю? Выпейте кофе, съешьте десерт, он действительно вкусный. А завтра я вам позвоню, и мы договоримся, когда вам будет удобно показать мне тетрадь. Вы меня простите, ради бога.

– Ну, конечно, езжайте, – сказала Соня, хотя по ее вытянувшемуся личику было заметно, что она разочарована. Интересно, чем, невозможностью сразу показать дневник покойника или все-таки нарушенными планами провести оставшийся вечер с ним, с Феодосием? Дорого бы он дал, чтобы узнать. – Я прекрасно доеду до дома сама. Вы не переживайте, Феодосий.

Он все равно переживал, потому что остаться с ней в надежде на приятное продолжение их знакомства было, пожалуй, сейчас самым большим его желанием. Давненько он уже не испытывал ничего подобного в связи с женщиной. Но Наташка была важнее.

По дороге в свой кабинет, где он оставил куртку, Феодосий позвонил Розе Михайловне и договорился, что сейчас заедет. Естественно, на поздний визит пожилая женщина согласилась без всяких разговоров.

Секретарша почему-то была все еще на работе, несмотря на позднее время. Он мимолетно удивился этому обстоятельству, но тут же забыл о нем. Сейчас это было совсем неважно.

– Феодосий Алексеевич? – Она попробовала что-то спросить, но он лишь отмахнулся от нее, как от назойливой мухи.

– Подожди, потом, все потом. Мне надо ехать, меня ждут.

– Кто ждет? Женщина? – Если эта дура решила сейчас разыгрывать ревность, то она выбрала не самое лучшее время. И вообще, похоже, надо ее убирать из приемной.

Приятные дополнения к служебному функционалу грозили плавно перетечь в дополнительный геморрой. Рано или поздно так случалось со всеми секретаршами, и Феодосий относился к этому обстоятельству с холодной расчетливостью, цинично называя его «истекшим сроком годности».

– Да, женщина. – Он не вдавался в детали, во-первых, потому, что ему было некогда, а во-вторых, потому, что ее обида была ему только на руку. Вдруг сама уволится, избавив его от необходимости вести неприятные беседы.

Впрыгнув в машину, Феодосий включил зажигание и выехал с парковки, взвизгнув колесами. Он особо не торопился, просто уж такая у него была манера езды, да и вообще манера жизни – делать все на максимальных скоростях. Обычно, отъезжая от своего офиса, расположенного в центре города, он поворачивал направо, чтобы проехать метров пятьсот по довольно тихой улице, а потом повернуть направо, на мост через Волгу, поскольку его дом стоял за рекой, в тихом, уютном микрорайоне «Сосновый берег», казалось, расположенном не в десяти минутах езды от шумного центра, а за городом.

Построить себе здесь дом было недешево, но Феодосий вполне мог себе это позволить. Впрочем, в дом они с мамой и Наташкой переехали совсем недавно, уже после отъезда Нины. Он знал, что бывшую жену это обстоятельство очень бесило. Если бы она могла перед разводом оттяпать этот дом, то обязательно бы оттяпала, вот только дома тогда не было.

Сейчас ему нужно было доехать до соседней улицы, где в старом доме сталинской постройки жила Роза Михайловна, поэтому он повернул налево и посильнее нажал на газ. Дорога из-за позднего уже времени была пустынна, и, пожалуй, именно это обстоятельство спасло Феодосию жизнь.

Он не сразу понял, что произошло. Машина, только что послушно слушающаяся руля, вдруг стала полностью неуправляемой. Нет, он, конечно, еще разгоняясь, заметил, что автомобиль странно потряхивает, но не успел подумать о том, что подобные толчки вкупе с непонятными постукиваниями скорее всего указывают на неплотно затянутые колеса. Этого просто не могло быть, потому что всего несколько дней назад Феодосий гонял машину на ТО.

Именно потому, что это не могло быть, он потерял те доли секунды, которые у него оставались, чтобы верно оценить ситуацию. Сейчас этих секунд уже не оставалось, потому что у его автомобиля отлетело переднее правое колесо.

Думать было уже некогда, включились рефлексy, приобретенные на службе в армии. Феодосий не любил об этом говорить, но в его жизни была такая школа, как спецназ ВДВ, а вместе с ней и ввевшиеся в плоть и кровь навыки поведения в экстремальной ситуации.

Совершенно машинально он вцепился двумя руками в руль, стараясь удержать машину, убрал ногу с педали газа, не трогая тормоз, поставил автомат в положение «паркинг». Машину развернуло и выбросило вправо, на тротуар, где, к счастью, тоже никого не было. Полностью она остановилась сантиметрах в пяти от светового столба.

«Повезло», – подумал Феодосий и рванул ручник, одновременно выключая зажигание.

Он вылез из машины и обошел ее кругом. Переднего колеса действительно не было, оно укатилось вперед по дороге и лежало метрах в пятнадцати. Он дошел до него и принес обратно к машине. В пазах торчали два болта. Остальные, видимо, потерялись во время

кульбитов на дороге. Феодосий достал их, положил их в ладонь и хорошенечко рассмотрел. У болтов были аккуратно срезаны головки.

Данное обстоятельство трудно было объяснить случайностью или совпадением. У случившегося было только одно объяснение, каким бы невероятным оно ни казалось. Кто-то осознанно повредил болты, крепящие колесо, чтобы оно отвалилось на ходу. Если бы сегодня вечером Феодосий поехал домой, как делал практически всегда, колесо отвалилось бы в аккурат на мосту, и тогда отброшенный вправо автомобиль упал бы в воду. Сколько бы при таком раскладе у него было шансов выжить? Надо признать, немного.

Впрочем, зачем бояться того, чего не случилось? Нужно сделать выводы и идти дальше. В данном случае ехать за Розой Михайловной, видимо, на такси. И организовать транспортировку автомобиля в шиномонтаж. Впрочем, с этим прекрасно справится его водитель Дима.

Мозг четко работал, заставляя выполнять привычные понятные действия – вызвать такси, позвонить водителю, загрузить внутрь колесо, запереть машину, заехать за Розой Михайловной, которую, к счастью, совершенно не волновал вопрос транспорта, тот он был или не тот, приехать домой, поцеловать горячую и, кажется, даже бредящую дочь, а потом маму.

Та, встревоженная по поводу здоровья внучки, не задалась вопросом, почему сын немного бледен и больше обычного молчалив. Списала на волнение из-за болезни Наташки. И только ближе к полуночи, когда была отправлена домой сделавшая свое дело Роза Михайловна, Наташка со сбитой температурой спокойно уснула и размеренно дышала во сне, удалилась в свою комнату мама, Феодосий, приняв душ и смыв усталость такого длинного и нервного дня, позволил себе, лежа в своей кровати и глядя в потолок, задаться главным и самым важным вопросом: кто и за что только что пытался его убить?

* * *

Кофе и десерт действительно оказались выше всяческих похвал. Пожалуй, уже очень давно совершенно равнодушная к еде Соня не испытывала от нее такого удовольствия. Ей было немного жаль, что чудный вечер прервался так неожиданно, но недовольства или обиды

она не испытывала. Невозможно сердиться или обижаться, когда человек сорвался домой, потому что у него заболел ребенок.

Ей отчего-то нравилось, что начальник ее брата оказался таким хорошим, внимательным отцом. Феодосий Лаврецкий, о котором она, разумеется, очень много слышала от Дениса, вызывал у нее все больший интерес. Было в нем что-то «неправильное». Не в плане «плохое», а именно неправильное, отличающее его от других людей.

Он очень много работал сам и других ценил, в первую очередь, по их работоспособности, а во вторую – по степени таланта.

Пожалуй, в Сониной шкале ценностей эти два качества шли в обратной последовательности, но она не была бизнесменом, а Феодосий был. При всей его занятости он лично вникал в каждую мелочь, включая собеседование с будущей учительницей английского языка на своих курсах для сотрудников. Подобная внимательность, как и сама идея организовать подобные курсы, вызывала у Сони почтительное любопытство. Она знала, что большинство начальников забывают о данном ими поручении сразу, как только за подчиненным закрывается дверь. Феодосий был не такой, и ей это нравилось.

Он отправился ее спасать, потому что ему нужно было, чтобы Денис был спокоен на деловых переговорах. Он не растерялся, когда Соня потеряла сознание, и вышел из достаточно неловкой ситуации как-то элегантно и изящно, не вызвав Сониного смущения и особо не смущаясь сам. Он не поднял ее на смех, когда она излагала ему свои бредовые идеи по поводу возможного ключа к разгадке детективной тайны, участницей которой Соня стала, сама того не желая. Он был готов помогать дальше, разбираться во всех перипетиях дела, ехать к ней домой... Достоинство уважения, что тут скажешь.

Если бы Соня Менделеева была чуть более искушена в отношениях между мужчинами и женщинами, то, разумеется, сразу бы поняла, что за всеми этими действиями стоит не уникальность человеческих качеств, а чисто мужской интерес, который Лаврецкий испытывал к ней. Однако искушенной она не была, а потому даже не догадывалась о том, что может ему нравиться.

Его мужские качества она тоже не оценивала. Признавала, что мужчина он видный, прекрасно сложенный, симпатичный, можно даже сказать, красивый, но дальше простой констатации фактов не шла. У богатого, самодостаточного мужчины, обладавшего такими внешними

данными и не имевшего жены, наверняка было много женщин. Все они, разумеется, были молодыми, гораздо моложе тридцатичетырехлетней Сони, красивыми, длинноногими, модными, не вылезавшими из СПА-салонов и от косметолога, и тягаться с ними Соня не могла, даже если бы и хотела. Но она не хотела, ей это было неинтересно.

На данный момент больше всего на свете она хотела разгадать загадку смерти отца и сына Галактионовых, а для этого расшифровать загадочный дневник. Феодосий обещал ей помочь, и надежда на его помощь была единственной, которую Соня питала по отношению к нему.

Именно поэтому она спокойно доела десерт, с удовольствием и не торопясь выпила еще одну чашку кофе, с легкой неловкостью и одновременно облегчением уточнила, что счет за ужин уже оплачен, после чего вышла из кафе, села в машину и поехала домой. В квартале от кафе на тротуаре стоял большой тяжелый внедорожник. Мигал аварийкой. Как успела отметить Соня, у него не было правого переднего колеса.

Ни людей, ни машин ГИБДД или «Скорой» рядом не наблюдалось, поэтому останавливаться Соня не стала, поехала дальше. Машина и ее номера были ей абсолютно незнакомы, однако почему-то увиденная картина поселила в ее душе легкую тревогу.

Соня Менделеева вообще была человеком тревожным, переживавшим по поводу любых возможных неприятностей, включая те, которые вряд ли когда-нибудь произойдут. То ли по этой причине, то ли из-за слишком сытного ужина (она не привыкла плотно есть по вечерам) дома она никак не могла уснуть.

Ворочалась в постели, несколько раз выходила на кухню попить воды, снова возвращалась в кровать и снова переворачивалась с боку на бок, тоскливо наблюдая, как меняются горящие циферки на электронных часах. Встать ей завтра было рано и до звонка будильника оставалось все меньше времени.

Кофе, что ли, выпить? Это звучало абсурдом, но любимый напиток всегда помогал Соне расслабиться, поэтому можно было предположить, что после маленькой чашечки она все-таки сможет заставить себя уснуть.

Соня снова встала с кровати, натянула на ноги тапки, потому что пол был холодным, накинула поверх пижамы халат. Если она замерзнет, то уж точно не уснет.

Она вышла в коридор, ведущий в кухню, и вдруг услышала странные звуки, раздающиеся с лестничной клетки. Там тихо скрежетал металл о металл.

Затаив дыхание, Соня подкралась к двери и посмотрела в глазок. Там было темно, и она не сразу сообразила, что кто-то просто-напросто заклеил его, лишив Соню обзора. Кто? Зачем?

Она вспомнила, как Борис Галактионов ругался с соседями, что они заклеивают ему дверной глазок. Тогда это казалось Соне глупостью и чушью, но сейчас с ней поступили именно так. Что делал на площадке неизвестный злоумышленник, она не знала и теперь судорожно пыталась сообразить, как лучше поступить. Позвонить в полицию? Да ее там на смех поднимут. Набрать номер брата? Нет, Дениса пугать нельзя.

Ей было слышно, как тихо скрипнула, открываясь, чья-то дверь. Судя по направлению звука, это была дверь именно квартиры Галактионовых.

Не очень соображая, что именно она делает, и не давая себе времени, чтобы передумать, Соня сбегала на кухню, вытащила из ящика стола металлический молоток, которым отбивала мясо, стараясь не шуметь, щелкнула своим замком и ступила на площадку.

Наружная дверь в галактионовскую квартиру действительно была открыта. Кто-то, сидя на корточках, колупался в замке второй, внутренней двери. Злоумышленник, судя по всему, был человеком молодым и довольно смышленым. В черной куртке, черных джинсах, черной толстовке с натянутым на голову капюшоном и в спортивных кроссовках (судя по всему, весьма недешевых), он был так поглощен процессом, что не слышал Сониных шагов.

Лишь только когда ее тень упала на дверь, загораясь светом лампочки, взломщик поднял голову и повернулся. Соня с изумлением узнала в нем свою ученицу Настю Пальникову, ту самую Настю, которая несколько часов назад выражала весьма нездоровый интерес к происшествию в их подъезде и намеревалась прийти к Соне домой для разговора.

От разговора Соня уклонилась, уехав на свидание к Феодосию Лаврецкому (почему-то именно в этот момент она описала бы прошедший вечер именно как свидание), и теперь Настя сидела перед ней на корточках, держа в руках связку отмычек.

Дверь, которую она отпирала, неожиданно подалась, поехала внутрь, девушка не удержала равновесия и ввалилась в открывшуюся ей бездну темного коридора. Соня протянула руку, чтобы ее подхватить, и лишь увидев ужас в глазах Насти, осознала, что держит в этой руке молоток.

– Не пугайся, – поспешно сказала она, и девушка распахнула глаза, которые успела зажмурить. – Это всего-навсего я, и я не собираюсь бить тебя молотком.

– Вы что здесь делаете? – Настя слегка заикалась от пережитого страха и не спешила встать.

– Вообще-то я здесь живу, – любезно сообщила Соня. – Услышала подозрительный шум, выглянула в глазок, ничего не увидела, потому что, по всей вероятности, ты его чем-то заклеила, а потому пошла посмотреть, что происходит. Уж извини, с молотком, потому что я ж не знала, что это ты.

– Ну, вы вообще отчаянная. – Настя все-таки поднялась на ноги и теперь стояла, отряхивая джинсы. – Не видя, что происходит, ночью одна на площадку выскакиваете. А если бы это правда была не я.

– То же самое я могу сказать о тебе. – В голосе Сони прибавилось язвительности. – Могу я поинтересоваться, что ты ночью делаешь в чужом подъезде? Вернее, я вижу, что ты вскрываешь квартиру, запечатанную полицией, отмычками. Вот только зачем?

По лицу девушки было видно, что она судорожно придумывает, что бы такое соврать, но ответить Настя не успела. Внизу хлопнула подъездная дверь, и слышались шаги, явно поднимающиеся по лестнице. От Сони и Насти их отделяли всего-то три лестничных пролета.

– Софья Михайловна, заходите внутрь, – прошептала Настя и дернула Соню за руку.

Та неловко переступила ногами и оказалась внутри коридора, который покинула два дня назад и очутиться в котором снова никак не стремилась. Поздно, Настя ловко закрыла наружную дверь, умудрившись сделать это совершенно бесшумно.

– Ты с ума сошла. Это же незаконно, – прошипела Соня, стараясь, впрочем, говорить максимально тихо, чтобы их не услышали с лестницы. Еще не хватало быть застуканной в чужой квартире.

– Конечно, незаконно, – одними губами ответила Настя, протащила Соню в глубь квартиры и закрыла вторую дверь, отсекая доносящиеся с площадки звуки. – Но замечу, Софья Михайловна, что я вас с собой не звала. Вы сами на площадку выскочили.

– Что ты тут делаешь?

– Мне нужно осмотреть место происшествия, – буднично ответила Настя, как будто только и делала, что по ночам взламывала квартиры, в которых произошло убийство. – Я же вам уже объясняла днем, что мне очень важно провести собственное расследование, и я не остановлюсь ни перед чем. Я считаю, что здесь, в квартире, может быть что-то, что подскажет мне личность убийцы.

– Ты ненормальная? – Соня смотрела с подозрением, на всякий случай стараясь не дышать.

Она еще помнила страшную вонь, от которой чуть не умерла два дня назад. Сейчас запах в квартире был, но уже не такой густой и смрадный. Перед уходом полицейские оставили открытыми настежь все форточки, устроив сквозняк, а дни стояли весенние, ветреные. По крайней мере, дышать было можно без рвотных спазмов. Настя, так казалось, и вовсе не ощущала ни малейшего неудобства.

– В общем, так, – сказала она. – Либо вы уходите к себе в квартиру и не мешаете мне. Или помогайте. К примеру, подскажите, где кто лежал. Я читала протокол осмотра, но вы же очевидец.

– Я туда не пойду. – Соня уперлась руками в стены прихожей, как будто боялась, что Настя станет ее толкать. – Борис Авенирович лежал на кухне, под столом. Санек – в гостиной, на диване. В остальные комнаты я не ходила.

– Ладно. – Голос Насти звучал снисходительно. – Я сама. А вы тогда в коридоре подождите. Я быстро.

Стоять просто так было глупо, поэтому Соня подошла к книжным полкам, тем самым, с которых она в прошлый раз произвольно вытащила тетрадь, оказавшуюся прелюбопытным дневником. Провела пальцами по корешкам книг, вчитываясь в название, невольно нахмурилась.

На стеллажах, стоящих вдоль стен, царил практически архивный порядок. Все книги были пронумерованы и стояли в четкой последовательности. Здесь была как русская, так и английская классика, причем на двух языках, полное собрание детской библиотеки приключений (точно такая же стояла у Сони дома), советские подписки Марка Твена, Ги де Мопассана, Фейхтвангера, всех тех писателей, которых раньше было принято читать в юности.

Отдельно шли тетради. Тоже пронумерованные.

Соня достала их, подержала в руках. Да, Саша Галактионов имел привычку рисовать окружающий его мир с детства. Правда, стихами раньше свои рисунки никогда не сопровождал. Та тетрадь, что лежала сейчас у Сони дома, видимо, была последняя. И именно там умственно отсталый парень почему-то начал цитировать Уильяма Блейка.

Во всех тетрадях Соня нашла много своих изображений и привычно расстроилась. Похоже, Санек был в нее немного влюблен. С самого детства он рисовал Соню, в основном в виде сказочной принцессы. Были в его тетрадях и портреты Дениса, причем брат на них выглядел очень положительным и добрым. Впрочем, именно таким он и был.

А вот сосед Арсений, чьи изображения на листах в клеточку тоже периодически появлялись, наоборот, всегда изображался злым, мрачным, и Соня бы даже сказала – каким-то подлым. Обладая ментальной инвалидностью, Санек имел дар видеть людей насквозь, понимать их сущность не головой, а сердцем.

Она засунула тетради на место, прошла в глубь квартиры, где уже рыскала Настя, нашла девушку в маленькой комнатке, видимо, принадлежащей Саше Галактионову. Здесь стояла односпальная кровать, застеленная мохнатым пледом, шкаф с немудреной, очень простой, старенькой, но чистой одеждой, проигрыватель с виниловыми пластинками, стол с пачкой чистых тетрадей в клеточку и остро отточенными карандашами. Вот и все, что было в комнате, не считая большой клетки, такой, в которых обычно держат хомяков или морских свинок.

Дно клетки было старательно засыпано толстым слоем чистых опилок, но клетка была совершенно пуста, хотя Соня, внутренне содрогаясь, и была готова увидеть там трупик домашнего животного. В ящике стола нашлись коробки с кормом для морских свинок (права

была Соня), пустой пакет из-под опилок (все они были высыпаны в клетку), пустая поилка и несколько мисочек.

– У них была морская свинка, – утвердительно сказала Настя, – вот только непонятно, куда она делась после убийства. Если бы умерла от голода, так в клетке бы лежала. Если сбежала, то как? Клетка заперта. Получается, что убийца унес ее с собой? Зачем?

– Из жалости? – предположила Соня. – Понимал, что обрекает животное на верную гибель.

– Как версия сгодится, хотя так-то хрень, конечно, – кивнула Настя. – Ладно, пошли отсюда. Я все осмотрела и нафотографировала. Потом подумаю, как это можно использовать.

– Квартиру надо запереть, – сказала Соня строго. – Так не оставляй.

– Так уж понятно. – В голосе девушки звучала снисходительность, как будто она, а не преподавательница была тут старшей. – Черт, надо Глашке позвонить, пока она шухер не подняла.

Она быстро отчиталась подруге о том, что с ней все в порядке, и гуськом они с Соней двинулись обратно в коридор, к входной двери. Перед тем как отодвинуть задвижку, Настя прильнула к глазку.

– Вот черт, – прошипела она, отпрянув от двери.

– Что такое? – перепугалась Соня.

– На площадке кто-то стоит. Мужик какой-то. Мы не можем выйти, пока он оттуда не уберется.

Соня почувствовала, как в груди снежным комом нарастает паника. Не хватает еще, чтобы их все-таки тут застукали.

– Дай я посмотрю, – одними губами приказала она, аккуратно посмотрела в глазок, зачем-то затаив дыхание, и тут же резко выдохнула: – Фу-у-у, все в порядке, пошли.

– Ушел?

– Нет, но это неважно. – Соня повернула защелку, выключила свет, который они в целях конспирации включили лишь в коридоре, осматривая комнаты с помощью фонарика, который принесла с собой Настя, шагнула на лестничную площадку и ласково погладила по плечу стоявшего там мужчину: – Привет, Дениска. – Повернулась к стоящей в нерешительности Насте: – Выходи, все в порядке, это мой брат.

Сам брат, похоже, так не считал. По крайней мере, не обращая никакого внимания на Настю, он схватил Соню за плечи и хорошенько встряхнул.

– Ты что, хочешь меня с ума свести? Ты чего такое творишь? На кой ляд ты туда поперлась?

– Не кричи. – Соня виновато улыбнулась и погладила Дениса по щеке. – Я сейчас тебе все объясню. Только давай, ради бога, уберемся наконец отсюда. Наш сосед, бравый Владимир Петрович, конечно, спит крепко, я из-за стены слышала его храп, но все-таки не стоит привлекать внимание к тому факту, что мы с Настей только что взломали чужую квартиру. Насть, ты все?

К девушке, похоже, вернулось самообладание, потому что она уже закончила запирать внутреннюю дверь, захлопнула наружную, поменяла отмычки, щелкнул два раза замок наружной двери. Настя вытащила изо рта кусочек жевательной резинки, ловко прилепила на него оторванный край бумажки с печатью. Затем подошла к квартире Владимира Петровича и отлепила жвачку с глазка.

– Теперь только ваша осталась, – бодро сказала она.

Соня заметила, что Денис во все глаза смотрит на девушку, засмеялась, скovyрнула резинку, закрывавшую ей обзор, протянула Насте:

– На, у нас дома в ведро выбросишь.

– У вас дома?

– А что, ты хочешь, чтобы я сама объяснялась с Денисом? Нет уж, пошли. Расскажешь и ему, и мне, зачем тебе все-таки было нужно осмотреть квартиру Галактионовых. А ты, Денька, объяснишь, как ты тут оказался посередине ночи. Пошли?

Пожав плечами, Денис переступил порог квартиры, Соня зашла за ним и вопросительно повернулась к Насте. Та, смирившись с неизбежным, тоже шагнула внутрь.

– Ладно, – сказала она. – Сейчас успокою Глашку, что все позади, и все вам расскажу. Тем более я и сама хотела с вами поговорить.

Глава пятая

В тепле и безопасности кухни, на которой она пила горячий, очень вкусный чай, заваренный братом ее преподавательницы по какому-то хитрому рецепту, Настю вдруг начала бить сильная дрожь. Когда она только планировала свое вторжение в чужую квартиру и даже когда

уже была внутри, прекрасно осознавая, что совершает абсолютно противоправные действия, она чувствовала себя собранной и деловитой, человеком, который держит ситуацию под контролем.

Сейчас, когда все было уже позади, в одночасье пришло понимание, как сильно, а главное, как глупо она рисковала. Если бы ее застукала не Софья, а второй сосед, если бы Софья оказалась не такой безрассудной, а просто позвонила бы в полицию, ей было бы ни за что не отмыться от свалившегося на ее голову неминуемого позора. Что бы сказала мама, что подумал бы дядя Ваня, как бы она смотрела в глаза отцу, Насте даже представить было страшно.

– Что? Отходняк? – Софья смотрела понимающе, но без всякой жалости, и это было хорошо. Жалости сейчас Настя бы не вынесла. – Так тебе и надо, не будешь по чужим квартирам шастать.

– Кто бы говорил. – Брат Софьи, высокий, ладно сложенный, тонкий в кости, но не худой, насмешливо смотрел на сестру. – По-моему, вы обе вывалились из галактионовской квартиры совершенно ошалелые. И если нашу гостью я вижу впервые, а потому не могу оценить степень ее готовности к безумствам, то от тебя, дорогая сестрица, уж точно не ожидал.

– Денис хочет сказать, что в нашей семье я всегда считалась занудой и правильной до невозможности, – невозмутимо объяснила Насте Софья и поставила перед ней плошку с клубничным вареньем.

Настя варенье не любила, но это пахло так, что у нее что-то мутилось в голове. Стараясь держаться в рамках приличий, она взяла ложку и положила в рот одну ягодку, а потом еще одну. М-м-м-м, как вкусно.

– Это Денис варил, – сообщила Софья, которая, похоже, как и положено настоящей ведьме, читала мысли.

Так, значит, ироничного красавчика зовут Денис.

– Вы любите готовить? – спросила Настя светским тоном и не поняла, почему брат и сестра громко рассмеялись.

– Денис – шеф-повар. – Софья произнесла это с гордостью, как будто сообщала, что ее драгоценный брат зачислен в отряд космонавтов. – Причем один из лучших в городе.

– Да-а-а? – с любопытством протянула Настя. – И в каком ресторане вы работаете?

– В «Буррате». – Он по-прежнему смотрел насмешливо, и Настю это почему-то нервировало.

– О-о-о, это наш с подругой любимый ресторан, – сообщила она, причем искренне. – Кстати, так уж совпало, что именно там мы с ней и придумали расследовать убийство ваших соседей.

– Что расследовать, простите?

– Убийство ваших соседей, – с вызовом повторила Настя. Она уже начинала сердиться, с какой стати этот красавчик над ней издевается. – Я – юрист. То есть будущий. То есть я уже и сейчас работаю, но институт пока не закончила.

Она понимала, что бормочет совершенно по-детски, и злилась от этого еще больше.

– Мне надо разобраться в этом деле, потому что от этого зависит моя будущая жизнь. Профессиональная, конечно.

– Ну, как я заметил, с отмычками вы обращаетесь вполне профессионально. – Теперь он уже смеялся.

– Это мамины отмычки, – зачем-то сказала Настя и тут же прикусила язык. Вот, сейчас начнется выяснение, кто ее мама...

– А кто у вас мама? – вполне предсказуемо спросил Денис. – Медвежатница? Тоже профессиональная?

– Ее мама – Инесса Перцева, – сообщила Софья, и Настя чуть не застонала от огорчения. Ну кто ее просил, если бы она отвечала сама, то можно было попробовать увести разговор в сторону.

– И что? – Денис выглядел сбитым с толку. – Наверное, я должен знать, кто это, но я, признаюсь честно, не знаю.

Он не знал ее маму? Настя не верила собственным ушам. Разве так бывает?

– Она журналистка, – продолжала тем временем неугомонная Софья. – Работает в газете «Курьер», и ее все знают.

– Ну, получается, что не все. – Он пожал плечами и взглянул на притихшую Настю. – Барышня, это очень безответственно с моей стороны? Просто я не читаю газет, не смотрю телевизор и страшно далек от мира отечественной журналистики. Я пал в ваших глазах?

– Нет, – Настя пожалала плечами. Ей хотелось его расцеловать. – Вы пока не сделали ничего такого, что заставило бы меня подумать о вас плохо.

– А вот вы, дамы, сделали. – Он снова засмеялся. – Сонька, ну, тебя-то как туда занесло? Ну ладно, Настя у нас тренируется, чтобы сдать экзамен на Шерлока Холмса, но ты-то...

Ну надо же, он даже запомнил, как ее зовут. Настя почему-то почувствовала себя польщенной. Соня между тем пыталась объяснить, как именно оказалась в квартире Галактионовых.

– Сонька, да ты с ума сошла, – теперь в голосе Дениса не было ни капли иронии, только злость, – ты что, не понимаешь, что это могло быть опасно. А если бы там оказалась не Настя, а преступник? Выскочить ночью из квартиры в пижаме, без телефона, никого не предупредив. Да я чуть с ума не сошел, когда понял, что тебя нет в квартире.

– А ты как здесь оказался посреди ночи? – Похоже, Софья придерживалась правила «лучший способ защиты – это нападение».

– Да кофемашину твою починенную привез. Мне ее сегодня вернули, я работу закончил и решил проскочить через тебя. Думал, что ты спишь, я ее тихонечко на кухне установлю, свою заберу. Еще гадал, заметишь ты утром, что я ее заменил, или, по привычной своей рассеянности, даже внимания не обратишь.

– Спасибо, Дениска. И, конечно, я бы заметила. Я к твоей машине так и не привыкла, она у тебя слишком навороченная.

– Спасибо-о-о, – передразнил он. – Я захожу, свет в коридоре горит. Я сразу понял, что что-то случилось. На кухне тебя нет, в спальне нет, в туалете и ванной нет, да я всю квартиру оббегал. Звоню на телефон, он на тумбочке у кровати заливается. Пальто на вешалке, куртка тоже, сапоги и ботинки в прихожей стоят. Вот скажи на милость, что я должен был подумать?

– И что же? – Соня улыбалась, очень ласково. Подошла, одной рукой взлохматила брату волосы.

Настя вдруг ощутила на своей ладони шелковистую мягкость Денисовой гривы, такую реальную, что она даже повернула ладошку к свету и уставилась на нее в удивлении.

– Я решил, что тебя похитили, – выпалил он. – Заметался по квартире, не зная, что делать. То ли в полицию звонить, то ли дожидаться, пока похитители себя обнаружат. Выскочил на лестницу, думал следы какие-нибудь найти, и тут вы обе. Как снег на голову. Сонь, ну, нельзя же так людей пугать.

– Да не собиралась я никого пугать, – извиняющимся тоном сказала Соня. – Сначала сама испугалась, потом увидела Настю и удивилась, потом любопытство верх взяло, ей-богу, Настя умеет быть крайне убедительной. Ну, прости, пожалуйста.

– Да ладно, простил уже, – буркнул брат, – хотя история, уж извините, совершенно идиотская. Что вы там хоть обнаружили-то интересного в этой квартире?

Именно в этот момент Настя вдруг поняла, что эти два человека – преподавательница и ее брат – совершенно «ее» люди. Только совершенно «своя» Софья, обнаружив Настю за взломом чужой квартиры, не начала вопить, звать на помощь и звонить в полицию, а увязалась вслед за ней, добровольно войдя в квартиру, в которой пережила не самые приятные минуты своей жизни. Только «свой» Денис мог после устроенной сестре выволочки совершенно искренне интересоваться, что именно они нашли.

«Мы с тобой одной крови. Ты и я», – говорилось в любимой с детства Настиной книжке про Маугли.

Брат и сестра Менделеевы были с Настей одной крови, и отчего-то понимать это ей было очень приятно. Они ей нравились. Оба.

– Ничего мы не нашли, – говорила тем временем Соня. – По крайней мере, сегодня. Настя осмотрела все комнаты, фотографий наделала зачем-то. А так квартира как квартира. Книг много, и все они зачем-то пронумерованы. Клетка пустая в комнате Санька. В ней когда-то морскую свинку держали, только я так и не поняла, куда она девалась.

Неясная тень мелькнула по лицу Дениса. Мелькнула и пропала.

– А не сегодня? – спросил он, видимо, привычно вычлняя из разговора важные детали. – Ты сказала, что вы сегодня ничего не нашли. А когда нашли?

Соня вдруг покраснела.

– В тот день, когда я была понятой, я нечаянно прихватила из квартиры Галактионовых дневник Саши. Там много таких тетрадей, но тогда я об этом не знала. У меня голова закружилась, и я случайно ухватила и вытащила последнюю.

– Так вот почему тебя сегодня туда понесло. – В голосе Дениса звучало удовлетворение, как будто он ответил на важный для себя

вопрос. – Ты вычитала в этих дневниках что-то важное и решила раздобыть еще информации.

– Наверное, но бессознательно. – Соня пожала плечами. – Просто в этом дневнике кроется какая-то загадка, и она никак не дает мне покоя. Я даже сегодня с Феодосием это обсуждала, но у него не получилось приехать посмотреть и...

– С кем ты это обсуждала? – В голосе Дениса звучало неприкрытое изумление. – С Феодосием Лаврецким?

– А ты знаешь еще одного Феодосия? – огрызнулась явно застигнутая врасплох Соня. Настя за ними обоими следила с неослабевающим интересом. – Да, я ужинала с твоим шефом и рассказала ему про эту тетрадь. Ты имеешь что-нибудь против?

Денис неожиданно развеселился. Эмоции у него менялись так быстро, что Настя с трудом успевала за ними. То он иронизировал, то сердился, то волновался, то снова веселился. Непостижимый какой-то человек.

– Я совершенно не против, – сказал он. – Я, скорее, только за. Если ты будешь ужинать с Феодосием Лаврецким, то я за тебя спокоен. Да и за него, признаться, тоже. Ей-богу, он тебя заслужил.

– Что ты хочешь сказать? – теперь начинала сердиться Соня.

– Я хочу сказать, тащи свою тетрадь. Будем разбираться, какие такие загадки она прячет.

Настя понимала, что все было не зря. Даже в самых смелых своих мечтах она не могла рассчитывать на такую удачу. Разумеется, в тетради кроется ключ к разгадке преступления, просто Софья сама не смогла его отыскать.

– Налить вам еще чаю? – спросил Денис, пока его сестра бегала в свою комнату за дневником.

Чаю хотелось и варенья тоже.

– Да, – сказала Настя и улыбнулась Денису.

Ей почему-то хотелось ему улыбаться, потому что у него было открытое доброе лицо, выражение которого не портила даже прячущаяся в уголках глаз насмешка. Впрочем, сейчас он был серьезен и над Настей не смеялся.

Он поставил перед ней чашку ароматного чая, сварил Соне и себе кофе, и, голова к голове, тройца уселась вокруг стеклянного кухонного стола, раскрыв тетрадку с рисунками.

Мой ангел, наклонясь над колыбелью,

Сказал: «Живи на свете, существо,

Исполненное радости, веселья,

Но помощи не жди ни от кого».

– Что это? – с изумлением спросила Настя, прочитав эпиграф на первой странице. – Что это означает?

– Это стихотворение Уильяма Блейка. Был такой английский поэт, – объяснила ей Соня. – Я не понимаю, откуда он взялся в дневнике Санька. Сразу не поняла, а после нашей с тобой экскурсии по квартире Галактионовых не понимаю еще больше. Дело в том, что я нашла и посмотрела остальные тетради, предыдущие дневники, которые Санек вел с детства. Его отец все хранил, аккуратно нумеруя, как и книги на полках. В общем, во всех остальных тетрадях только рисунки, там нет никаких стихов. Ничьих. Получается, что интересоваться творчеством Блейка Санек неожиданно начал незадолго до своей гибели.

Они переворачивали страницу за страницей, разглядывая рисунки людей во дворе, птиц, многочисленные портреты Сони.

– А ведь парень был в вас влюблен, – заметила Настя.

– Я никогда про это не думала, – призналась ее преподавательница и незамедлительно покраснела.

– «Неужели к нам ангел спустился с небес?» – процитировал Денис. – Да уж, сестрица, не помню, чтобы кто-нибудь когда-нибудь называл тебя ангелом. Да еще в стихах. Но, ей-богу, я не вижу здесь никакого посылки к будущему убийству. Потому что версию, что какой-нибудь твой горячий поклонник приревновал тебя к Саньку, я отметаю.

– Дурак, – рассердилась Соня. – Твои портреты тут тоже есть. И многих соседей. Вон, к примеру, Арсений изображен. В весьма неприглядном виде, кстати. Даже с тетрадной страницы видно, что твой дружок детства – премерзкий тип. Кстати, я тут с ним на днях пересеклась и еще больше убедилась в этом мнении.

– Да ладно, я же шучу. Не обижайся, – примирительно сказал Денис. – А что касается Арсюхи, то нормальный он парень, неудачливый просто. О, а это же твой профессор!

– Точно, Ровенский, – подтвердила Настя. – Это что же получается, они были знакомы?

– Я спросила у Николая Модестовича о его знакомстве с Галактионовым, – призналась Софья. – И его реакция мне не понравилась. Он сначала побледнел, потом покраснел, потом начал говорить что-то о том, что Галактионов тоже работал в университете, а потом сказался больным и сбежал с работы. И сегодня, – она посмотрела на часы, – точнее, уже вчера на работу не пришел. Так что их точно что-то связывало.

– Ну, конечно, он работал в университете, – подтвердила Настя. – Это есть в его личных данных. Он приехал на кафедру английской литературы по распределению, здесь защитил диссертацию, работал на кафедре до 1987 года, а потом уволился. Я еще удивилась, почему вы скрываете, что знали его не только как соседа, но и как коллегу.

– Потому что он не был моим коллегой, – преподавательница улыбнулась Насте, – ты совершаешь ошибку, присущую всем молодым людям. Сводишь воедино разные временные пласты. Ты только что сказала, что Борис Авенирович уволился в 1987 году, а я только родилась в 1985-м, а в университет поступила в 2002-м. Именно поэтому я никак не могла его знать как коллегу и даже как преподавателя.

Да, это обстоятельство Настя не учла и даже рассердилась на себя за подобную невнимательность. Тоже мне, сыщица хренова. Чтобы скрыть легкое замешательство, она прочитала вслух строки из тетради:

В ярость друг меня привел – гнев излил я, гнев прошел. Враг обиду мне нанес – я молчал, но гнев мой рос.

– Это что же получается, что ваш сосед и профессор были врагами?

– Получается, что так. Но уверена, что Николай Модестович нам этого ни за что не подтвердит.

– Хотелось бы узнать, какая кошка между ними пробежала, – заметила Настя. – Жаль. Если мы этого не узнаем.

– Почему же, узнаем. – Глаза Сони светились. – Есть человек, который в те годы работал в университете, и он нам обязательно все расскажет.

– Да? И кто он?

– Профессор Федор Иванович Золотарев. Он дед одной моей приятельницы и будет не прочь поболтать о делах давно минувших дней, если я приду к нему в гости. Ему 89 лет, но голова у него светлая, так что я обязательно завтра же ему позвоню. Точнее, уже сегодня, – снова поправилась она.

Денис тем временем рассматривал картину, изображавшую мужчин и женщин, спускающихся в глубокое ущелье.

– Блейк? – спросил он у Сони.

– Ага. Все-таки, Дениска, ты удивительный человек. Даже мне понадобилось гуглить, чтобы убедиться, что это знаменитая гравюра Блейка. А ты на глаз определил.

– Ну, не знаю, откуда я это помню, – отмахнулся Денис.

И, раскрыв свою тетрадь,

Сел писать я для того,

Чтобы детям передать

Радость сердца моего! –

прочитала между тем Настя. – Вот из этих строк точно вытекает, что Галактионов-младший пытался нам что-то сказать. Ну, то есть не нам, конечно, а тому, кому попадет в руки эта тетрадь. Вот только как понять, что именно он имел в виду?

– Будем надеяться, что после разговора с Золотаревым хоть что-то станет понятно, – вздохнула Соня, – а пока давайте пойдем спать. Уже три часа ночи. Вставать скоро. Не знаю, как вы, а я не могу не явиться на занятия. Насть, домой поедешь или у меня останешься? Я могу постелить тебе на диване. Денис, твоя комната, разумеется, в твоём распоряжении.

– Никто никуда не едет, – решительно сказал Денис. – Не можем же мы отправить Настю одну посредине ночи. Так что оставайтесь, Настя.

Ей и самой хотелось остаться, тем более что Глашка, заранее успокоенная, что Настя в гостях у их преподавательницы, наверняка уже видела пятые сны. Конечно, ее можно было разбудить, но зачем?

– Останусь, если можно, – сказала она, радуясь, что в ее рюкзаке лежат косметичка, зубная щетка и чистые трусики. Она же собиралась ночевать не дома. – И да, спасибо вам, Софья Михайловна, за приглашение.

* * *

Соня сидела в залитой светом комнате, вдоль стен в которой от пола до потолка высились книжные шкафы. Она выросла в очень читающей семье, она только сегодняшней ночью с любопытством рассматривала книжные полки Галактионовых, которые вселяли уважение, но такого количества книг в одном месте она не видела нигде, кроме разве что в публичных библиотеках.

Кабинет профессора Золотарева всегда вызывал у нее чувство почтения к чужой мудрости и еще, пожалуй, собственной ничтожности. В этом кабинете проходило любое головокружение от собственных успехов, хотя Соня и так была девушка скромная и не склонная к звездной болезни.

Впрочем, она любила приходить к Золотаревым вовсе не поэтому. Ей нравилась царящая здесь теплая атмосфера. Дед и его внучка очень любили друг друга, да и людей в целом они любили, заранее прощая всем своим гостям маленькие слабости и несовершенства. Здесь умели слушать с искренним интересом, радоваться чужим достижениям, печалиться из-за чужих горестей, пытаясь облегчить их хотя бы на капельку: добрым словом, ароматным чаем, ватрушкой с творогом, хорошей книгой.

Лена Золотарева была старше Сони лет на пять. Когда-то давно, в молодости, их мамы были подругами. Вот только родители Лены погибли, когда она была совсем маленькой, и растил ее дед. Сонины родители старались не бросать в одночасье осиротевших старика и маленькую девочку, и пусть и не часто, но Менделеевы ходили к Золотаревым в гости и детей с собой брали – Соню и Дениса.

Когда Соня поступала в институт, Федор Иванович еще работал. Он тогда Соне очень помог, потому что она всего боялась и еще больше стеснялась, и, пожалуй, экзамены вступительные могла завалить не оттого, что чего-то не знала, а от излишней робости. Взвзвывая над ней шефство Федор Иванович за руку водил ее между приемной комиссией и нужными аудиториями, подкармливал шоколадом, поил чаем на кафедре.

Был он профессором истории, и Лена, его внучка, тоже закончила исторический факультет и теперь работала в областной картинной галерее искусствоведом. Если быть совсем точной, то сейчас она нигде не работала, а сидела дома, в отпуске по уходу за ребенком, и ее пример был для Сони спасительным лекарством, когда на нее наваливалось уныние по поводу своей неприкаянности и отсутствия детей. Лена вышла замуж в тридцать шесть лет, а родила в тридцать семь, так что Соня говорила себе, что у нее самой еще есть в запасе время.

Лениного мужа она видела только один раз, когда поздравляла молодоженов со свадьбой, и он ей понравился – солидный взрослый мужик, полковник полиции, занимающийся расследованием преступлений, связанных с кражами произведений искусства. Они с Леной и познакомились, когда расследовалось одно такое дело, и мечтательной Соне это казалось ужасно романтичным, и она иногда мечтала, чтобы в ее жизни тоже было подобное приключение^[2].

У Лениного супруга имелся собственный деревянный дом на берегу Волги, но там шел перманентный ремонт, а жили они все-таки в квартире Федора Ивановича, потому что оставлять свой кабинет и свои книги старик отказывался наотрез, а бросать его в одиночестве в восемьдесят девять лет было бесчеловечно, и Лена никогда бы так не поступила.

В общем, сейчас Соня находилась в кабинете Федора Ивановича. Он сидел за письменным столом, в своем кресле, потому что до сих пор работал, писал научные статьи, которые с удовольствием принимали толстые журналы, в том числе и за границей, а она примостилась на гостевом стуле напротив, улыбаясь сидящей на диване Лене, которая уложила сына на дневной сон и примкнула к их разговору. Ей, как всегда, было интересно.

Невооруженным глазом было видно, что Лена ждет второго ребенка. Для Сони это было новостью, и за приятельницу она обрадовалась. Лена выглядела уставшей, но довольной.

– Все-таки почти в сорок лет носить ребенка тяжело ужасно, – пожаловалась она, но глаза ее счастливо сияли, не скрывая истинных чувств по поводу второй беременности. – Но папе дочку подавай. Вот и пошли мы за дочкой.

– А вы уже знаете, что девочка будет?

– Знаем, да. – Лена погладила свой округлившийся живот. – А ты как живешь? Совсем к нам дорогу забыла. Ты по телефону сказала, у тебя к деду дело. Случилось что-то?

Лена умела видеть суть вещей, и Соне вдруг стало стыдно, что она действительно не ходит к Золотаревым «просто так», только по делу. Впрочем, стыдиться сейчас было некогда.

– Федор Иванович, – сказала она решительно, – мне нужна ваша помощь. Дело в том, что я невольно оказалась втянута в нехорошую историю, и мне просто жизненно необходимо в ней разобраться.

– О, и у тебя детектив? – Старик сверкнул глазами, очень темными под густыми, совершенно белыми бровями. – Любите вы, девочки, страшные истории. Ну, да это не беда, главное, чтобы они были с хорошим концом. Вон как у Леночки.

– Может, тебе Витю дождаться? – озабоченно спросила Лена. – Он бы тебе лучше помог, чем мы с дедом.

Витя был тот самый полковник Дорошин, муж Лены.

– Нет, мне ведь только информация нужна, причем о делах давно минувших дней. Ничего больше. И да, мне лично ничего не угрожает. Просто в соседней квартире произошло преступление, и мне очень важно понять, может ли к нему иметь отношение мой научный руководитель. Извините, я путано объясняю.

– Колька, что ли? К преступлению? – Федор Иванович раскатисто рассмеялся. – Да ты что, Сонечка. Кишка у него тонка, преступления совершать. Колька кто? Хлыщ обыкновенный. Но ты уж расскажи мне все, как есть, потешь старика. Глядишь, и впрямь я тебе что-нибудь интересное расскажу.

Соня вдруг запоздало испугалась, можно ли рассказывать Золотареву про убийства, не разволнуется ли он сверх меры, не опасно

ли для него в столь почтенном возрасте. Словно прочитав ее мысли, с дивана весело засмеялась Лена:

– Ты не бойся, что дед разнервничается. Он же ужас какой любопытный, да и нервная система у него покрепче нашей будет.

Старик озорно подмигнул Соне, и она тоже рассмеялась, испытав острое чувство облегчения. Чудо, как ей было хорошо с этими людьми.

– В общем, со мной на одной лестничной площадке много лет жила семья, – начала она свой рассказ. – Мать несколько лет назад умерла, и отец остался вдвоем с сыном. Он у них с детства был на инвалидности, ментальное расстройство. Я много лет их знала, но особо не общалась, тем более что людьми Галактионовы были замкнутыми и закрытыми. То ли из-за болезни сына стеснялись, не знаю.

– Погоди, тараторка. – Федор Иванович остановил ее движением руки. – Ты мне вот что скажи, правильно ли я понял, что твоим соседом был Борька Галактионов?

– Ну да. – Соня чувствовала себя немного сбитой с толку. – А вы что, его знали?

– Знал, и очень хорошо, правда, давно то было. И что же, Борька умер, и ты имеешь основания полагать, что к его смерти причастен Николай Ровенский?

– Ну да. Понимаете, я нашла дневник. – Соня взяла себя в руки и дальше рассказывала четко, не отвлекаясь на второстепенные мелочи.

О запахе, который тревожил ее долгие месяцы. О том, как была понятой. О том, как нечаянно захватила тетрадку, в которой нашла стихи Блейка и рисунки, в том числе портрет Николая Модестовича. О странной реакции своего научного руководителя и о том, что вот уже третий день он не ходил на работу.

Золотарев слушал внимательно, сдвинув брови, из-под которых по-прежнему ярко-ярко светили его глаза. Иногда задавал уточняющие вопросы, иногда жевал губами. Лицо его выражало все большую задумчивость.

– В общем, их что-то связывает, – убежденно закончила свой рассказ Соня. – И я понимаю, что эта связь тянется из давних лет, потому что за последние годы я никогда Ровенского в своем подъезде не видела. И да, я знаю, что до конца восьмидесятых годов прошлого века Борис Авенирович работал в университете, причем на кафедре

английского языка. Может быть, тогда произошло что-то такое, из-за чего они стали врагами. А в том, что они враги, я даже не сомневаюсь. Это в дневнике Саши Галактионова написано. Правда, стихами Блейка, но все же.

– Да, Блейка, – пробормотал Золотарев. – Что ж, ты все правильно вычислила, девочка моя. И Блейк в этой тетради выглядит очень символично, потому что именно из-за Блейка они и поссорились.

– Галактионов и Ровенский?

– Да. А виноват в их ссоре был мой друг, великий профессор Свешников. Сам того не желая. – И Федор Иванович, откинувшись на спинку кресла, начал очень интересный рассказ.

В начале восьмидесятых годов двадцатого века, когда советская наука пребывала в зените своей славы, работали в университете три друга, обласканные властью, внесшие неоспоримый вклад в мировое научное наследие, уважающие друг друга и любившие проводить вместе свободное время.

Самым младшим из них был профессор Федор Золотарев, историк по образованию. Его близким другом и наперсником считался профессор кафедры русской литературы Иван Александрович Склонский. Был он старше Федора Ивановича, имел красавицу-жену, младше мужа на двадцать лет, искусствоведа, специализирующуюся на русской иконописи. Третьим был профессор английской литературы Леонид Федорович Свешников, пожалуй, самое яркое светило науки, имеющий вес на Западе как непревзойденный специалист по творчеству английского поэта Уильяма Блейка.

В конце семидесятых Леониду Федоровичу довелось почти восемь лет прожить в Англии и работать в одном из тамошних университетов, что само по себе было делом в Советском Союзе практически немыслимым. Но к тому времени, о котором рассказывал сейчас Золотарев, профессор Свешников уже вернулся домой, читал лекции в университете и практически не вспоминал свою заграничную жизнь. А друзья особо и не спрашивали. В те времена так было надежнее, да и спокойнее тоже.

Золотарев и Склонский знали только одно – из Англии профессор Свешников привез редкий раритет, подаренный ему британскими коллегами в благодарность за годы совместной работы. Это было старинное издание Уильяма Блейка. Даже ближайшим друзьям Леонид

Федорович показывал его всего один раз, и то – из своих рук. Он говорил, что это прижизненное издание, вышедшее в свет в 1794 году. Правда, в последнее Федор Золотарев верил не очень. Как историк, он осознавал, каких баснословных денег должна была стоить такая книга. Не тянула она на подарок даже от очень благодарных ученых.

Впрочем, будучи человеком мудрым, своего старшего товарища он разочаровывать не спешил.

У профессора Свешникова было два любимых ученика, бывших аспиранта, ныне доцента кафедры английской литературы. Один из них, Николай Ровенский, специализировался на творчестве Шекспира, другой, Борис Галактионов, выбрал темой своих научных изысканий Оскара Уайльда. Были они почти сверстниками, Ровенский на два года старше Галактионова, но грызли гранит науки с одинаковой горячностью и негласно боролись между собой за право считаться любимчиком великого Свешникова.

Вернее, бился, пожалуй, один Ровенский. Галактионов тайных интриг был чужд. Свешникова он ценил и уважал, но соблюдал дистанцию, поскольку человеком был достаточно замкнутым. Николай Модестович же, наоборот, всячески подчеркивал свою близость к Леониду Федоровичу, проводя у одинокого Свешникова все вечера, чтобы в соавторстве написать очередную статью.

Борис Авенирович лишь пожимал плечами, предпочитая проводить свободное время со своей семьей – женой и новорожденным сыном, а по ночам писал блестящие статьи, которые с руками «отрывали» ведущие научные журналы. С точки зрения Свешникова, Ровенский был работоспособным и усидчивым поденщиком, а Галактионов – восходящей звездой. Борисом он по-настоящему гордился.

Именно поэтому уход Галактионова из университета и из науки вообще стал для старого профессора настоящим ударом. Причина такого решения была проста – сын Галактионова родился больным. Умственно отсталому мальчику требовался постоянный уход. О том, чтобы отдать его в детский сад, не могло быть и речи, а одной преподавательской зарплаты катастрофически не хватало, чтобы содержать семью. По стране гремела перестройка, наука скукоживалась и сворачивалась, и нужно было что-то делать, чтобы обеспечить своей семье надежный тыл.

Решение Галактионов принял простое и для него очевидное, хотя и требовавшее определенного мужества, – ушел из университета, вспомнив специальность, по которой работал в юности, – сварщик. Он работал везде, где платили, не чурался «левых заказов», а сокрушавшемуся по поводу его загубленной карьеры Свешникову объяснял, что лишен снобизма и «интеллигентских заморочек» и хлеб насущный для него важнее любых эмпирей. За сварку платили, а за знание творчества Оскара Уайльда – нет, и вопрос выбора перед Галактионовым не стоял.

Поступок любимого ученика профессор Свешников воспринял как предательство и на многие годы разорвал с бывшим учеником всяческие отношения. Трудно описать, как радовался этому обстоятельству Ровенский. Именно он был верным и преданным последователем старого профессора, незаслуженно низко оцененный тем. И теперь он упивался страданиями Свешникова, то и дело напоминая тому о сделанной им ошибке.

Шло время. Леонид Федорович скучал по своему талантливому ученику, тем более что он был умным человеком и все недостатки Ровенского – карьеризм, эгоизм и тщеславие – видел как на ладони. Видел и прощал, оправдывая их лидерскими амбициями и желанием оставить свой след в науке.

– У Кольки железная задница, – с горечью говорил он друзьям. – Точнее, даже чугунная. Таланта бог не дал, но он усидчивостью берет. То, что другие пьют как нектар, Колька зубами выгрызает. Но старается, надо отдать ему должное. Такая целеустремленность дорогого стоит. За нее я его уважаю. Больше все равно не за что.

Зная о трагедии Галактионовых, сыну которых не становилось лучше, он несколько раз порывался было восстановить разрушенные отношения. Собирался сходить в гости, проведать ученика и его семью, позвонить, чтобы поздравить с праздником, просто рассказать, как ему не хватает разговоров с Галактионовым, чей ум он считал острым, а суждения точными. Однако каждый раз Ровенский делал все, чтобы ни встреча, ни разговор не состоялись.

– Нельзя прощать предательство, – говорил он. – Борис вполне успешно живет без вас. Даже не вспомнил ни разу, сколько хорошего вы для него сделали. Перешагнул и пошел дальше. Не унижайтесь,

Леонид Федорович. Вы ему позвоните, а он и разговаривать с вами не станет.

В начале двухтысячных годов у старого профессора начались проблемы со здоровьем. Один за другим он перенес два инфаркта, после чего был вынужден оставить преподавание на кафедре. Его место занял Ровенский, который к тому моменту защитил докторскую диссертацию и стал профессором. Особых денег это не приносило, конечно. Не была в те годы наука хлебным местом, но семья Ровенских умудрялась жить на довольно широкую ногу. То ли репетиторством Николай Модестович подрабатывал, то ли взятками не брезговал, этого никто не знал, но факт оставался фактом.

У Ровенских была хорошая, прекрасно обставленная квартира, дорогая машина и другие атрибуты безбедной жизни. Злые языки поговаривали, что Николай Модестович распродает антикварную коллекцию профессора Свешникова, которую тот собирал долгие годы.

Профессор Склонский к тому времени уже тоже сильно болел, а вот Федор Иванович Золотарев по-прежнему навещал иногда старого друга, а потому однажды в лоб спросил, верны эти слухи или нет. Свешников только рукой махнул.

– Федя, ты же понимаешь, что мне, старому пню, перед лицом вечности уже мало что нужно. Я всю жизнь бобылем жил, теперь расплачиваюсь. Колька мне быт обустроил. Домработница ко мне ходит, прибирает, еду готовит. Уколы, опять же. На пенсию мою, несмотря на все былые заслуги, особо не разбежишься. Сам знаешь, какие у нас пенсии. Авторские гонорары мои в пыль превратились, хорошо еще из-за границы кое-какая денежка капает, да и то слезы. Колька мои запасы с моего ведома распродает, потому что иначе я бы ни жить, ни лечиться не смог. Так что все нормально, не переживай.

Для Золотарева было совершенно ясно, что, распродавая коллекцию Свешникова, Ровенский устраивает еще и свою жизнь. Он попробовал было сказать об этом старому другу, но тот только руками замахал.

– Я с собой на тот свет все равно ничего не заберу, так что пусть пользуется. Любой труд должен быть оплачен. А порядочность и верность давно уже на свете перевелись. Я иллюзий по этому поводу не питаю.

Однажды, зайдя к другу, профессор Золотарев столкнулся в подъезде с мужчиной средних лет, в котором, хоть и не без труда, узнал Бориса Галактионова. К груди тот прижимал небольшой пакет, завернутый в плотную бумагу и перевязанный бечевкой.

– Ты что, с Борисом общаешься? – с любопытством спросил он у друга.

Тот внезапно смутился.

– Мне на тот свет скоро. Нельзя за спиной нерешенные конфликты оставлять и не вытасенные занозы тоже. Борька давно ко мне ходит. Еще когда я в первый раз в больницу попал, он пришел меня проведать. Так и навещает с тех пор. Мы это особо не афишируем, чтобы Кольку не расстраивать. Борьке все равно, а тот расстроится. Зачем? Немало у нас хлеба вместе съедено, так что надо уважать чужих тараканов.

– А ты не боишься, что рано или поздно они столкнутся, вот как со мной сейчас?

– Нет, не боюсь. Колька ко мне сейчас редко захаживает. Не чаще раза в месяц. А Клавдию Васильевну, домработницу мою, я попросил ему не рассказывать. Она женщина хорошая, на нее положиться можно. Так что все вернулось на круги своя. Колька и Борька занимают в моей жизни каждый свое место. Не пересекаясь. Хорошо это, правильно.

– То есть ты наконец-то доволен? Помню, как тебя этот разлад с Галактионовым расстраивал.

Свешников ненадолго задумался.

– Доволен? Ну да, пожалуй, можно и так сказать. Главное, что я решил проблему, которая мучила меня много лет. Все покоя она мне не давала. А теперь, когда я нашел решение, все стало намного проще.

Что именно имел в виду Леонид Федорович, он не пояснил, а через несколько дней у него случился третий инфаркт, и старый профессор умер. На похороны и поминки, организованные университетом, пришло довольно много народу. Однако, когда все разошлись, в квартире Свешникова остались только самые близкие друзья – Золотарев, Склонский, его жена Мария, Ровенский и Галактионов.

– А ты что здесь делаешь? – Николай Модестович не скрывал своего недовольства от того, что давний соперник остался за столом. –

Тебя уже много лет не было в жизни учителя. Вот и сейчас уйди, оставь в покое его память.

– Ты особо-то не напрягайся, Колька. – В голосе Бориса звучала насмешка. – Я имею точно такое же право здесь быть, как и ты. И да, кстати, именно меня Леонид Федорович просил озвучить его завещание, если с ним что-то случится.

– Завещание? – встрепенулся Ровенский. – Ты хочешь сказать, что Свешников оставил завещание?

– Конечно. – Галактионов пожал плечами. – У него не было прямых наследников, и, конечно, его волновало, куда после его смерти попадут его рукописи, книги и те остатки антиквариата, которые ты не успел прибрать к рукам.

– Прекрати свои инсинуации.

– Да ладно, Коль. Мы все тут знаем, что я прав. И Свешников про это знал, только жалел тебя. В общем, его настоящее завещание, составленное по всем правилам около месяца назад, лежит у нотариуса. А у меня есть его копия, потому что Леонид Федорович хотел, чтобы я сразу после его смерти вас всех с ним ознакомил.

Завещание старого профессора было очень простым. Свои рукописи и библиотеку Свешников завещал университету. Квартиру – домработнице и сиделке Клавдии Васильевне, ютившейся вместе с семьями своих взрослых детей в двухкомнатной хрущевке. Письменный стол, старинный, из резного дуба – другу Федору Золотареву (в этом месте своего рассказа Федор Иванович выразительно постучал пальцами по столешнице, за которой сидел, и Соня поняла, что это и есть тот самый свешниковский стол), часть картин – областной картинной галерее, где работала Мария Склонская, антикварную коллекцию – Николаю Ровенскому.

В этом месте Николай Модестович довольно улыбнулся, но тут же снова нахмурился.

– А что он завещал тебе?

– Мне? – Галактионов, казалось, удивился. – Ничего.

– Как? Совсем ничего?

– Совсем, – пожал плечами Борис.

Глаза Ровенского светились таким торжеством, что всем присутствующим стало неловко.

– Вот, – он поднял вверх указательный палец, – даже после своей смерти Леонид Федорович ясно дал понять, как именно он к тебе относился. И это высшая справедливость, я считаю. Ты его много лет назад предал, погнавшись за длинным рублем. И теперь не можешь рассчитывать ни на что из его наследия.

– Да я и не рассчитываю. – Галактионов снова усмехнулся. – В течение полугода завещание вступит в силу, и все наследники смогут получить то, что им причитается.

В глазах Ровенского пылал непонятный Золотареву огонь. Выглядел он так дьявольски, что Федору Ивановичу, хоть и был он человеком неверующим, захотелось вдруг перекреститься.

– Скажи мне только, библиотека уходит в университет вся? Или есть какие-то исключения? – Голос Николая Модестовича отчего-то звучал хрипло. – Я бы хотел взять на память несколько книг, думаю, что я это заслужил. Или есть опись, которая не позволит мне выбрать то, что я захочу?

В глазах Галактионова, наоборот, прыгали веселые чертенята.

– Нет никакой описи, насколько я знаю, – сказал он. – И да, конечно, все, кто хочет, могут выбрать себе пару книг на память о Леониде Федоровиче. Только ты зря губу раскатал, Коль. Того, чем ты хочешь поживиться, тут нет.

– Ты про Блейка? – Ровенский внезапно совсем осип. – Где книга? Говори, мерзавец.

– Я про Блейка. Все остальные книги в коллекции профессора ничего ценного не представляют. В материальном плане, разумеется. Но Блейк не входит в ту библиотеку, которую Леонид Федорович завещал университету.

– А кому он завещал Блейка?

– Никому, – Галактионов снова пожал плечами. – Я же прочитал завещание от начала и до конца. Там ничего не говорится о Блейке.

– Так где же он? – В голосе Ровенского слышалось отчаяние.

– Коль, Леонид Федорович знал, что ты спал и видел, как наложить на Блейка лапу. Он многое тебе прощал. Много дал. Но отдать тебе бесценную реликвию, которую он тридцать лет хранил как зеницу ока, он тебе не мог. Он знал, что с тебя станется оспорить завещание или даже украсть книгу. Признайся, ты ведь именно это

собирался сделать? Под видом памяти об учителе выбрать из всех книг именно Блейка, да?

– А если и так. Я имею на это право. Я – его любимый ученик. Я все эти годы был рядом с ним. Я обеспечивал его последние годы, создавал ему уют и заботу. Мы с ним много раз говорили об этом, и я просил, я умолял оставить Блейка именно мне.

– Именно поэтому он этого и не сделал.

– Ты знаешь, где книга. Говори. Мерзавец, скотина, урод.

Старому Ивану Склонскому стало плохо от всего этого скандала, и Мария Викентьевна увела его домой. Заперев за ними дверь, Борис Галактионов тоже принялся обуваться.

– Блейк у меня, – спокойно сказал он. – Леонид Федорович отдал мне его три недели назад, оформив дарственную вместе с завещанием. Поверь мне, Коля, она составлена по всем правилам, и у тебя не получится ничего с этим сделать. Только смириться.

– Ты мошенник, – свистящим шепотом сказал Ровенский. Лицо его было страшно. – Ты обокрал Леонида Федоровича. Обманул и обокрал. И меня ты обокрал тоже. Ты за это заплатишься.

В который уже раз Борис Галактионов пожал плечами и ушел, хлопнув дверью.

На этих словах Золотарев закончил свой рассказ, так заморозивший Соню, что она какое-то время не могла вымолвить ни слова.

Золотарев с доброй улыбкой смотрел на нее.

– Погодите, Федор Иванович, – жалобно попросила она. – Я, по моему, запуталась. Получается, что у профессора Свешникова была книга Уильяма Блейка, которую он считал прижизненным изданием. Незадолго до своей смерти он передал эту книгу своему ученику Борису Галактионову, и это очень расстроило Николая Модестовича, который был вторым его учеником. Так сильно расстроило, что тот пообещал отомстить Галактионову. Правильно?

– Да. Ты умеешь вычленять суть из сказанного, девочка. И это очень хорошо.

Соня не обратила ни малейшего внимания на комплимент, который в любой ситуации заставил бы ее покраснеть от гордости.

– Если это действительно было прижизненное издание Блейка, то сколько оно могло бы стоить?

– Не знаю, – старый профессор покачал головой, – я никогда не был силен в антиквариате. Мы с Леночкой никогда не страдали накопительством, а деньги тратили в основном на путешествия, то есть на впечатления.

– Это мы легко узнаем, – подала с дивана голос Лена. – Я спрошу у Вити, и он выяснит по своим каналам. Думаю, что уже завтра я смогу сказать тебе что-то конкретное. Дед, какой же ты прекрасный рассказчик! Я все время про это забываю.

– Да будет тебе.

– Похоже, книга действительно ценная, – задумчиво сказала Соня, – потому что в квартире Галактионовых, очень просто, я бы даже сказала, бедно обставленной, установлены двойные сейфовые двери. Галактионов знал, что его Блейк может вызвать нездоровое внимание. Получается, что Бориса Авенировича и Санька убили именно из-за этой книги. А еще получается, что он знал о грозящей ему опасности, потому что стихи в дневнике Санька прямо на это указывают. И то, что это именно Блейк, – вовсе не совпадение.

– Похоже на то, – согласилась Лена. – Интересно, удалось преступнику завладеть книгой или нет?

– Я была в квартире, – призналась Соня. – Я не видела никаких книг, кроме тех, что стоят на стеллажах в коридоре. Конечно, я их не внимательно разглядывала, но есть фотографии этих стеллажей. Поэтому я смогу посмотреть. Знать бы еще, что именно мы ищем. Но меня, если честно, волнует другой вопрос. Если Николай Модестович действительно убил своего давнего соперника, ставшего врагом (а об этом тоже написано в дневнике), чтобы завладеть книгой, то почему он ждал так долго? Со смерти профессора Свешникова прошло пятнадцать лет.

– Думаю, что ответ на этот вопрос знает только сам Николай. – Золотарев пожевал тонкие стариковские губы. – Вот только, если ты хочешь знать мое мнение, не способен Колька на убийство. Кишка у него тонка. Сподличать, украсть, обмануть, это да. А убить... Нет, не смог бы.

– И тем не менее Галактионовы мертвы уже год, – задумчиво сказала Соня. – С огромной долей вероятности это означает, что Блейка в их квартире нет. Кстати, Галактионовы жили очень трудно и бедно в последние годы. А как еще можно жить на две пенсии. Они

позволяли себе совсем простые, дешевые продукты, а это означало, что ценную реликвию, доставшуюся ему от его учителя, Борис Авенирович так и не продал. Хотя мог бы. Вот только тот, кто пошел на убийство ради выгоды, точно не обладал подобной щепетильностью.

– Я с Борисом был знаком очень поверхностно. – Федор Иванович тяжело вздохнул. – Но как я помню из Лёниных рассказов, мужиком он был хорошим. С трудным характером, мрачным, неуживчивым, но порядочным и добрым. Так что если его кто-то убил, то этого человека обязательно нужно найти и наказать.

* * *

За окном сияло солнце, непривычно яркое после приевшейся зимней хмари.

Феодосий просто сидел и совершенно бездумно смотрел в окно. Такое, на его памяти, приключилось с ним впервые лет за пятнадцать, если не двадцать. Нахальное солнце щекотало нос и глаза, назойливо мешая думать.

Это было некстати, потому что важных тем для размышления, собственно говоря, на повестке дня было две. Во-первых, вчера Феодосия пытались убить, и чувство человека, чудом избежавшего гибели, было для него внове.

Точнее, не так. Во время своей юности он не раз и не два оказывался на волоске от смерти. Спецназ ВДВ мало напоминал пионерский лагерь, и школа выживания, имевшаяся за плечами Феодосия, была такой, что и многие кадровые военные бы позавидовали. Что-что, а выживать он умел, и это качество, ввевшееся в кровь, что и не вытравишь, впоследствии много раз выручало его в бизнесе. Но сейчас ситуация была иной. Покушавшийся на него враг был невидимым, не идентифицированным, непонятым. Как и преследуемые им цели.

Накануне ночью Лаврецкий так и не смог заснуть, а потому перебрал в голове все варианты, кому и где он мог перейти дорогу. Пасьянс не сходился. У него не было серьезных врагов, точнее, не было никого, кто подходил бы под определение «враг». Только недоброжелатели и завистники. По большому счету, у него не было конкурентов, потому что в том бизнесе, который он придумал и развил,

Лаврецкий уже давно и прочно занимал ту нишу, в которую не было хода менее рискованым, менее талантливым, менее бесстрашным.

Большинство предпочитало ходить проторенными тропами, плавать помельче, летать пониже, откусывать скромнее. Феодосий Лаврецкий не стеснялся, а потому давно оставил это большинство за спиной. Конечно, в спину ему плевали, не без этого, но это лишь в очередной раз подчеркивало ту непреложную истину, что он впереди. Он шагал такими большими шагами, что попытки догнать его или хотя бы идти с ним в ногу давно были брошены. Поэтому никто из представителей ресторанного бизнеса не имел ни малейшего повода его убить.

В политику он не играл и никогда в нее не лез даже ненароком. Боялся испачкаться. Он знал, что его немного брезгливое выражение лица многих раздражает, и откупался деньгами, щедро выделяемыми на различные прожекты власти, гордо именуемые социальными проектами. На деле же, в лучшем случае, они были пиар-акциями для поддержки имиджа отцов города, а в худшем – прачечной по отмыву денег. Лаврецкому было неинтересно, но неписаные законы социума он знал и соблюдал, так что казнить его за непослушание тоже было некому.

Конфликты с поставщиками? Смешно. Рейдерский захват? Глупо.

За всю свою жизнь Феодосий знал всего одного человека, который искренне и истово хотел бы его убить, и этим человеком была его бывшая теща. Ну, не она же откусывала гайки на колесе его машины, право слово?

Представив себе лицо тещи с вечно поджатыми в недовольной ухмылке губами, тяжелым подбородком, перетекающим прямо в обширную грудь, без шеи, маленькими, немного сонными глазками и мясистым носом с расширенными черными порами, он передернулся от отвращения. И как это его угораздило в свое время так вляпаться?

Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается. Лаврецкий привык считать, что вылез из своего брака без особых потерь, потому что Наташка была с ним, а то, что в результате развода он стал значительно беднее, в расчет не принималось. Деньги, как известно, дело наживное.

И все-таки кто хотел его убить и что в связи с этим нужно делать? Машина с уже починенным колесом стояла не на офисной парковке,

где Лаврецкий привык ее оставлять, а во дворе, за забором и под наблюдением видеокамеры. К ней больше никто подобраться не мог. В течение дня ездить Феодосий пока намеревался с водителем, чтобы не оставлять машину без присмотра. Так, с этим понятно.

Участок перед его домом был тоже оснащен камерами, в «Сосновом бору» такими мерами безопасности не пренебрегал никто. Пока Наташка болеет, а мама за ней ухаживает, за дорогих ему людей тоже можно не переживать. Дома с ними ничего не случится. Значит, у него есть несколько дней, чтобы разобраться.

Вторую проблему, стоящую сейчас перед Феодосием Лаврецким, звали Софья Менделеева. Она нравилась ему так сильно, что немели кончики пальцев. Она была остроумна, изящна, начитанна и очень его волновала. Ему было жаль не случившегося вчера, и Феодосий все обдумывал, как нагнать упущенную возможность.

Глядя в окно, он уже трижды набирал номер Сониного телефона, но, не нажав на вызов, сбрасывал. Вчера его хотели убить, и он не имел права втягивать Соню в возможные разборки. Обеспечить ей безопасность он не мог, потому что она вряд ли согласится быть запертой в его доме, рядом с мамой и Наташкой, а сходить с ума от волнения было сейчас непозволительной роскошью.

Чтобы решить задачу и вычислить негодяя, нужно было иметь холодную голову.

Соня Менделеева здорово сбивала его внутренний прицел, потому что ее прекрасное лицо, словно выписанное пастелью, то и дело вставало у Феодосия перед глазами. И с этим нужно было срочно что-то делать.

Открылась дверь, и в кабинет вошла секретарша – пышная, плотно обтянутая шелком блузкой грудь, бесконечные ноги, теряющиеся в намеке на юбку, призывно приоткрытый рот.

– Вам ничего не нужно? – спросила она низким голосом, и он вдруг вспомнил, что вчера вечером собирался ее уволить, пока секретарша окончательно не перешла из разряда маленьких удовольствий в разряд больших проблем.

– Нет, – вздохнув, ответил он, потому что то, что сейчас стояло перед ним, даже отдаленно не напоминало представление об идеале женщины, сложившемся у Лаврецкого не далее чем вчера вечером. – Свет, ты бы не входила без вызова, а. Вдруг я занят.

– Но вы же не заняты, – заметила она и присела на подлокотник его кресла.

Эту привычку Феодосий терпеть не мог. Красотка положила руку ему на грудь, чтобы он даже через рубашку почувствовал трепет и тепло ее пальцев с кроваво-красными ногтями. Обычно приветствующий яркий женский маникюр, Лаврецкий внезапно почувствовал тошноту.

– Феодосий Алексеевич, у вас что-то случилось?

От ее неожиданного вопроса Феодосий вздрогнул, как словно его нечаянно облили горячим кофе. Вот почему сейчас на ум пришло именно кофе, который он практически никогда не пил? Именно кофе, а не чай? Кажется, он знал ответ на этот вопрос, но не позволил мыслям снова съехать на Соню.

Почему Светка спросила об этом? Она что-то знает или действует по дурацкому наитию, которое так сильно развито у женщин. И еще у кошек.

– Случилось, – ответил он, вспомнив, что решил от нее отделаться. – Я влюбился.

Черт, она поняла это совсем не так, как он рассчитывал. Ее пальцы пробежались по рубашке, забрались под пуговицы, забарахтались там призывно.

– Так это же прекрасно, – сказала она низким контральто.

Он убрал ее руку и встал, отошел к окну.

– Я не в тебя влюбился, Свет. Поэтому насчет «прекрасно» не уверен. – Он знал, что поступает грубо, но решать проблему нужно было радикально, пока она, подобно опухоли, не разрослась до гигантских размеров.

Теперь она поняла, порывисто вскочила, губки дрожат, в глазах обида. Он равнодушно отвернулся к стеклу, в глубине души чувствуя себя скотиной.

Хлопнула дверь кабинета. Все. Теперь можно ждать заявления на увольнение.

Пальцы снова непроизвольно набрали номер Сони. Позвонить или нет?

Позвонить – значит, возможно, невольно подставить под удар. Не позвонить – значит, потом не оправдаться, куда и почему он пропал. Тем более она просила о помощи.

Лаврецкий решительно нажал на кнопку вызова. Что, если отпиленное колесо – это просто случайность, чья-то хулиганская выходка? А даже если и нет, то он сумеет позаботиться о Сониной безопасности. Уж в чем-чем, а в этом он уверен.

– Здравствуйте, Феодосий Алексеевич. То есть простите, просто Феодосий, – услышал он через мгновение и даже зажмурился от счастья, так приятно было слышать ему этот мелодичный голосок. – Как здоровье вашей дочки?

– Добрый вечер, Сонечка. Уже лучше. Температурит помаленьку, но ничего страшного. Спасибо, что вы спросили. А как ваши дела? Не поняли, что не так с тем дневником, о котором вы мне вчера рассказывали?

– Кажется, поняла, – ее голос зазвенел, видимо, от напора чувств. – Я как раз сейчас еду из гостей. У меня есть подруга, бабушка которой рассказал мне много интересного. По крайней мере, теперь я точно знаю, на что именно намекает Саша Галактионов своими записями. И знаю, что мог искать преступник. Если вам интересно, готова рассказать.

Преступник. Слово отозвалось мучительным пульсированием в затылке. А может ли быть наоборот, это за Соней охотится неведомый пока убийца, а Феодосий просто попал в поле его зрения из-за того, что сначала был у Сони в гостях, а потом они вместе ужинали? Может быть, это ей, а не ему изначально грозит опасность.

Боль в затылке усилилась, и он растер его свободной рукой, чтобы заставить ее уняться.

– Мне интересно, – решительно сказал Феодосий. – Вы где сейчас, Соня? Я приеду, и вы мне все расскажете.

– Я домой еду. Минут через десять буду на месте.

– Выезжаю. – Лаврецкий нажал на отбой, выхватил из шкафа куртку, рванул дверь в приемную, не обращая внимания на Светлану (кажется, та рыдала за своим столом), выскочил в коридор и скатился по лестнице.

До Сониного дома он доехал быстро, потому что в пятницу вечером пробки на улице давно уже рассосались.

Было еще светло, хотя и начинало смеркаться. Соня стояла перед входом в подъезд и разговаривала с каким-то высоким дрищем, молодым, но практически лысым. Судя по ее лицу, беседа была не из приятных, и Феодосий сразу напрягся.

Он рывком бросил машину в узкую щель на парковке, вылез наружу, немало не заботясь о чистоте своей куртки. На том боку, которым он невольно прижался к соседнему автомобилю, теперь чернела полоса, ну и наплевать. Подошел ближе, приняв независимый вид, но внутренне сгруппировавшись. Впрочем, опасным дрищ не выглядел.

– Привет, – сказал он и поцеловал Соню в висок, словно отпечатывая на ней свое право владения.

Она уставилась на него в крайнем изумлении, а на лице дрища тут же отразилась ненависть.

Феодосий хорошо знал жизнь, и людей он знал хорошо, поэтому голову мог дать на отсечение, что причина этой ненависти крылась в классовых различиях. Стоящий перед ним парень ненавидел не конкретно Феодосия Лаврецкого, а образ его жизни, выдаваемый дорогими ботинками ручной работы, тонкой лайкой куртки и часами, весьма недешевыми. Парень был одет затрапезно, да и вообще

выглядел как человек, тянувший ляжку от полочки до полочки, причем весьма скудной.

– Привет. – Соня, похоже, оправилась от изумления и немного отодвинулась, явно не понимая, как ей себя вести. Поцелуй в висок был воспринят ею как игра, правил которой она не знала.

– О чем разговариваете?

– Это Арсений, мой сосед и детский друг Дениса, – сказала Соня. – У нас весь дом гудит по поводу случившегося, а я же понятой была, вот Арс и интересуется, что я там видела.

– С какой именно целью интересуетесь? – Теперь Лаврецкий взял Соню под руку, недвусмысленно давая понять, что эта женщина находится под его, так сказать, юрисдикцией.

Парень коротко хохотнул.

– Да любопытно до жути. Кому эти два утырка могли понадобиться. Сашка-то с детства полный дурак был. А папаша его к старости крышей поехал, козел старый. Все меня пытался жизни учить. Доучился, видать. Я эту старую гвардию просто на дух не переношу. Все у них не по-людски, все с вывертами. Тут не садись, там ноги вытри, тут ботинки сними, чтобы на коврах не наследить. Те книги не трогай, пиво в доме не пей. Тьфу.

– А ты что, был у Галактионовых в гостях? – удивилась Соня.

– Я? Да что я там забыл?

– Но ты же сам сказал про то, что тебя заставляли ботинки снимать и книги не трогать.

– Так не у них одних в доме книги. – Арсений вдруг развеселился, как будто Соня сказала невесть что смешное. – Старые пердуны в городе в наличии. Это я о своем говорил. К Саньку и его папаше отношения не имею. Ладно, я пошел. А ты, Сонька, я смотрю, начала в правильном направлении землю рыть. Скоро упакована будешь еще почище Деньки. Эх, что за жизнь! Одним все, а другим ничего.

Лаврецкому ужасно хотелось съездить по поганой физиономии, но он сдержался, только проводил вразвалочку удаляющегося Арсения тяжелым недобрым взглядом.

Соня положила руку ему на рукав.

– Перестаньте, – сказала она. – Не стоит. Арс – хороший, в сущности, парень. Несчастный только. Его потребности не совпадают

с возможностями, и он очень болезненно это переживает.

– Работать надо. Над возможностями, – сухо сообщил Феодосий. – Молодой мужчина с руками и головой вполне может заработать себе на любой уровень потребностей. Это, если, конечно, он готов вкалывать, а не рассуждать на тему о мировой несправедливости.

– Рассуждать легче, – тихо сказала Соня.

– Несомненно, только вот ваш брат днюет и ночует на работе. Не отказывается ни от одного банкета, ни одного корпоратива. Вы тоже, как я погляжу, на новые приработки соглашаетесь. У вас и институт, и курсы, с понедельника вы у меня работаете, а еще и репетиторство, наверное, есть.

– Есть, но это же совсем другое.

– Одинаковое, – Феодосий начинал сердиться. – И перестаньте защищать этого дурака, он мне уже надоел. Пойдемте к вам. Я чаю хочу.

– Пойдемте. – Соня отчего-то прятала легкую улыбку, которая очень ей шла.

Они подошли к ступенькам, ведущим ко входу в подъезд, но подняться не успели. Дверь отворилась, и из нее вышла женщина средних лет, соседка, живущая тремя этажами выше.

– Ой, Сонечка, – радостно сказала она, – как хорошо, что я тебя встретила. Все хочу зайти, да то одно отвлечет, то другое. Мне бы посоветоваться с тобой надо.

– Да, я слушаю, Ольга Петровна. – Соня с готовностью остановилась, и Феодосий вдруг почувствовал, что готов зарычать. Ему было просто жизненно необходимо остаться с этой женщиной наедине за дверью ее квартиры.

– Морскую свинку хлопотно содержать?

– Что-о-о-о?

– Ну, младший мой просит ему свинку морскую купить, а я опасаюсь, что грязи за ней много, да и дорого сейчас все, корма там, сено.

– Я не знаю, Ольга Петровна, – засмеялась Соня. – Я никогда не держала морских свинок.

– Ну, как же, – соседка, похоже, обиделась. – Я же сама видела твоего брата с морской свинкой в руках.

– Когда? Где?

– Да на площадке вашей. С год назад примерно. Мы с малым домой шли из сада, он еще остановился свинку погладить. С тех пор и просит. Тогда-то я переключила его внимание на другое, а тут у них в садике у одного мальчика свинка дома появилась, вот он и заныл снова.

– Вы видели Дениса с морской свинкой? – Лицо Сони выражало такой ужас, что Феодосий даже удивился. С чего бы это она так испугалась?

– Ну да. Пушистая такая, толстененькая, глазки как бусинки. Я еще спросила, что, мол, Денечка, сестре подарок несешь? А он отвечает: «Да вот, Ольга Петровна, не знал, не гадал, а пришлось взять. Не пропадать же ей». Он ее не тебе подарил, что ли? Ты уж тогда у него спроси да потом расскажи мне.

– Да-да, обязательно. – Соня провела рукой по лбу, словно отгоняя какую-то мысль, неприятную, даже страшную.

Не обращая больше внимания ни на соседку, ни на Феодосия, она поднялась по ступенькам, приложила к домофону металлическую таблетку, распахнула дверь, как сомнамбула, шагнула внутрь. Озадаченный Феодосий еле успел заскочить в подъезд следом за ней.

Глава шестая

Слова «свет померк в глазах» или «небо упало на землю» Соня всегда считала образными выражениями. Более того, ей, как филологу, слышалась в них какая-то легкая пошлость, а поэтому сама Соня никогда их не использовала даже в мыслях, искренне полагая, что при том огромном богатстве, которое таит в себе русский язык, в любой момент можно подобрать более точные и менее затертые выражения.

Но в данный момент она в прямом смысле слова ощущала, как свет померк в ее глазах, да и упавшее на землю небо в ее представлении выглядело именно так. Прозрачный небесный свод, упав ей на плечи, оказался каменным, придавил к земле, мешая дышать.

Соня пыталась сделать вдох, но не могла, в груди тоже поселился огромный камень, не шелохнуть.

Совершенно забыв, что следом за ней идет Лаврецкий, она поднялась до второго этажа, вставила ключ в замок, повернула, вошла, попыталась не глядя закрыть дверь и очень удивилась, что у нее не

получается, оглянулась, увидела Феодосия, несколько секунд посмотрела, словно не узнавая.

Он шагнул через порог, схватил ее за плечи, встряхнул легонько. Ее голова мотнулась, как у куклы, и, кажется, даже зубы клацнули.

– Соня, что случилось?

Она смотрела затравленно, не в силах вымолвить ни слова. Как это – сказать начальнику своего брата, что тот, кажется, замешан в убийстве Галактионовых. Испортить репутацию, быть может, оставить без работы Дениса, Дениску, младшего братишку, о котором она привыкла заботиться и который внезапно вырос, поменялся с ней ролями и теперь сам заботился о ней, своей неудалой старшей сестре, с которой вечно что-то случалось.

Как она будет жить, если выяснится, что Денис причастен к убийству? Что она будет делать, если это станет достоянием гласности?

В уголках глаз копились слезы, и вот уже первая перелилась за край глазницы, потекла по щеке, прозрачная, горькая, как отчаяние, которое, казалось, затопило Соню всю, целиком.

– Я спрашиваю, что случилось? – Феодосий стащил с нее пальто, пристроил его на вешалку, встал на колени, освободил ее ноги от ботинок.

Соня, как все та же тряпичная кукла, послушно следовала за его руками, позволяя делать с собой все, что он считал нужным. Он ловко скинул свои ботинки, взял ее за руку, повел в сторону кухни.

Соня шла, механически передвигая ноги, на кухне позволила усадить себя на табуретку у окна, послушно выпила воды из заботливо поданного ей стакана. Зубы клацали о его край, и Соня отставила стакан на стол, от этого звука ей стало нестерпимо стыдно.

Ее гость совершал какие-то манипуляции с кофеваркой. Достал таблетку, закинул в машину, добавил воды, нажал на кнопку. Кофеварка зажужжала, и спустя минуту он поставил перед Соней чашку кофе. Она сделала глоток, чувствуя, как разжимается спазмированное горло. Все-таки кофе был ее лучшим лекарством.

– Денис, – сказала она, отвечая на уже дважды заданный вопрос и оценив, что Лаврецкий больше не повторяет его, ждет, пока она придет в себя. Совсем плохо зная его, она тем не менее была уверена, что он не отстанет. – Год назад соседка видела Дениса с морской свинкой в

руках. При этом он сказал, что вынужден ее взять, чтобы она не погибла. В квартире у Галактионовых стоит пустая клетка из-под морской свинки. При этом корм, опилки, сено – все на месте, а самой свинки нет. Такое чувство, что кто-то после смерти Галактионовых забрал ее из квартиры, чтобы не обрекать на голодную смерть.

Она замолчала, не в силах говорить дальше.

– И теперь вы подозреваете, что этим кем-то был ваш брат? – На лице гостя не было иронии, за что Соня была ему благодарна. – Вы ведь не подозреваете Дениса в убийстве? Я знаю его хуже вас, но и то абсолютно убежден, что это невозможно.

– Я не думаю, что он убийца, разумеется. – Соня покачала головой, хлебнула еще кофе. – Но он забрал свинку из квартиры, значит, он там был. Был и спас свинку, чтобы она не умерла с голоду. А если он там был, то не мог не видеть Бориса Авенировича и Санька мертвыми. Но тогда он должен был об этом рассказать. Мне, полиции, да кому угодно. А он молчал почти год. И вот это не укладывается у меня в голове. Понимаете?

– Соня, – он присел на корточки и взял ее руки, надо признаться, ледяные, в свои, – поверьте, у того, что произошло, наверняка есть совсем простое объяснение. Денис – хороший, порядочный человек, он не может быть ни в чем замешан. И если вы хотите понимать, что он делал в подъезде с морской свинкой в руках, то открою вам маленький секрет. Лучший способ узнать – это спросить. Позвоните ему и спросите. Вот и все.

Соня подняла больные измученные глаза и лишь покачала головой.

– Я боюсь, – тихо сказала она.

Лаврецкий тяжело вздохнул, повернулся к окну, снова пошуровал с кофеваркой, поставил перед ней новую чашку кофе, достал из кармана мобильник.

– Не надо, – вяло запротестовала Соня, но он не стал ее слушать.

Разговор с Денисом был коротким. Феодосий задал вопрос и выслушал ответ, затем объяснил причину своего интереса, коротко хмыкнул и отключился.

– В общем, как я и предполагал, все просто, – сказал он Соне. – Хотя и значительно запутывает ситуацию. Впрочем, выводы делайте сами.

Примерно с год назад Денис как-то днем заехал к Соне домой, привез заказанный в интернет-магазине запас кофе. Видимо, младший Галактионов следил за ним в дверной глазок, потому что, когда Денис вышел из квартиры, Санек выскочил на площадку. В руках у него была морская свинка.

– Спаси, – сказал он. – Погибнет. Дома нельзя. – И скрылся за дверью.

Ошарашенный Денис остался стоять с меховым комочком на руках. Первым его побуждением было позвонить в соседскую дверь и всучить животное обратно, однако на звонки никто не реагировал.

Дверь Санек не открывал. Ждать было некогда, потому что Денис торопился на смену. Да и чего ждать. Отпустить свинку на пол он не мог. Было понятно, что зверек неминуемо погибнет, став добычей какой-нибудь кошки. Отнести его в квартиру к Соне? Но там не было клетки, в которой его можно было оставить.

Тут Денис вспомнил, что девушка, с которой он на тот момент жил, давно просила купить ей хомяка или морскую свинку. Решение созрело быстро.

По дороге на работу Денис заехал в специальный магазин, купил все необходимые причиндалы и вечером, после работы, приехал домой с домашним питомцем, у которого теперь было все необходимое. Зверек оказался мальчиком, упитанным, с шелковистой шерсткой. Он охотно ел яблоки и морковку, обожал зеленые огурцы и вообще был покладистым и веселым. Назвали малыша Плюшей.

– Но почему он мне об этом не рассказал? – спросила Соня.

Камень в груди постепенно дробился, дышать становилось легче.

– О чем? О том, что Галактионов-младший отдал ему морскую свинку? Это вы у него спросите, но мне кажется, что Денис просто не считал это стоящим внимания. Ну, подкинула ему судьба зверушку, ну, живет она теперь в его квартире, ну и что? Неужели вы за год ни разу не обратили внимания на то, что у Дениса есть питомец?

– Я не бываю в его квартире, – сказала Соня. – Когда Денис свободен, он приезжает сюда, в квартиру родителей. Иногда мы видимся в его ресторане, иногда вместе ходим в кино. Но если его нет дома, то что мне делать в его квартире, а если он дома, то это и вовсе неловко. Его пассии меняются довольно часто, и я не хочу ставить в неловкое положение ни Дениса, ни его девушек, ни себя.

– Понятно. – Лаврецкий кивнул, признавая разумность такого подхода. – В общем, в том, что вы не знали, что у Дениса теперь есть морская свинка, нет ничего странного. Необычно в этом деле совершенно другое.

– Что именно? – Теперь успокоившейся Соне стало интересно. Смертный ужас утекал, сменяясь привычным любопытством.

– Смотрите. – Феодосий облокотился спиной на подоконник, взгляд у него был задумчивым. – В доме у Галактионовых стоит большая клетка, имеется большой запас корма и всего того, что принято покупать морским свинкам. Из этого вытекает, что к своему домашнему питомцу Санек (а скорее всего, именно он) относился трепетно и за ним ухаживал. Так?

– Так, – согласилась Соня, не очень понимая, к чему он клонит.

– Однако в один прекрасный день Санек принял решение от своего питомца избавиться и отдает его Денису. Вас не удивляет, почему он это сделал?

– Ну, может быть, ему надоело за ним ухаживать, – предположила Соня, – так бывает. Люди заводят себе котят или хомяков, или там попугаев, да даже собак, а потом им надоедает чистить клетки, тратить деньги на корм и так далее. Еще хорошо при таком раскладе, что не на улицу выбросил, а Денису отдал. Денис ни за что бы эту свинку в беде не бросил. Тут вы правы, моего брата надо знать.

– В том-то и дело. – Лаврецкий покачал головой, словно сожалея о Сониной непонятливости. – Если бы свинка ему надоела совсем, то Санек либо выбросил бы ее совсем или отдал в добрые руки вместе с клеткой и всеми запасами. Но он оставил клетку себе и Денису отдал зверушку без всего. Галактионов-младший знал Дениса с детства и понимал, что с ним свинка не пропадет. Понимаете?

– Нет, если честно.

– Саша Галактионов думал о безопасности своего питомца. Он заранее все продумал и отдал его в руки именно тому человеку, который точно бы о нем позаботился. И отдал со словами: «Спаси, погибнет, дома нельзя».

– Ну и что? – Соня все еще не понимала.

– Вы первая заметили, что после смерти Галактионовых животное, останься оно одно в квартире, неминуемо погибло бы. Так бы и случилось, если бы незадолго до смерти этот самый Санек не

позаботился передать его в добрые, а главное – ответственные руки. Но из этого вытекает, что Александр Галактионов словно знал о том, что они с отцом скоро должны умереть.

От этих слов холодок пробежал у Сони по позвоночнику. А ведь и точно.

– Тогда все сходится на Ровенском, – сказала она и, видя непонимающее лицо Феодосия, пояснила: – Это мой научный руководитель. Тот самый, который в дневнике Санька назван врагом. Я вам сейчас все расскажу.

Она сбегала в комнату за тетрадью и поведала внимательно слушающему Феодосию всю историю, с самого начала, рассказав и о внезапном ночном посещении опечатанной квартиры соседей (в этом месте во взгляде Лаврецкого мелькнуло что-то, похожее на уважение), а также о давней вражде Бориса Галактионова с профессором Николаем Ровенским, и о старинной книге Уильяма Блейка, которая, по всем признакам, и была причиной смерти Сониных соседей.

Он слушал внимательно, разглядывал тетрадь, шевелил губами, читая стихотворные строки.

– Это действительно интересно, – признал Феодосий, когда она закончила. – Вот только бы понять, сколько может стоить книга, о которой идет речь. С одной стороны, это не имеет значения, в наше время и за тысячу рублей убить могут. С другой – если на риск идет такой человек, как ваш профессор, значит, дело стоит свеч. Такой из-за дешевки мараться не станет. Вернее, не мараться, а рисковать своим сытым благополучием и размеренной жизнью.

– Я узнаю, – пообещала Соня. – У меня в Англии есть знакомый преподаватель, который работает в одном из университетов. Профессор Свешников привез же книгу именно оттуда, значит, Дэн сможет все узнать.

– У вас обширные связи. – Голос Лаврецкого звучал тускло. Почему-то то обстоятельство, что у нее есть какой-то знакомый по имени Дэн, ему совершенно не понравилось.

– Дэн – преподаватель английского, два года назад он работал у нас в университете и за это время успел найти в нашем городе жену^[3]. Я с ней, конечно, не знакома, но с Дэном продолжаю переписываться иногда и убеждена, что они прекрасная пара. Зовут в гости, но мне как-то неудобно, тем более что у них ребенок маленький. Вдруг они

приглашают просто из вежливости, и я им свалюсь как снег на голову. Хотя заманчиво – увидеть Лондон и поездить по сельской Англии. С детства мечтала.

– Я тебя свожу, – пообещал Феодосий, и от будничности этого обещания у Сони перехватило дыхание. Она даже не заметила, что он впервые обратился к ней на «ты». – И ты права, конечно, зависеть от чужих людей мы не будем, остановимся в отеле. Так можешь им и сообщить, чтобы согласовать время, когда им удобнее с нами повидаться. А заодно и про книгу выясни. Это действительно важно.

Глядя на онемевшую Соню, он легонько улыбнулся, сделал шаг к ней, нагнулся и поцеловал ее в губы. Легко, практически не коснувшись, словно не желая пугать.

Соня и не испугалась, просто задохнулась от внезапности поцелуя и тех эмоций, который он, оказывается, ей дарил.

От Феодосия Лаврецкого приятно пахло – свежестью и ненавязчивым, сразу видно, что очень дорогим одеколоном. Впрочем, Соня не разбиралась в мужских одеколоне, а этот ей просто сразу понравился. У него была мощная шея, красиво очерченный подбородок, покрытый рыжеватой щетиной. Такая легкая небритость Соне тоже всегда нравилась. На картинках, разумеется, да еще в иностранных фильмах, где все мужественные герои были всегда слегка небриты. Губы казались шелковым флером на ее губах, мягкие, очень нежные. Из-под ресниц Соня видела его глаза – темные, практически черные, казавшиеся бездонными колодцами, на дне которых таилась легкая опасность и еще, пожалуй, неизбежность.

Покорившись этой неизбежности, Соня закрыла глаза и ответила на поцелуй.

* * *

Никогда-никогда-никогда молодые люди не вызывали у Насти Пальниковой никакого интереса. Они казались пустыми и поверхностными, маменькими сынками или безбашенными придурками, мажорами или нищелюдами. Они либо пускали пыль в глаза, либо показывали полное равнодушие к кому-либо, кроме себя, любимых. Они не умели не то чтобы завоевывать женщину, а даже ухаживать за ней.

– Настоящие мужчины вымерли, как мамонты, – говорила Настя маме. – Они закончились на поколении папы, дяди Гоши, дяди Вани Бунина и Глашкиного отца. Вот те, кому сейчас за сорок, умеют себя вести с дамой, а мои сверстники ни ступить, ни молвить не умеют, как говорится.

– Так ты что, на сорокалетнего мужа нацелилась? – Мама прищуривала один глаз, выражение лица у нее становилось ироническое. – Так ведь «папики» только как любовники хороши, на время, для обеспечения материального достатка. А ни душе, ни сердцу, ни, прости меня за цинизм, телу они ничего дать не могут.

– Ни на кого я не нацелилась, я просто рассуждаю, – огрызнулась Настя и тут же, не в силах сдержать любопытство, уточнила: – А что, у дяди Гоши в постели проблемы?

– Почему? – У матери глаза полезли на лоб от такого предположения.

– Ну, ты сказала, что сорокалетние мужчины не могут ничего дать телу.

Мама усмехнулась и погладила дочь по голове.

– Я не это имела в виду. Просто если ты влюбишься в мужчину за сорок, когда тебе сейчас всего двадцать один, то все будет хорошо и прекрасно, в том числе секс. Но когда тебе будет сорок, ему окажется к семидесяти. Ты будешь в полном расцвете сил, интересов, желаний, а его будет волновать только аденома предстательной железы. Понимаешь?

– Я вовсе не собираюсь замуж за мужчину за сорок. – Настя начала сердиться, потому что всегда в беседах с мамой рано или поздно выяснялось, что они разговаривают на разных языках. – Я всего лишь хочу сказать, что мне неинтересны сверстники.

Сейчас Настя вспоминала этот примерно полугодовой давности разговор до мельчайших деталей, потому что впервые встретила мужчину, который ее заинтересовал. Этим мужчиной оказался Денис Менделеев, шеф-повар ее любимого ресторана и брат ее преподавательницы.

Преподавательница, кстати, тоже оказалась классная, по крайней мере, самообладание, с которым она полезла в запечатанную квартиру и с которым потом разговаривала с возмущенным братом, произвело на Настю неизгладимое впечатление. Но сам брат...

В нем было очень много мужского, того настоящего, что Настя встречала только в родительских сверстниках. Он был моложе, на вид лет тридцать, но имел взрослый взгляд состоявшегося человека, который точно знает, что именно хочет от жизни. И цену себе знает тоже.

Настя понимала, что вызвала у него неподдельный интерес, такое девочки начинают чувствовать очень рано. Она понравилась Денису Менделееву. В этом не было ничего странного, потому что Анастасия Пальникова была красавицей, и мужчины проявляли к ней недвусмысленный интерес с того момента, как ей исполнилось пятнадцать. И с того же возраста она научилась так же недвусмысленно их «отшивать». Странное заключалось в том, что Денис ей понравился тоже. Причем настолько, что она уже второй день всерьез горевала о том, что почему-то он не попросил ее номер телефона.

Расставшись с Денисом и его сестрой ранним пятничным утром после практически бессонной ночи, весь день она была как на иголках, то и дело поглядывая на телефон. Но аппарат молчал. Вернее, конечно, он звонил, но все это было не то и не те.

Обычно по пятницам Настя с Аглаей ходили в «Буррату» – отметить конец рабочей недели. Для Насти рабочей, разумеется. Но когда Глаша позвонила, чтобы узнать ее планы на вечер, Настя наотрез отказалась идти в любимый ресторан. Ей казалось, что тем самым она будет навязываться, а этому категорически противилась ее гордость. Еще не хватало, чтобы этот повар решил, что Настя за ним бегает.

К вечеру она совсем измучилась от неизвестности и, вспомнив, что Соня обещала сходить к своим друзьям и выяснить про причины вражды профессора Ровенского и убитого Бориса Галактионова, радостно схватила за телефон. У нее был железный предлог, чтобы позвонить преподавательнице, а там, глядишь, и про Дениса что-нибудь выяснится.

Номер не отвечал, хотя на часах было всего-то половина девятого вечера. Спит она, что ли? Или, может, у нее свидание?

О личной жизни учительницы она ничего не знала, но была уверена, что у Сони кто-то есть. Во-первых, не может не быть, потому что женщина она еще молодая и красивая. В ее красоте присутствовало качество, которое Настя очень ценила в женщинах, –

стильность. Ее красота была не яркой, не броской, слегка приглушенной, как если бы ее рисовали пастелью.

По крайней мере, Настю совсем не удивляло, что сосед по лестничной площадке был в нее влюблен. В карандашных рисунках умственно отсталого парня была схвачена самая Сонина суть, которую можно было выразить словами «тихая прелесть».

Сама Настя, разумеется, была совсем другой – яркой, кипучей, цепляющей с первого взгляда. Для того чтобы как следует рассмотреть Соню, несомненно, требовалось время. Она была «на ценителя», но, судя по тому, что после курсов в четверг она поехала вовсе не домой, а сейчас не подходила к телефону, подобный знаток прекрасного в ее жизни все-таки был.

Внезапно Насте стало очень жалко себя. У всех были мужчины, и только она до сих пор оставалась одна. И даже девственность сохранила, потому что не хотела отдавать ее просто потому, что так было «надо». Нет, она вовсе не придерживалась немодного нынче правила «не дарить поцелуя без любви» и не собиралась хранить себя для какого-то особого случая, чтобы вручить своему избраннику как бесценный приз. Ей просто хотелось, чтобы ее первый раз случился с человеком, который ей интересен, а таковых не находилось.

И почему она отказалась идти с Глашкой в ресторан? Сидели бы сейчас при свечах, ели вкусную еду, слушали тихую, ненавязчивую музыку, а там, глядишь, и Дениса можно было бы увидеть. Ну, почему, почему она вчера не нашла предлога, чтобы дать ему свой телефон. Была уверена, что он сам попросит, а он этого не сделал, и вот сейчас она мучается от неизвестности и разочарования.

Каменный сон, в который она упала после предыдущей бессонной ночи, не принес облегчения. Наутро она встала совсем разбитой, поплелась в ванную и в душе все прислушивалась к странным ощущениям внутри, где то ли порхали бабочки, то ли ворочались камни. Она бы очень удивилась, если бы узнала, что это чувство называется влюбленностью.

Она помогла маме расправиться с еженедельной уборкой, впервые радуясь, что ей есть чем занять утро, и печалась, что у такой чистюли, как мама, квартира не требовала больших усилий по поддержанию чистоты. Мама взяла за правило каждое утро просыпаться на полчаса раньше и мыть какой-то укромный уголок. Сегодня плитку в ванной,

завтра кухонную плиту, послезавтра антресоли в прихожей. Полы она тоже протирала каждый день, перед тем как ложиться спать, а потому по субботам нужно было просто поменять постельное белье, загрузить стиральную машину, пропылесосить весь дом (именно это сегодня и делала Настя, обычно избегавшая трудовой повинности) и до блеска натереть сантехнику. Они с мамой справились за полтора часа, и Настя снова загрустила, не зная, чем унять свою неожиданную маету. Господи, хоть бы на работу вызвали.

Адвокатская контора Аркадия Ветлицкого частенько работала по субботам, и когда для Насти находилось дело, она всегда с радостью откликнулась на призыв приехать. Мама тоже работала, не считаясь ни с какими графиками, и выходные у нее случались нечасто. Так чем же она, Настя, хуже.

Глаша, как она знала, уехала на дачу к отцу и его новой жене, и Насте нравилось, что ее подруга хорошо ладит с ними обоими. Может, надо позвонить и тоже попроситься? Там, за городом, снег наверняка даже еще и не думал таять. И можно гулять по скрипящему лесному насту, покататься на реке с горки вместе с соседскими мальчишками, а потом сходить в докрасна натопленную баню и пить душистый чай с можжевельновыми ягодами, смотреть на потрескивающий огонь в камине и не думать ни о непонятных трупах, ни о заносчивых мужчинах, которым даже трудно позвонить понравившейся девушке. Беда была в том, что думать и о том, и о другом Насте как раз хотелось.

Ее злило, что ей не перезванивает Соня. Ну, не может же она не видеть пропущенного звонка, не понимать, что ее ученица изнывает от любопытства, и тем не менее не спешит поделиться информацией. Нет, брат и сестра Менделеевы просто сговорились сегодня ее взбесить.

Еще с полчаса Настя побродила по квартире и все-таки решила уехать к Глаше на дачу. Она взяла телефон в руки, и тут он зазвонил, неожиданно, немного пугающе. Не глядя на экран, она схватила трубку:

– Алло. Я слушаю.

– Настя, здравствуйте, – услышала она мужской голос, чуть хриплый, с только ему присущей особой интонацией, которая так запала ей в душу при единственном разговоре. – Это Денис

Менделеев. Я бы хотел пригласить вас на гастрономическое шоу. Если вы не против, конечно.

– Я не против, – согласилась Настя, чуть поспешнее, чем хотела. – А что это за шоу? У вас в ресторане?

– Нет, я сегодня днем не работаю. – Он немного запнулся, словно в неуверенности, стоит ли продолжать. – Я приглашаю вас к себе домой. Хочу показать вам, как я обычно готовлю, в ресторане санитарные правила строгие, там мне посторонних на кухню не провести. Если вы согласитесь, то сегодня у вас на обед будет салат с киноа, помидорами конфи и авокадо, ризотто с гребешками и спаржей, морской окунь и в качестве десерта семифредо с белым шоколадом, малиной и лавандовым соусом. И мы с вами вместе это приготовим. Хотите?

Настя внезапно почувствовала сильнейший голод, как будто она не ела минимум неделю.

– Хочу, – сказала она решительно. – Диктуй адрес.

Впервые в жизни она чувствовала некоторую робость, отправляясь в незнакомое для себя место, да что там место, в квартиру к мужчине. Страх не было, потому что Настя была точно уверена, что Денис Менделеев не причинит ей вреда и не сделает ничего против ее согласия. Собственные границы дозволенного она тоже не обдумывала, это можно было решить на месте, в зависимости от того, как пойдет. Ханжой Настя не была, принимать решения мгновенно, в зависимости от ситуации, умела и никогда ничего не боялась.

Ее робость была скорее вызвана непривычным для нее желанием произвести хорошее впечатление. Вернее, желание, наоборот, было очень даже привычным, но раньше оно всегда касалось только работы или учебы и никогда – личных отношений. Перед мужчинами она никогда не робела. Еще чего не хватало.

Рассердившись на себя, она даже не стала особо наряжаться, просто натянула джинсы и толстовку, расчесала свои длинные блестящие волосы, сделала несколько мазков тушью по ресницам и убежала, чмокнув мать на прощанье. Та не задала ни одного вопроса, поскольку признавала право дочери на самоопределение, а лезть в душу считала неэтичным. Нет, все-таки как ни крути, а с мамой ей повезло.

Денис жил в одном из новых спальных районов, не самом престижном, но и не трущобном. Лифт в подъезде работал, вокруг было чисто, стояло много детских колясок и велосипедов. Похоже, преимущественно здесь обитали люди молодые.

Перед дверью нужной квартиры Настя на секунду остановилась, выдохнула, подивилась тому, что даже в квартиру покойников она несколько дней назад лезла, находясь в гораздо более хладнокровном состоянии, решительно нажала кнопку звонка.

За дверью слышались шаги, она распахнулась, и Настя уставилась на улыбающегося ей Дениса.

Ну, надо же, она, оказывается, успела со вчерашнего утра забыть, какой он красивый.

У него было тонкой лепки лицо, такое же, как у сестры, внимательные серые глаза, пушистые ресницы, четко очерченный, очень чувственный рот, крепкие плечи под трикотажной футболкой, не прикрытые ею рельефные бицепсы, узкие бедра и длинные ноги. Все это Настя оценила скорее машинально, чем осознанно, шагнула за порог.

– Привет.

– Привет. – Он протянул руки, помогая ей снять куртку, прикосновение ладоней к ее плечам длилось мгновение, не более, и Настя почувствовала острый укол сожаления от того, что оно пролетело так быстро и закончилось. Да что это с ней?

– Если хочешь, я покажу тебе свою квартиру и познакомлю с Плюшкой.

– Плюшка – это кто?

– Моя морская свинка, на днях вызвавшая страшный переполох у моей сестры. Причем в связи с убийством. Если хочешь – расскажу.

– Конечно, хочу, – Настя даже рассмеялась. – Мне все в связи с этим убийством интересно, ты же знаешь. Настолько интересно, что я залезаю в чужие дома и сбиваю твою правильную сестру с пути истинного.

– Моя сестра тоже – та еще оторва. Это она только выглядит скромницей, а внутри у нее чертенята живут, уж я-то знаю. – Денис засмеялся по-доброму. Настя уже успела заметить, что сестру он очень любил. – Так что думаю, что ваше приключение вызвало у нее бурю положительных эмоций. Ей приключений не хватает.

Настя прошла по двухкомнатной квартире, отмечая безукоризненный порядок. Денис явно жил один. Многие детали, подмеченные Настиним внимательным (а может, и ревнивым) взглядом, свидетельствовали об отсутствии в жилище женщины, и от этой мелочи у Насти поднялось настроение.

В спальню она целомудренно не заглянула, а в гостиной остановилась перед большой клеткой, в которой сидел смешной пушистый зверек. Плюша. С разрешения Дениса она покормила его тыквенными семечками, заодно выслушав рассказ о пережитых Соней страхах.

– То есть это свинка Галактионовых? – У Насти блеснули глаза. – И она живет у тебя уже год?

– Чуть меньше. Санек отдал мне Плюшу примерно в двадцатых числах апреля.

– А почему без клетки?

Денис пожал плечами:

– Не знаю. Может, пожалел, а может, просто не подумал. У него же особенности развития были, ты же знаешь. Трудно объяснить, что именно могло прийти ему в голову.

– А мне кажется, это важно, – задумчиво сказала Настя, – только я не могу объяснить почему.

– Пойдем на кухню. – Денис решительно потянул ее за руку, и она послушно пошла, чувствуя тепло его ладони. – Я буду готовить наш сегодняшний обед.

– Я никогда не ела киноа, – сообщила Настя, – и спаржу тоже не ела. Моя мама – отличная кулинарка, но почему-то полезные продукты в нашем доме не приживаются.

– Я не оцениваю продукты с точки зрения полезности, исключительно с точки зрения вкуса. Правильно приготовленная спаржа – это вкусно. И киноа тоже. Я тебе покажу.

– Тебе помочь? – Настя спрашивала скорее из вежливости, потому что готовить не умела. Соревноваться с мамой еще и на этом фронте она не хотела, понимала, что безнадежно проиграет.

– Нет, ни в коем случае, я же профессионал, – засмеялся он.

– Ну да, а я – жалкий любитель, хотя меня даже к этой категории отнести трудно, – призналась Настя.

В кухне она залезла на подоконник, потому что с него ей было удобнее смотреть, как Денис ловко орудует ножом и различными предметами кухонной утвари, многим из которых она даже не знала названия.

– А почему ты вообще решил стать поваром? Хотя извини, тебя, наверное, все об этом спрашивают.

Он покачал головой, показывая, что ничего страшного.

– Я с детства об этом мечтал, если честно. Многие мальчишки в детстве играют в летчиков, водителей, а мне нравилось готовить. Ты знаешь, в детстве у нас с Сонькой была няня, подруга нашей бабушки. Сначала она сидела с Соней, потом, когда родился я, помогала маме справиться с нами обоими, а потом, когда мне исполнился год, Соню отдали в детский сад, а баба Ива, как мы ее звали, потому что у нее было сложное имя-отчество – Иветта Илларионовна, осталась нянчиться со мной.

Я провел с ней почти два года, и у нас была любимая игра. Каждое утро, когда мы возвращались с прогулки, а обедать было еще рано, она расстилала на табуретке в комнате мягкую тряпочку – мою же бывшую пеленку, такую желтенькую, в ярко-пушистых одуванчиках, а на нее ставила тарелку с порезанным яблоком, тарелку с тертой морковкой и тарелку с капустой. У нее это называлось «сходить в ресторан». Как и все дети, я терпеть не мог овощи, а тут ел их за милую душу, аж за щеками трещало.

Потом, когда я уже был постарше, у нас в семье была традиция раз в месяц в выходной ходить всем вместе гулять. Мы каждый раз выбирались в новый район города, осматривали достопримечательности, иногда заходили в музеи, иногда папа что-нибудь рассказывал, он был прекрасный рассказчик, а потом шли обедать в ресторан, все вместе. И была в этом такая праздничность, такое счастье, я так ждал этих наших походов, что для меня слово «ресторан» навсегда стало синонимом радости, что ли.

А потом я стал старше, начал смотреть, как мама готовит, мне хотелось попробовать, она всегда разрешала, и я многие рецепты менял, потому что мне казалось, что так будет вкуснее. Чем лучше получалось, тем больше я импровизировал. В общем, лет с двенадцати я и не представлял для себя другой профессии. Обыденно звучит, да?

– Вовсе нет, – горячо сказала Настя. – Это же прекрасно, когда у человека есть призвание и он ему следует, а не задвигает его в дальний угол из-за дурацкой моды или каких-то сложившихся в обществе стереотипов. Ты прекрасно готовишь, я часто хожу в «Буррату», поэтому знаю. Там действительно любое блюдо вкусное.

– Спасибо. – Он улыбнулся, и Настя видела, что ее похвала не воспринята им как дежурная, что ему действительно приятно.

Примерно через час были готовы все блюда, которые Денис анонсировал ей в телефонном разговоре, хотя Настя понятия не имела, как именно ему это удалось. Он отварил полстакана киноа – мелкой крупы, которую Настя не видела никогда в жизни, запек в духовке шесть маленьких азербайджанских очень ароматных помидоров, добавил в салат, покрошил большой пучок кинзы, нарезал половинку авокадо, смешал с десятком гигантских креветок и заправил оливковым маслом. Выложил красивой горкой на тарелку, поставил на стол, сделал приглашающий жест: «Садись».

От ароматных запахов, заполнивших кухню, есть хотелось очень, даже слюнки текли.

Настя осторожно попробовала неизведанное ранее блюдо, быстро начала есть и даже не заметила, как тарелка опустела. От того, чтобы ее вылизать, она удержалась с большим трудом, так было вкусно.

– А добавки можно? – жалобно спросила она.

Денис довольно засмеялся:

– Подожди, еще же и другие блюда есть. Места не останется.

Пустая тарелка исчезла, а вместо нее появилась другая. Обещанное ризотто с морскими гребешками и спаржей. Оно тоже было очень вкусным, и Настя справилась со своей порцией так же быстро, как и с салатом, по примеру Дениса посыпав блюдо молотым розовым перцем.

При следующей смене блюд она получила запеченного морского окуня, которого доела уже с видимым усилием, а ведь впереди был еще десерт.

Как там сказал Денис? «Семифредо с белым шоколадом, малиной и лавандовым соусом», кажется. Нет, она просто обязана это попробовать.

– Предлагаю сделать перерыв, а потом выпить кофе с десертом. – Такое чувство, что Денис читал ее мысли.

– Хорошо, – кивнула Настя. – А чем займемся?

Она тут же покраснела, потому что фраза прозвучала, с ее точки зрения, двусмысленно. Но он, казалось, не заметил ни ее оплошности, ни пунцовых щек.

– Можем кино посмотреть. У меня хорошая система домашнего кинотеатра. Ты «Фаворитку» видела? Оливия Колман в нем «Оскар» взяла. За лучшую женскую роль.

– Нет, не видела.

– Вот и славно, сейчас подключу все. Пойдем.

Настя встала из-за стола, но выйти из кухни не успела. У нее зазвонил телефон. «Дядя Ваня» было написано на экране. Именно так Настя называла полковника Бунина.

– Привет, красавица, – загудел в трубке знакомый голос, – вот звоню тебе с новостями. Помнится, ты интересовалась двумя трупами на Октябрьской?

– Да, интересовалась, дядь Вань, – звонко сказала Настя.

Сегодняшний день становился все более захватывающим, а она, дурочка, еще утром тоскливо думала, что не знает, как его провести.

– В общем, готовы результаты экспертизы, и я подозреваю, что они тебя разочаруют. Дело в том, что этих Галактионовых никто не убивал. Ни отца, ни сына.

– Как это? – не поняла Настя.

– Да так это. Смерти произошли от естественных причин. Галактионов-старший скончался от обширного инсульта. А его сын, похоже, просто от голода. В квартире при осмотре не нашли ни крошки съестного. Похоже, после смерти отца Галактионов-младший доел все, что было в квартире, а раздобыть новую еду не смог.

У Насти холодок пробежал по спине. Она представила страдания несчастного, умственно отсталого парня, который не мог жить в одиночестве, но никому не сказал о смерти отца, видимо, чтобы его не забрали в интернат, предпочтя мученическую смерть. Еще она подумала о том, что, когда была в квартире, не открывала холодильник и шкафы на кухне, а потому не заметила отсутствия еды. А еще хочет считаться профессионалом, стыдобища. Впрочем, дяде Ване про это было знать не обязательно. За свою самодеятельность можно было и по шапке получить.

– Дядя Ваня, то есть это абсолютно точно? Нет никакого преступника, который лишил жизни этих несчастных?

– Нет. Жили два больных человека и ушли из жизни друг за другом. Так что дело будет закрыто. Уголовное, я имею в виду. А служебная проверка в отношении участкового, который на сигнал соседей не отреагировал, конечно, идет, и он будет наказан, это я тебе обещаю.

Настя попрощалась, положила трубку и пересказала разговор Денису.

– Наверное, надо бы Соне рассказать, – сказала она в конце. – Потому что нет никакого убийцы, и профессор Ровенский ни в чем не виноват. Зря она его подозревала. Соня, наверное, обрадуется, потому что он же ее научный руководитель. Ей тяжело было думать о нем как о преступнике. Вот только я вчера не смогла до нее дозвониться. Думаю, что она, наверное, почему-то не хочет со мной разговаривать.

– Глупости не говори, – решительно сказал Денис. – Давай сделаем так. Десерт возьмем с собой и поедим к Соне. Ты ей все расскажешь, а кино, в конце концов, и у нее можно посмотреть.

Настя надеялась, что испытываемое ею разочарование не было написано у нее на лице. Ну, надо же, он, оказывается, вовсе не имел на нее никаких далеко идущих романтических планов, а она уж напридумывала себе бог знает что.

Еще мгновение, и она оказалась в кольце крепких, очень ласковых рук.

– У нас все обязательно будет, – теплый шепот проникал в покрасневшее ухо. – Но только торопиться я не буду. Ты этого не заслуживаешь.

Она не успела ответить, потому что он моментально разжал кольцо, оставив ее на свободе.

– Я пошел упаковывать десерт, одевайся. – Теперь голос Дениса звучал вполне буднично. Настя воспользовалась тем, что, священнодействуя с десертом, он повернулся к ней спиной, потому что уже в который раз за сегодняшний день покраснела.

* * *

Весь день Феодосий чувствовал себя немного не в своей тарелке. По крайней мере, голова у него была совершенно чумная. В ней гуляла

пустота и стоял легкий звон. Такой точно гул обычно возникает, если оказаться в огромной пустой квартире с анфиладой комнат и высокими потолками, из которой недавно выехали жильцы и вывезли всю мебель. Только сквозняки от не закрытых второпях форточек гуляют между опустевшими покаями, да отдается эхом отражающийся от стен звук шагов. Вот такую квартиру и представляла сейчас его голова, в которой не было ни одной, даже случайно заблудившейся, мысли.

Необычное для Феодосия Лаврецкого состояние было вызвано не внезапно поднявшейся температурой, не навалившимися рабочими проблемами и даже не неким нехорошим предчувствием, которое поселилось где-то в районе желудка и наотрез отказывалось уходить, а недавним занятием любовью.

Вообще-то Лаврецкий, как и подавляющее большинство мужчин, относился к сексу как к делу само собой разумеющемуся. Внезапно возникшее желание требовало незамедлительной реализации, что было несложно, потому что сначала Феодосий был женат, а после развода недостатка в женщинах точно не испытывал. Занятия любовью были тем самым «стаканом воды», который можно было легко выпить в тот самый момент, когда наступала жажда. Не в пустыне же он и не на подводной лодке. А потому думать про секс было необязательно. Он и не думал, забывая об очередной даме, как только за ней закрывалась дверь.

С Соней все оказалось не так. Она была похожа на родник в пустыне, к которому припадаешь со сладострастным всхлипом и пьешь прохладную, живительную воду, спасающую от неминуемой смерти, с каждым глотком возвращаешься к жизни и все не можешь напиться настолько, чтобы оторваться губами от бьющей из недр земли священной струйки.

После того внезапного первого раза, который, впрочем, был внезапным только для Сони, потому что Феодосий, как тать в ночи, вынашивал долгие планы по ее соблазнению и твердо знал, зачем именно он едет к ней домой, не за тайнами же дневника, который вел сумасшедший парень из соседней квартиры, на самом-то деле. И знал, что точно никуда ее не отпустит. Ни из своей постели, ни из жизни.

До постели они, впрочем, не дотянули, потому что их первый раз случился прямо на кухне, где они разговаривали и, кажется, пили чай. Или кофе, он уже точно не помнил. Во второй раз постель была, но не

его, а ее. Он остался у Сони ночевать, и они всю ночь занимались любовью, не в силах напиться друг другом, и заснули только под утро.

Феодосий Лаврецкий никогда не был романтиком, поэтому еще совсем недавно объяснил бы свою легкую очумелость именно тем обстоятельством, что за ночь он спал часа четыре, не больше. Но в этот раз никакие логические объяснения не работали, и он только встряхивал головой, как норовистая лошадь, пытаясь прогнать звон в ушах и туман в голове, потому что нужно было разделаться с обязательными делами, которые он запланировал на сегодня, еще не зная, не веря, не надеясь, что самым главным в его жизни станет Соня Менделеева, а потом вернуться к ней, в ее квартиру, и, если получится, дотянуть до кровати. Он точно знал, что не дотянет.

Лаврецкий умело строил системы любой сложности, поэтому уже сейчас невольно прикидывал, как познакомит Соню с мамой и Наташкой, а потом перевезет ее к себе жить. Вопрос, согласится ли она переехать в его дом, его немного волновал, но не сильно, потому что он всегда умел добиваться поставленных целей, а Соня была целью. Пожалуй, на данный момент самой главной в жизни.

Когда он уходил, проклиная часы и неумолимое время, которого оставалось все меньше до назначенной на восемь утра встречи, она повернулась в постели, пробормотала что-то сквозь сон, смахнула с лица рассыпавшиеся по нему волосы. Его взгляду открылось точеное личико с идеальными пропорциями, ямка между тоненькими ключицами, округлое, очень нежное плечо, с которого сползла лямка ночной сорочки. В этот момент Феодосий зарычал, готовый плюнуть на все и остаться, но она укуталась поплотнее, оставив на виду только изящный носик, и он сжалился, давая ей поспать, ушел, аккуратно захлопнув за собой дверь и оставив записку, чтобы она ждала его в районе четырех часов дня.

Кажется, по субботам у нее было репетиторство, и Лаврецкий тут же дал себе слово, что в ближайшее время придумает, как облегчить ей жизнь, чтобы ей не пришлось так много работать. Если бы это было в его власти, он бы вообще запер ее дома, чтобы она принадлежала только ему и никому больше.

При мысли о каких-то там профессорах Ровенских у него сбивалось дыхание. Старый ученый виделся ему развратником и чуть ли не насильником. Нет, Соня не сказала об этом ни одного слова, ее

вообще, похоже, волновала только роль научного руководителя в убийстве ее соседней, но по ее поведению, манере речи, легкому сбою дыхания, когда она упоминала профессора, Феодосий точно знал, что старый мерзавец ее домогался. Что ж, если он ее обидел, то за это поплатится.

Он провел переговоры, не очень вникая в их суть и вызвав легкую тень недоумения на лице своих партнеров. Те уже три недели занимались покупкой франшизы ресторана и знали, что Лаврецкий вникает в каждую мелочь и въедливо докапывается до сути. Сегодня он подписывал бумаги, практически не глядя, уточнил лишь один вопрос и соглашался со всем, что ему предлагали. Партнеры, два здоровых бугая, прилетевшие аж из Усть-Сахалинска, переглядывались, не веря своему счастью, но молчали, боясь спугнуть так внезапно привалившую удачу. Феодосий отделался от них так быстро, как только мог.

От Сони пришла эсэмэска «С добрым утром», и Лаврецкий посветлел лицом, понимая, что она уже встала и пьет кофе у себя на кухне, собираясь на урок. Он закрыл глаза, чтобы представить себе ее образ, но тут дверь распахнулась, послышалось цоканье каблучков, и он открыл глаза, недовольный тем, что ему помешали грезить.

Секретарша принесла чай, вазочку с вареньем, несколько бутербродов с красной рыбой, порезанных тонко, как он любил. Впрочем, заслуг секретарши в этом не было, бутерброды готовили в кафе внизу, причем, как и все, что Лаврецкий ел на работе. Она расстелила салфетку, составила с подноса принесенный набор, призывно виляя бедром, плотно обтянутым очень короткой юбкой. Ляжки у нее были полные, гладкие, и щиколотки тоже. Взгляд невольно скользнул по ногам вниз, и Феодосия внезапно замутило от отвращения. Господи, и как он мог с ней спать.

Чтобы унять тошноту, он закрыл глаза и тут же представил Соню, такой, какой она была сегодня утром, когда он покидал ее дом, сонной, теплой от сна, со спутанными волосами и упавшей шелковой веревочкой на тонком плече. Его тут же накрыла волна желания, такого мощного, словно он и не занимался всю ночь любовью с объектом его вожделения.

Этот физиологический порыв не остался незамеченным секретаршей Светой, которая оценила его по-своему. Довольно

улыбнувшись, она опустилась на колени и потерлась щекой о его брюки. Вновь поднявшаяся тошнота намертво стерла желание, как будто его и не было, и Света недоуменно подняла голову, посмотрела обиженно, что, мол, вдруг не так.

– Я тебе сказал, чтобы ты больше ко мне не приближалась? Да или нет? – спросил он ровным голосом, стараясь контролировать поднимавшуюся внутри ярость. Получалось плохо. – Тебя уволить, что ли, дуру, если ты сама не понимаешь? Все. У нас с тобой больше ничего никогда не будет. Поняла?

– Ты меня разлюбил? – В глазах секретарши набухла слезища, большая, прозрачная, словно фальшивый бриллиант на пять карат, вставленный в оловянный ободок кольца.

– А с чего ты взяла, что я тебя когда-то любил? – Лаврецкому было так противно, как будто он жевал дождевого червя.

Он не был жестоким человеком и подонком не был, обычно стараясь расхотеться с дамами по-хорошему и давая щедрые отступные. Он и этой готов был заплатить, но она явно не хотела понимать, что их интрижка закончена. Она даже интрижкой это считать не соглашалась, вот дурочка.

Она всхлипнула, вскочила с колен, выскочила из кабинета, хлопнув дверью. Он тяжело вздохнул, потому что ощущать себя мерзавцем было внове. Или он просто забыл? Бывшая жена и теща регулярно рассказывали ему, какой он негодяй и бездушный человек, так что все новое – это просто хорошо забытое старое, как говорится.

Кстати, о жене. Странно, что она после первой неудачной попытки прекратила поползновения на увеличение ее денежного содержания. Обычно Нина бывала более настойчива и изворотлива в достижении однажды поставленных целей. Или это сожительница на нее так благотворно действует?

На этом месте Лаврецкий улыбнулся своим мыслям.

Снова захлопали двери, и в кабинете стали собираться директора всех ресторанов его сети, потому что именно на сегодня Феодосий назначил большое совещание, чтобы обсудить показатели скоро заканчивающегося квартала. Это было традицией, но, пожалуй, впервые мысли генерального директора и владельца бизнеса были так далеки от выручки, прибыли, клиентской лояльности, поставщиков и заказчиков. Он хотел домой, к Соне.

Совещание тянулось медленно и казалось бесконечным.

– Ты где? – Он послал Соне эсмэс, чтобы пообщаться с ней хотя бы виртуально.

– У ученика, – ответила она. – Не отвлекай меня, я и так не очень хорошо соображаю. – Он довольно улыбнулся.

Совещание, казавшееся бесконечным, все-таки закончилось. Оставалось сделать еще несколько телефонных звонков, включая маму и Наташку. Как бы он ни был занят, делами дочери интересовался всегда.

Наташка уже поправлялась, вирус сдавал позиции, и все же вряд ли дочка успевала поправиться настолько, чтобы они могли сходить завтра в давно запланированный дельфинарий.

Обидно, потому что Наташка наверняка расстроится. Она так мечтала посмотреть на дельфинов, а если получится, то и поплавать вместе с ними. Феодосий знал, что получится, вот только не завтра. Он прикинул, чем заменить дочери отказ от желанного развлечения, особенно с учетом, что нужно остаться дома. Скорее всего он проведет день вместе с ней, они смогут вместе посмотреть какой-нибудь хороший фильм и съесть пиццу. Из ресторана Феодосия, разумеется. Пиццу его дочь обожала, но он позволял ее есть нечасто, считая лакомством, а не полноценной едой.

Да, пожалуй, так они и поступят. Правда, это означает, что завтра он не сможет повидаться с Соней. Но, во-первых, есть еще сегодняшний восхитительно длинный вечер, а во-вторых, еще более длинная и не менее восхитительная ночь. При мысли об этой ночи у него опять немного сбилось дыхание.

К началу третьего Феодосий закончил со своими делами и почувствовал, что проголодался. Обычно в такой ситуации он бы спустился в кафе и поел, но Соня?

Интересно, что она предпочтет – сходить с ним пообедать в один из ресторанов или остаться дома? Тогда он сейчас закажет еды навынос. Или она сама хочет приготовить что-нибудь вкусненькое? Тогда, пожалуй, по дороге к ней надо будет заехать в магазин и купить продукты.

Чтобы выяснить этот вопрос, а заодно услышать ее голос, Феодосий набрал ее номер.

– Привет, – сказал он, чувствуя, что его заливают дурацкая радость. Даже голос звучал по-дурацки, восторженно, на повышенных тонах.

– Привет. – Он слышал, что она тоже улыбается, потому что рада его звонку.

– Я освободился и готов приехать. Что ты предпочитаешь – набор продуктов или готовую еду? Или, может, тебя забрать и поедим в ресторан? Правда, твой брат сегодня работает вечером, так что особенно изысканного обеда не получится.

– Получится, – она снова засмеялась. – Мой брат сегодня устроил себе свидание, в рамках которого тряхнул мастерством и наготовил кучу вкусной еды. Все съесть они не смогли, а к десерту даже не приступали, потому что его гостям позвонили и сообщили что-то очень важное касательно смерти моих соседей, Галактионовых. Денис и Настя уже едут ко мне. Так что не надо ничего покупать. У нас сегодня ресторан на дому. Приезжай.

Информация не вызвала бурю радости. Именно сегодняшний вечер Феодосий Лаврецкий предпочел бы провести без своего лучшего шеф-повара Дениса Менделеева. Впрочем, у того, кажется, тоже свидание? И придет он с девушкой? Значит, тоже захочет побыстрее остаться с нею наедине. От этой мысли Феодосий слегка приободрился.

Убрав документы и заперев кабинет (он был чистюля и педант и всегда оставлял рабочий стол безукоризненно чистым), он спустился на первый этаж, немного поколебался, зайти в кафе или нет, решил, что сегодняшний день и так отнял у него слишком много бесценного времени, которое можно было провести с Соней, и прошел мимо, вышел через заднюю дверь во двор, где теперь, во избежание неприятностей, оставлял свою машину.

Небо было голубым-голубым, ясным-ясным. Солнце пригревало всюду, недвусмысленно давая понять, что еще несколько дней, и весна окончательно сместит зиму. Скукоженный снег на газонах был тому подтверждением. В небе летали птицы, довольно низко, как будто встревоженные чьим-то незримым вмешательством. Летали и галдели, нарушая покой и безмятежность этого первого, по-настоящему теплого дня – предвестника скорой весны.

Солнце шалило, отражалось в слуховом окне стоящего напротив по соседству дома. Настырный солнечный зайчик бил в глаза, щекотал в носу, заставив Феодосия невольно зажмуриться. Подтаявшая ледяная шапка, свисавшая с крыши здания, внезапно начала движение вниз.

Заслышав странный шорох, Феодосий, полуослепленный солнечным зайчиком, инстинктивно поднял голову, отпрыгнул в сторону, чтобы не попасть под снежный удар, подвернул ногу и чудом не упал.

Снег свалился рядом, мягкий, пушистый. Даже свалившись на голову, он не мог причинить вреда, потому что, по велению Лаврецкого, крышу чистили регулярно и снег не был смерзшейся глыбой. Но и помимо снега что-то было не так. Какой-то странный звук, который раздался в тот же момент, когда Феодосий отпрыгнул, напуганный снежной шапкой.

Звук был резким, словно удар хлыста, а потом звонкий, дребезжащий.

Феодосий снова посмотрел на блестящую на солнце снежную горку. Отчего-то она была перемешана с битым стеклом. Он поднял голову и увидел в стекле двери, из которой пару мгновений назад вышел, аккуратную дырку, вокруг которой расходились лучики, нескольких стекольных фрагментов не хватало. Дырка располагалась точно на том уровне, где за секунду до прыжка находилась голова Лаврецкого.

Дырка в стекле, свист воздуха, который могла создавать только летящая пуля, солнечный зайчик в доме напротив быстро и неумолимо соединялись в мозгу Феодосия, вызывая в памяти время, проведенное в армии, в спецназе.

Полностью не поняв, а скорее предчувствовав опасность, он снова прыгнул в сторону, покатился по укутанной снегом земле, чтобы не быть неподвижной мишенью.

Вторая пуля подняла фонтанчик снега совсем рядом с ним. Он снова профессионально перекатился и теперь был за своей машиной, недостижимый для засевшего в доме напротив стрелка.

Хлопнула входная дверь, на улицу высыпали люди, Феодосий увидел своего заместителя, Сашку Веретьева, с которым когда-то давно вместе служил.

– Живой? – крикнул тот. – Не зацепило?

Лаврецкий покачал головой.

Наглое солнце больше не отражалось в чердачном оконце, не било в глаза, что означало, что стрелок, кто бы он ни был, убрал свой прицел и ушел. В поднявшейся суматохе заканчивать начатое ему было не с руки.

– Полицию вызывай, – устало сказал Феодосий Веретьеву и поднялся на ноги, отряхивая штаны и куртку.

Сегодня ему уже ничего не угрожало. Змея неведомой опасности спрятала свое жало, и ее нужно было вычислить и уничтожить до того, как она попробует нанести удар в следующий раз.

Глава седьмая

Настроение у Сони было просто отличное. При мысли о безумствах, которые она вытворяла прошлым вечером и минувшей ночью, она невольно начинала улыбаться. Она даже не догадывалась, что может быть на такое способна. Воспоминания об объятиях Феодосия Лаврецкого заставляли петть каждую клеточку ее тела. Сквозь сладкий утренний сон она слышала, как он уходил, но была уверена, что обязательно вернется.

Вообще уверенность в мужчине была для нее внове. В недолгий период ее брака она никогда не могла рассчитывать на то, что Вадим, ее муж, выполнит взятые на себя обязательства или хотя бы сделает то, что обещал. В тот период, когда она больше всего на свете нуждалась в поддержке и опоре из-за смерти родителей, он действительно смог отвлечь ее от бушевавшего внутри горя, но лишь потому, что это ей приходилось о нем заботиться.

Она решала, где взять продукты, чтобы приготовить ужин, она выкраивала деньги ему на новые ботинки, латая свои единственные сапоги, которые безнадежно промокали, невзирая на все ремонты. Он ни разу ей не помог, ни разу не пришел вовремя, ни разу не постарался хотя бы попытаться облегчить ей жизнь. С тех пор она не доверяла мужчинам, искренне полагая, что таких, как ее отец и ее брат, больше нет.

Стремительно ворвавшийся в ее жизнь Феодосий Лаврецкий оказался сделанным из того же теста. Крутого соленого теста, хлебами из которого можно накормить всех страждущих. Он ничего ей не обещал. Он сначала просто слушал, а потом занялся с Соней любовью, а утром ушел по своим мужским делам, оставив короткую записку, но

где-то внутри в Соне жила теперь уверенность, что он вернется и никогда ее не бросит и что с этого момента и до конца ее дней она больше точно не пропадет.

За первой утренней чашечкой кофе она улыбалась и в душе улыбалась тоже, и к машине спускалась с улыбкой, и рулила по сонным, совсем пустым субботним улицам, когда ехала на свои два частных урока. В течение утра его эсэмэски продолжали вызывать улыбку, которая освещала ее лицо, делая его еще нежнее, еще краше. Впрочем, уж о чем она точно не думала, так это о своей красоте.

Ей было о чем подумать.

К примеру, об обеде или уже ужине, который, наверное, надо приготовить к возвращению Феодосия.

Что он любит, этот владелец ресторанов и кафе, на которого работают такие изумительные повара, как ее брат? Сможет ли она его чем-то удивить?

К кулинарии Соня относилась без всякого пиетета, потому что в этой сфере в их семье был только один талантливый человек, причем не она. Праздничные обеды, когда они изредка все-таки случались в ее однообразной жизни, всегда готовил Денис, а она обходилась самой простой едой, не будучи особо притязательной. Сыта, да и ладно.

А может, Феодосий захочет пригласить ее в ресторан? Тогда готовить ничего не нужно и заезжать за продуктами тоже.

От необходимости принять решение по поводу ужина Соню спас брат. Из короткого разговора с ним Соня вынесла две вещи, причем обе важные. Во-первых, брат «запал» на ее ученицу Настю Пальникову, и та находится у него дома. Во-вторых, в деле Галактионовых появилась какая-то новая информация.

Если честно, второе волновало Соню гораздо больше первого. Девушки в жизни Дениса менялись с пугающей периодичностью, а Настя действительно была хорошенькой, так что неудивительно, что братишка обратил на нее внимание. А вот смерть соседей была как раз явлением необычным и пугающим, поэтому Соня была рада, что Денис и Настя приняли решение прервать свое свидание и сейчас направлялись к ней, чтобы обо всем рассказать, а заодно еще и везли контейнеры со всякими вкусностями. Зная брата, Соня была уверена, что там с лихвой хватит на ужин, да еще и останется.

Об этом она с радостью сообщила Феодосию, который позвонил, чтобы сказать, что уже освобожден, а заодно уточнить, что именно она предпочла бы в качестве ужина. Получалось, что они оба думали об одном и том же, а потому, заканчивая разговор, Соня снова радостно улыбалась, уже который раз за последние сутки.

В подъезде Соня столкнулась с соседом, явно возвращавшимся с охоты.

Владимир Петрович был страстным охотником и, проявляя симпатию к соседям, часто угощал Соню то отборной лосятиной, то уткой, то куропатками, а однажды притащил тетерева, которого Денис запек, и это было одно из самых вкусных блюд, которые Соня пробовала в ее жизни. Сейчас сосед тоже тащил какую-то добычу, но пялиться на его мешок Соне было неудобно.

– Добрый день, Владимир Петрович, – дружелюбно сказала она.

Сосед был отчего-то мрачен и даже не сразу отреагировал на ее приветствие, но потом все же улыбнулся.

– Привет, Сонечка, – сказал он. – Как живешь? Отошла от нашего происшествия? – И он кивнул в сторону галактионовской двери.

Отчего-то Соня вспомнила, как они с Настей шебуршились у соседской двери, вламываясь в опечатанную квартиру, и покраснела. И чем она только думала? А если бы Владимир Петрович спал более чутко и застукал их за столь неблагоприятным занятием? Вот стыда-то было бы не обернуться.

– Все в порядке, Владимир Петрович, – пробормотала она, словно сосед мог прочесть ее мысли, и прошмыгнула в свою квартиру.

Денис и Настя приехали раньше Феодосия. Девушка была чуть смущена, самую малость, но внимательному Сониному глазу это было заметно. Брат же держался, как всегда, уверенно и без малейшего стеснения. Да и с чего бы это ему было смущаться.

– Мы теперь пара, – заявил он чуть ли не с порога, чем вызвал у Насти новую волну смущения. – Говорю сразу, чтобы не было никаких вопросов.

– У меня нет вопросов. – Соня улыбнулась, подмигнула Насте, махнула рукой в сторону кухни: – Проходите. Вы голодные или с обедом можно подождать с полчаса?

– Мы-то как раз пообедали. – Брат ловко извлекал из пакета принесенные контейнеры с едой. – Мы только десерт съесть не успели.

Так что сама решай, когда ты поешь. А потом вместе будем чай пить. Ну, в твоём случае – кофе.

– Тогда подождём Феодосия, – решительно сказала Соня, чувствуя себя, как спортсмен, который стоит на краешке бассейновой вышки, и только мгновение отделяет его от стремительного падения вниз, в бездну. – Он уже звонил, что выехал из офиса, так что это не займет много времени. И да, чтобы не было никаких вопросов, сразу скажу, что мы – пара.

Настя рассмеялась с облегчением. Денис же выглядел ошеломленным.

– Сонь, у тебя что, правда роман с моим шефом? – наконец спросил он. – Ты уверена, что это именно то, что тебе нужно?

– А ты что, против?

– Нет. – Денис потер коротко стриженный затылок. – Как я могу быть против? Ты – взрослая женщина и сама принимаешь решения, касающиеся твоей личной жизни. Тем более что Феодосий – отличный мужик, добрый и порядочный, но...

– Я не хочу слышать никаких «но», – заявила Соня, которой было приятно слышать лестную характеристику Лаврецкого из уст Дениса. Ее брат не был человеком, который бросался словами.

– Но он – закоренелый холостяк, который после развода дует на воду, здорово обжегшись на молоке. – Сбить Дениса с толку, когда он считал необходимым что-то сделать или сказать, было невозможно. С самого детства. – Он берет женщин походя, просто, не глядя, протягивает руку, и все. По-моему, он это делает, не приходя в сознание. Но никого не подпускает так близко, чтобы это угрожало его душе. Понимаешь?

– Я не собираюсь угрожать его душе. – Соня сказала это мягко, но в голосе ее слышалась твердая решимость не продолжать разговор на эту тему. – Вот что, пока мы ждем Феодосия, расскажите мне, что нового узнали. Мы потом ему повторим, а пока мне не терпится узнать, что именно содержит ваша новая информация.

– Вы, наверное, будете разочарованы, – голос Насти звучал тускло, – хотя, наверное, это хорошо. Дело в том, Софья Михайловна, что ваших соседей никто не убивал.

– Во-первых, обращай ко мне на «ты» и по имени, – сказала Соня и шлепнулась на табуретку, устраиваясь поудобнее. – А во-

вторых, рассказывай подробности. Откуда ты это узнала?

И Настя передала ей свой разговор с полковником Иваном Буниным. С каждым сказанным ею словом Соне становилось легче, а под конец она чувствовала себя так, словно вот-вот взлетит.

Получается, не было никакого убийства? Получается, профессор Ровенский ни при чем, а его портрет в тетради Санька – не более чем совпадение.

Да, он был знаком с Борисом Петровичем Галактионовым. Да, приходил к нему в дом незадолго до смерти. Да, злился из-за того, что первое прижизненное издание Блейка досталось не ему, а сопернику. Но не совершал преступления, не марал своих рук ради этой самой книги. Какое облегчение.

Когда Настя закончила рассказ, Соня высказала эту мысль вслух.

– Ну да, – ее ученица тряхнула копной своих длинных шелковистых волос, – старик Галактионов имел проблемы со здоровьем. У него случился инсульт. Скорее всего удар произошел внезапно и настиг его на кухне. Именно потому его тело нашли под столом, там, где ему стало плохо.

– Санек осознал смерть отца, но почему-то не стал звать на помощь, – сказал Денис. – Боюсь, мы уже никогда не узнаем почему. Он много лет жил в своем особенном мире, в котором люди, за исключением отца и матери, существовали только в виде нарисованных образов. Всех нас он видел через окно, через глазок в двери, а потому не догадался выйти из квартиры, чтобы привести кого-то на помощь.

– Я думаю, что он просто боялся, что его заберут в психоневрологический интернат, – горько сказала Соня. – Он же не мог обходиться без чужой помощи, а родни у них не было. Санек был странный, но вовсе не глупый. Скорее всего он прекрасно осознавал, какая жизнь его ждет, и предпочел умереть от голода, чем покинуть свою квартиру и переехать в другое место. Мне страшно представить, как изо дня в день он жил в квартире, где в кухне на полу лежал его мертвый отец. Сначала он методично доедал всю еду, а когда она закончилась, просто лег на диван перед телевизором в гостиной и умер. Господи, какая страшная смерть.

– А своего домашнего любимца он спас. – Голос Дениса повело, и он даже голову закинул, чтобы спрятать не красящие мужчину

внезапные слезы. – Он знал, что Плюша неминуемо погибнет, поэтому незадолго до смерти отдал его мне. Подкараулил через дверной глазок и отдал. Ничего не объясняя.

– И в клетке прибрался, – Соня теперь тоже плакала, открыто, не стесняясь, – засыпал свежих опилок, все вымыл. Навел порядок и лег умирать. А мы жили напротив и ничего не знали. Наверное, нет нам прощения и не может быть.

– Но вы же не знали, – внесла нотку рациональности Настя. – Если бы вы понимали, что Борис Петрович умер, вы бы не допустили такого для Санька. Но вы же не могли видеть через дверь. Особенно двойную и бронированную. В общем, с этим делом все ясно. Никакого детектива в нем нет и не было с самого начала. И исчезновение Ровенского связано скорее всего с тем, что, узнав о смерти своего старого врага, он просто разволновался. Человек-то уже немолодой. Вот только одно мне непонятно. Получается, что книга, из-за которой они враждовали с Галактионовым, дар профессора Свешникова, до сих пор в квартире?

Соня и Денис переглянулись.

– Пожалуй, что так, – медленно сказала Соня. – Но к нам это не имеет отношения. Мы же не охотники закладами.

– Но это же очень ценная книга. Сколько она может стоить? И кому теперь достанется?

Соня пожала плечами.

– У Галактионовых наверняка есть какие-то родственники, пусть и дальние. Я думаю, что теперь, когда расследование закончено, их как-то известят. Надо же похоронить Бориса Петровича и Санька по-человечески. Кстати, Денис, если будет такая необходимость, мы же поможем?

– Конечно, поможем. – Брат обнял ее, поцеловал в висок.

Настя нетерпеливо передернула плечом.

– Но согласитесь, что было бы интересно посмотреть на эту книгу.

– Если ты хочешь сказать, что мы снова должны взломать квартиру и незаконно проникнуть в нее, то нет, – твердо сказала Соня. – Даже думать про это забудь. Конечно, я не отказалась бы подержать в руках первое прижизненное издание Блейка, но еще раз нарушать закон мы не будем.

– Я и не говорю о том, чтобы нарушать закон, – глаза Насти блеснули, – я же юрист как-никак. Но у меня есть фотографии. Вы, то есть ты, – поправились она, – помнишь, какой у Галактионовых порядок в квартире. Книги стоят только на стеллажах в прихожей. А все стеллажи я сфотографировала. Думала, что там может быть какой-нибудь ключ к загадке смерти твоих соседей. Теперь мы знаем, что загадки никакой нет, но фотографии остались. Давайте поищем на них Блейка. В конце концов, наследники могут не понять ценности книги и, к примеру, выбросить ее на помойку. Если книга на месте, то мы должны будем позаботиться о ее сохранности.

Определенная логика в словах девушки была. По крайней мере, Денис смотрел на нее с восхищением.

– Ладно, – сдалась Соня, – скидывай фотографии мне на электронный адрес, с ноутбука смотреть сподручнее, чем с телефона. Будем надеяться, что мы успеем все посмотреть до приезда Феодосия. Странно, кстати, что он задерживается.

– Заехал за вином или за какими-нибудь цветами. – Денис беспечно махнул рукой. – Не в правилах моего босса заявляться в дом с пустыми руками, тем более что ты анонсировала ему ужин в компании.

Через пять минут три головы склонились к экрану Сониного ноутбука и начали внимательно рассматривать загруженные туда фотографии.

Как уже успела заметить Соня, когда была в соседской квартире, все книги на стеллажах шли в строго пронумерованном порядке. Аккуратные наклейки с цифрами располагались на корешках и были написаны аккуратным почерком и ровно наклеены, чтобы не повредить книгу. Было видно, что к своей библиотеке, весьма, надо признать, обширной, Галактионов-старший относился с почтением.

Тома от единицы до ста пятидесяти представляли собой русскую классику. Это были собрания сочинений или отдельные издания. Еще пятьдесят книг составляли детскую библиотеку приключений. Книги с двухсотого номера по двести пятидесятый представляли литературоведческие издания, те, которые Борис Галактионов в свое время использовал для работы. Далее шла английская классика на русском языке, следом она же, но на языке оригинала.

Почти двести номеров отводилось на классические детективы. Кристи, Чейз, Стаут, Честертон, Сименон, По, Конан-Дойл, Гарднер сменялись более современными Ларссоном, Брауном и Гилбрэйтом. Несмотря на крайнюю ограниченность в деньгах, за литературными новинками Галактионов-старший следил. В какой-то момент Соня даже невольно позавидовала его великолепной коллекции.

Впрочем, ее мысли все больше и больше занимало другое. Книги Уильяма Блейка на фотографиях, сделанных Настей, не было. Более того, именно в разделе, относящемся к английской классической поэзии, где стояли томики Байрона, Шекспира, Блейка и Китса, причем именно на английском языке, не хватало одной книги, поскольку за номером 723 следовал сразу номер 725. Эту неправильность Соня заметила еще тогда, в квартире, но не придала ей особого внимания.

– А Блейк-то тю-тю, – заметила Настя. – Вот только понять бы, что это означает. Было там все-таки преступление или не было.

– Мы узнали о книге как о причине ссоры между Галактионовым и Ровенским. И она же могла быть поводом для убийства, вольно или невольно совершенного Николаем Модестовичем. Однако теперь мы знаем, что никакого убийства не было, а значит, книга вообще тут совершенно ни при чем. Галактионов мог ее продать, подарить, кому-то передать на хранение. В конце концов, мы знаем, что человеком он был немолодым и не очень здоровым, поэтому, опасаясь за судьбу своей реликвии, вполне мог принять решение по ней заранее. Думаю, что мы этого никогда не узнаем, – сказала Соня. – Нет, я начинаю волноваться, где Феодосий. Он еще час назад сказал, что выезжает.

К счастью, именно в этот момент позвонил Лаврецкий.

Увидев его номер на телефоне, Соня невольно выдохнула, вдруг осознав, что тревожилась гораздо сильнее, чем это осознавала.

– Сонечка, – голос его звучал негромко и почему-то устало, – я вынужден извиниться. У меня изменились обстоятельства, и я сегодня не смогу к тебе приехать.

– Что-то случилось? – Она снова испугалась, и испуг так явственно отразился в ее голосе, что Денис подошел и крепко взял ее за плечо.

– Нет, конечно. Что могло случиться, – он засмеялся, но явно через силу, натужно, – обычные бизнес-процессы, которые иногда требуют полного пересмотра планов. За сегодняшние планы мне

особенно обидно, но что ж поделать. Ты проводи вечер в компании своего брата и его девушки, а завтра я тебе обязательно позвоню. Договорились?

– Да, конечно. Занимайся своими делами, – торопливо сказала Соня, чтобы он не подумал, что она может оказаться вздорной капризной барышней, требующей к себе повышенного внимания вопреки интересам дела. – До завтра. Позвони, когда сможешь. И, пожалуйста, береги себя.

– Я стараюсь, – снова скрипуче засмеялся он и отключился до того, как Соня успела уточнить, что означает этот его скрипучий смех.

Она съела приготовленную братом еду, очень вкусную, умиленно разглядывая, как Настя с аппетитом поедает его салат, уже успев немного проголодаться. Потом Денис заварил для себя и Насти чай и сварил Соне кофе, и они смаковали лавандовый рулет, оказавшийся таким вкусным, что обе дамы аж похрюкивали от удовольствия, а шеф-повар только посмеивался, глядя на них снисходительно. Затем все вместе посмотрели кино, взявшую «Оскара» «Фаворитку», которую Соня сочла отвратительной.

После Денис уехал в ресторан, где у него сегодня была ночная смена, и Соня невольно отметила, что Настя заметно огорчилась этому обстоятельству. Ее свидание сегодня оказалось таким же неудачным, как и Сонино.

Оставшись одна, Соня перемыла посуду, улеглась в кровать и с удовольствием пересмотрела старый, еще советский двухсерийный фильм «Стакан воды».

Речь в нем шла о тех же событиях, что и в «Фаворитке», вот только и костюмы, и сценарий, и игра актеров – любимых Сониных Кирилла Лаврова и Аллы Демидовой – нравились ей гораздо больше.

Перед сном она еще повалялась в ванне с душистой пеной, послушала любимую музыку и улеглась спать, когда на часах не было еще и десяти. Впрочем, неудивительно, прошлой ночью ей удалось поспать совсем мало. Ей снилось что-то хорошее.

Проснувшись от непонятного звука, Соня попыталась вспомнить, что именно ей снилось, но не могла. Кажется, во сне была мама и еще Феодосий Лаврецкий, про которого мама сказала, что «теперь она спокойна».

Непонятный звук повторился.

Соня прислушалась.

Да, это мягко, чтобы не потревожить покой спящих соседей, стукнула металлическая дверь, та самая, что вела в квартиру Галактионовых. У соседа Владимира Петровича дверь была деревянная, а у Сониной двери точно было тихо.

Что за настырная девчонка, эта Настя. Все-таки съездила домой за отмычками и вернулась, чтобы найти книгу Блейка, несмотря на Сонин строжайший запрет. Нужно будет серьезно поговорить с Денисом, чтобы он объяснил своей подруге всю недопустимость подобного поведения.

Соня вылезла из кровати и, нащупав тапочки, пошла к дверям. Скрежета в замочной скважине после стука двери она не слышала, значит, Настя внутри, она пришла, а не уходит.

Ну, сейчас Соня ей задаст. Как была, в пижаме, она повернула язычок замка, выскочила на площадку и, покосившись в сторону квартиры Владимира Петровича, подошла к металлической двери, на которой сиротливо болталась во второй раз отклеенная бумажка с печатью. Нет, это вообще никуда не годится.

Соня решительно рванула наружную дверь, толкнула вторую. Обе оказались незапертыми, значит, Настя действительно еще внутри. Свет в расстилавшемся перед ней коридоре, том самом, в котором стояли книжные стеллажи, не горел. Наверное, девчонка еще просто не успела его включить или хочет обойтись фонариком.

Внезапно Соня представила, как, должно быть, напугал ее приход притаившуюся внутри Настю, и, хотя девчонка заслуживала хорошенькой взбучки, Соне стало ее жалко.

– Это я, Настя, не бойся, – сказала она чуть торопливо. – Я же запретила тебе сюда приходить.

Ей никто не отвечал, и Соне вдруг стало страшно от того, что она могла ошибиться. А вдруг в квартире не Настя?

Хотя нет, Галактионовых никто не убивал, а значит, никакого преступника здесь быть не может. Родственники приехали? Тогда им нужно поскорее объяснить, что она здесь делает, да еще в пижаме.

В квартире по-прежнему было тихо, и, чтобы разогнать невольную пугавшую ее тьму, Соня протянула руку и щелкнула выключателем на стене. Электрический свет ударил по глазам, Соня несколько раз

моргнула и, сфокусировав зрение, с ужасом уставилась на царящий в квартире разгром.

Все книги были сброшены с книжных стеллажей и устилали длинный коридор, как обломки невиданного кораблекрушения. Среди «обломков» неподвижно, на спине, лежал человек в замшевой куртке.

Эту куртку, дорогую, пахнущую элитным одеколоном и трубочным табаком, она узнала бы из тысячи. В коридоре галактионовской квартиры лежал Николай Модестович Ровенский. И, когда Соня, переборов ужас, подошла поближе, стало совершенно очевидно, что он мертв. В груди у профессора торчал большой нож.

* * *

Настя всегда просыпалась без будильника. Каждое утро она открывала глаза ровно в шесть пятнадцать. Другое дело, что если это случилось в выходной, то она могла блаженно закрыть глаза снова и без малейших трудностей провалиться обратно в сон.

Сегодняшний день не был исключением. Она проснулась словно от внутреннего толчка, убедилась, что часы показывают пятнадцать минут седьмого, вспомнила, что сегодня воскресенье, перевернулась на другой бок и зарылась поглубже под одеяло.

В комнате было прохладно, потому что в любую погоду она спала с открытой форточкой, как и мама, приучившая ее к свежему воздуху и прохладной температуре.

Заснуть не получалось.

В голове всплывали подробности вчерашнего дня, который Настя неожиданно провела в столь приятной компании, что ей невольно хотелось, чтобы этот день не кончался. Впрочем, и сегодняшний обещал быть не хуже. Вчера, когда Денис усаживал Настю в ее машину, он предложил ей прийти в «Буррату» на воскресный обед.

– Я завтра работаю с полудня и до восьми часов вечера. Так что приходи. Я специально для тебя приготовлю блюдо, которого нет в меню.

– Например? – счастливо засмеялась Настя.

Этот молодой мужчина постоянно заставлял ее улыбаться, хотя вроде бы и не предпринимал для этого никаких усилий.

– Например, ты когда-нибудь пробовала одно из самых изысканных блюд французской кухни, которое называется бёф

бургиньон?

– В переводе с французского это просто «говядина по-бургундски». Я же не совсем темная. Хотя должна признаться, что нет, не ела.

– Вот. Я приготовлю тебе божественное мясо с гарниром из пряного картофеля, а также грибной кокот. – Он покосился на Настю и поправился: – То есть классический жульен, конечно же. Отличная еда для последнего дня марта. Ты не находишь?

Действительно, с понедельника уже начинался апрель. Месяц, который Настя считала самым лучшим в году для предвкушения. Весны, тепла, счастья. Каждый апрель на нее нападало романтическое настроение, хотя вообще-то она была рациональна и прагматична. «Вся в мать», как любил говорить ее отчим, дядя Гоша.

В старый город пришел апрель.

Из плаща сыпал снег и град.

Вечерами пил морс и эль, ел чернику и виноград.

Просыпался часам к пяти.

Иногда – к четырем и трем.

Был огромный, как синий кит.

И любил рисовать углем, –

вспомнила Настя одно из своих самых любимых стихотворений, которое как-то случайно обнаружила в Интернете.

Стихотворение было подписано «Джек Абатуров», но, погуглив, Настя обнаружила, что на самом деле автора зовут Александра Кириллова и родом она из Вологды.

Впрочем, это не имело значения. Просто стихотворение Насте нравилось, и она вспоминала его каждый год, когда до апреля оставалось совсем недолго.

И Апрель выходил босым,

завернувшись в короткий плащ.

Допивал из бутылки эль.

И чеканил футбольный мяч о большую сухую ель.

Напевал ДДТ под нос и смотрел, как горит рассвет.

Вспоминал, что конечен пост уже тысячи длинных лет.

Небо цвета как карамель отражалось в потоках рек.

В старый город пришел Апрель.

В старом городе выпал снег.

Настя лежала под одеялом и бормотала любимые строки про себя.
Да, она сходит сегодня в ресторан.

Денис сказал, что она может позвать подружку, поэтому она позвонит Глашке и пригласит ее на «буф бургиньон», а заодно похвастается своим явно намечающимся романом. Первым серьезным романом в ее девичьей жизни.

После обеда они поедут к Глашке на квартиру и там насплетничают всласть, а вечером, когда у Дениса закончится смена, она встретит его с работы, и они поедут к нему домой, и там наконец-то произойдет то, чего Настя ждала и боялась одновременно.

Она попыталась представить, как это будет, но мысли путались и сбивались, не в силах бороться с завладевающим Настей сном.

М-м-м-м, все-таки как хорошо, что сегодня воскресенье и можно хорошенечко выспаться.

Из сонного марева ее выдернул телефонный звонок. Вернее, звонить телефон не мог, потому что на ночь Настя всегда отключала у него звук, но от вибрации он дрожал, как в припадке, подпрыгивал, ерзал, подбираясь к краю тумбочки, словно хотел сбежать. И кому она могла понадобиться в половине седьмого утра?

«Дядя Ваня», – было написано на экране, и Настя рывком села в кровати.

Остатки сна слетели с нее, как будто она только что нырнула под холодный душ. Полковник Бунин не был человеком, готовым ранним воскресным утром разбудить малолетнюю дочь своей подруги из-за пустяка.

– Что случилось, дядь Вань? – спросила Настя, отчего-то внутренне холодея.

К счастью, она точно знала, что мама дома, спит в своей кровати, так что самого страшного произойти не могло.

– Ты мне сейчас быстро и четко объяснишь, почему интересовалась Галактионовыми, – сухо и строго сказал Бунин, – и чтобы без вранья.

– Да я и не врала, – немного растерялась Настя. – Это соседи моей преподавательницы. Она волновалась из-за их гибели. Я пообещала помочь все разузнать. Ну, и заодно попрактиковаться в расследовании. Но вы же вчера сказали, что их никто не убивал. Что их смерть произошла от естественных причин. Так чего сейчас интересуетесь?

– Их смерть – да. Один умер от инсульта, второй – от голода. Вот только убийство там действительно произошло. И не далее чем вчера вечером.

– Во сколько? – Сухой язык терся о сухие щеки, поэтому слова Настя произносила с трудом. Почему-то она представила, что убили Соню, и страшно испугалась за Дениса. Он же не переживет. Он так любит сестру. – Кого убили, дядя Ваня?

– А чего ты так переполошилась-то, дочь подруги дней моих суровых? – проницательно спросил ее собеседник. – Вот не зря я сердцем чую, что в этом деле у тебя рыльце в пуху.

– Вы еще скажите, что это я убийца, – возмутилась Настя. – Дядя Ваня, чего вы меня мучаете-то. Кого убили? Соню Менделееву?

– А с чего ты взяла, что ее должны убить? Ладно-ладно, ты пыхтишь так, словно вот-вот убьешь меня, причем на расстоянии. Все в порядке с твоей учительницей. Хотя и не совсем. Дело в том, что труп нашла она. Надо отдать ей должное, в обморок не упала, истерики не закатывала. Вообще стойкая барышня, надо признать. Услышав шум на лестничной клетке, не побоялась ночью выйти из

квартиры. Обнаружив незапертые соседские двери, вошла внутрь, включила свет и обнаружила в квартире Галактионовых тело.

– Дядя Ваня, – простонала Настя, у которой, впрочем, немного отлегло от души. Соня в порядке, и слава богу. – Ну, что вы kota за хвост тянете? Расскажите подробнее. Кого убили?

– Профессора университета нашего, некоего Ровенского.

– Николая Модестовича? – Настя не верила собственным ушам. – А как он у Галактионовых в квартире оказался? Хотя я понимаю, наверное, книгу искал.

– Какую книгу, душа моя? – Голос Бунина теперь предвещал мало хорошего. – Если ты что-то знаешь, то изволь рассказать. Я ж тебе за этим звоню, а не для того, чтобы интересный детективчик пересказать. Селезенкой чую, знаешь ты немало.

Настя уже приняла решение.

– Вот что, дядя Ваня, – сказала она твердо. – Дайте мне минут сорок на то, чтобы умыться и собраться, и приезжайте на квартиру к Соне Менделеевой. Там мы с ней вам все и расскажем.

– То есть вы в это дело вместе вляпались, – констатировал Бунин. – Ладно, краса моя, давай будем считать, что договорились. И да, матери своей героической, ради бога, пока ничего не рассказывай. Только ее мне для полного счастья и не хватало.

Душа Насти пела от радости. Впервые в жизни Иван Бунин доверил ей секрет, которого пока не знала мама.

– Договорились, – горячо заверила она. – Ждите, я скоро приеду.

Мама тоже вставала рано, даже по выходным, поэтому, когда Настя пришла на кухню, она уже была там, чуть слышно напевая, стояла у плиты, колдуя над чем-то вкусным.

– На работу сегодня? – спросила она у дочери, и Настя мысленно воспела хвалу финансовым возможностям дяди Гоши, благодаря которым у них была большая квартира. Дочкиного разговора с Буниным мама не слышала.

– Ага, по делам, – туманно сообщила Настя. Она предпочитала не врать тогда, когда этого можно было избежать. – Мам, ты меня сегодня вечером не жди, я ночевать не приду.

– Опять у Глашки сходняк? – осведомилась мама, но Настя уже пила сваренный мамой заблаговременно кофе, а потому просто покрутила головой. Ни да, ни нет. Понимай как хочешь. – Ладно, ночуй

где хочешь, ты уже большая девочка, – философски заметила мама и снова отвернулась к плите.

– А у тебя какие планы на сегодня?

– Сейчас все приготовлю, по интернету прошвырнусь, вдруг что-то интересненькое найду. Тогда поработаю. Завтра номер сдавать, а там еще уйма полос не закрыта. Обленились все совсем, работать никто не хочет. А вечером к тете Ире заеду. Она звонила, что мы давно не виделись. Заодно с Иваном поговорю, вдруг интересную тему подкинет.

Настя заметно вздрогнула и вознесла хвалу небесам, что мама стоит к ней спиной. Нет, все-таки совершенно понятно, почему она считается самым лучшим в их городе журналистом. У нее просто звериное чутье, которое позволяет ей первой добывать горячие эксклюзивы и всегда быть на голову впереди конкурентов.

Ладно, вечер еще не скоро, а значит, Настя сумеет обтяпать все дела с дядей Ваней раньше мамы. Тем более что на вечер у нее совсем иные планы.

В несколько глотков она выпила кофе, чтобы нечаянно не выболтать что-то лишнее, сбегала в душ, быстро собралась и пятнадцать минут восьмого уже выскочила из квартиры, крикнув напоследок:

– На телефоне.

Пустыми страхами мама не страдала, но, хорошо владея криминальной обстановкой, имела привычку несколько раз в день проверять, где дочь и все ли с ней в порядке.

Еще через пятнадцать минут Настя припарковалась во дворе у Сони, где уже стояла машина дяди Вани, а сам он с обманчиво скучающим видом сидел за рулем, обозревая двор и выходящие в него окна квартир.

– Учительницу твою я предупредил, она нас ждет, – отрывисто сказал он, когда Настя подошла поближе. – И еще раз предупреждаю, не вздумайте мне врать. Обе.

Соня, с забранными в тугий узел волосами, выглядела бледной, но спокойной.

Проведя гостей на кухню, она повернулась к кофемашине, чтобы сварить кофе. Похоже, без этого напитка она просто жить не могла.

Дождавшись своей чашки кофе, крепкого и очень горячего, Настя вздохнула, как перед прыжком в воду, и начала рассказывать.

Соня ее не перебивала, лишь качая головой, подтверждая, что все сказанное правда. Бунин тоже слушал молча, никак не выказывая ни своего удивления Настиной бесшабашностью, ни недовольства безобразным ее поведением.

– Ну, я так понимаю, вы обе ненормальные, – подытожил он, когда Настя наконец выдохлась и замолчала. – От тебя, Настасья, я, конечно, примерно что-то в таком духе и ожидал. Ты – истинная дочь своей мамочки. Той в окно горящего дома залезть или секретный документ у меня со стола сфотографировать не фиг делать. Но вы-то, Софья Михайловна, – серьезный человек, педагог. Вас-то как угораздило?

Соня смущенно молчала, и Настя сочла своим долгом встать на ее защиту.

– Никак ее не угораздило, дядя Ваня, – сердито сказала она. – Все случайно получилось. Софья Михайловна вовсе не собиралась лезть в галактионовскую квартиру. Просто по лестнице кто-то шел, и мы были вынуждены внутрь заскочить, чтобы нас не поймали.

– Просто, – передразнил ее Бунин. – Да это просто счастье, что Софья Михайловна чужой труп нашла, а не кто-то ее собственный. Нельзя же так неосмотрительно поступать, тем более одинокой женщине, да еще ночью. Ладно, воспитывать вас в мои планы не входит, да и поздно. Расскажите мне лучше, есть ли у вас мысли по поводу того, что мог делать в чужой квартире Николай Ровенский? Да еще ночью.

Мысли у обеих дам были, поэтому они по очереди, не перебивая друг друга, рассказали Бунину все, что узнали о вражде Галактионова и Ровенского, о первом прижизненном издании Уильяма Блейка, оставленном в дар профессором Свешниковым, а также о том, что книга из квартиры пропала.

Соня принесла и показала дневник Саши Галактионова, при виде которого Бунин даже руками всплеснул. Впрочем, он тут же признал, что скорее всего полицейские при осмотре не заметили старые тетради на книжном стеллаже, а потому Соня даже молодец, потому что вообще обратила внимание на столь важную улику.

Полковник вообще слушал их внимательно, иногда уточняя детали. Лоб его перерезала пополам глубокая морщина, как знала

Настя, признак серьезного раздумья.

– Тут вывод может быть только один, – сказал он наконец. – Этот ваш профессор действительно ничего не знал о смерти своего старого врага. Да, с год назад он зачем-то приходил в дом к Галактионовым, и, видимо, разговор этот был достаточно тяжелым, раз Александр нарисовал Ровенского в своей тетради и назвал врагом. Однако тогда у него не было в планах завладеть книгой насильно. Когда вы, Софья Михайловна, рассказали своему научному руководителю о смерти своих соседей, тот первым делом подумал о книге. Именно от этого он так разволновался, что слег, а вовсе не от того, что имел к этой смерти какое-то отношение. Когда ему стало лучше, он попытался проникнуть в квартиру, чтобы завладеть книгой. Но подобные планы были у кого-то еще, и Ровенского просто убили.

– Но кто это мог быть? – нетерпеливо спросила Настя. – Кто еще узнал о книге и о том, что Галактионов-старший больше не является ее стражем? Кто проник в дом одновременно с Николаем Модестовичем и убил его? И еще – забрал ли он книгу? Ее не было в квартире еще до того, как был убит Ровенский. Значит, сам Галактионов год назад то ли спрятал ее, то ли продал. Или мы ее просто не заметили, а убийца нашел и забрал? Это он устроил погром в квартире? Или все-таки Николай Модестович?

– На этот вопрос мы узнаем ответ, когда поймем убийцу, – серьезно сказал Бунин. – Софья Михайловна, вы как думаете, стоит ли подключать к поиску книги специалистов по антиквариату? Она действительно такая ценная?

– Я списалась со своим приятелем, он год жил в России и преподавал у нас в университете, а потом вернулся домой, в Англию. Его зовут Дэниел Аттвуд, он работает в одном из лондонских университетов, и я задала ему вопрос о том, что известно о прижизненном издании Блейка и о том, что один из экземпляров был когда-то давно якобы подарен профессору Свешникову. Сегодня утром я получила ответ.

– И молчишь! – воскликнула Настя. – Соня, ну, ты что. Это же так важно.

– Да я не молчу. – Соня слабо улыбнулась. – По-моему, мы все утро только и делаем, что разговариваем. В общем, Дэн пишет, что английский поэт и художник Уильям Блейк создал свою первую

книгу – «Песни Неведения» – в 1789 году. Ее особенностью было то, что он сам выгравировал текст и иллюстрации к этой книге и сам отпечатал совсем небольшой тираж. Это было настоящее оригинальное авторское издание. Каждый отпечатанный лист он раскрашивал от руки, затем сшивал листы в книги и даже сам их продавал. Покупали их друзья и немногие знакомые. До наших дней дошел только 21 экземпляр «Песен Неведения» и еще 27 экземпляров второго издания, которое увидело свет в 1794 году и где «Песни Неведения» были объединены автором со вторым циклом «Песни Познания».

– Интересно, какую именно книгу привез профессор Свешников? – задумчиво спросила Настя.

– Этого Дэн, конечно, не знает. Он написал, что все экземпляры этих изданий хранятся в музеях и частных коллекциях и стоят безумно дорого. К примеру, одна из книг, вышедшая в 1794 году, была продана на аукционе Сотбис двадцать лет назад, и уже тогда стоила два с половиной миллиона долларов.

– Сколько? – присвистнул Бунин.

– Сейчас скорее всего первые издания Блейка стоят еще дороже. В университете Дэну рассказали, что действительно много лет назад один из почитателей научной деятельности русского профессора Свешникова, один из британских магнатов, сильно увлекающийся Блейком, действительно подарил профессору одну из книг. Чтобы вывезти книгу из страны, потребовался чуть ли не год. В Англии тогда это наделало немало шума, но книга была из частной коллекции, а потому запретить распоряжаться своей собственностью никто не мог. А в Советском Союзе никто и вовсе не придал этому особого значения. Железный занавес сработал, не иначе.

– То есть вот в этом доме, в обычной трехкомнатной квартире, за двойными бронированными дверями много лет хранилась книга, которая стоит два с половиной миллиона долларов? И после смерти ее владельца она пропала в неизвестном направлении? – протянул полковник Бунин. – Что ж, меня не удивляет, что профессор Ровенский влез в эту квартиру в ее поисках. И также меня не удивляет, что кто-то, застав его в квартире, совершил убийство. Ради таких-то денег.

– Осталось узнать только, кто это был и где сейчас книга, – заключила Настя. – Что и говорить, самую малость.

– Узнаем, – пообещал Бунин, и Настя отчего-то сразу ему поверила.

* * *

От вызванной на место происшествия полиции Феодосию удалось отделаться только к восьми часам вечера. Следователь, который его допрашивал, никак не хотел поверить, что сидящий перед ним благополучный, чистенький и дорого одетый мужик действительно не знает, кто и за что в него стрелял. Все случившееся он считал исключительно бизнес-разборками, а все представители бизнеса явно казались ему бездельниками и подозрительными личностями. По крайней мере, сочувствия у него Лаврецкий не вызывал. Да и ладно, сдалось ему это сочувствие.

Мозг работал напряженно, как компьютер, пытаюсь проанализировать данные и самостоятельно сделать вывод о том, откуда взялись неприятности, в результате которых уже во второй раз Феодосий оставался в живых исключительно чудом.

В голове что-то трещало и шелкало, и ему казалось, что еще вот-вот, и дым пойдет. От этих мозговых усилий и разговора с полицейскими и следователем и от исходящей от них вражды Феодосий к вечеру устал так, что ему казалось, что тело его состоит из чугуна.

Руки, ноги, голова – все было чугунное, неподъемное, и больше всего на свете он мечтал о том, как доберется до дома, примет душ и рухнет в постель.

– Охрану надо нанять, – буркнул Сашка Веретьев, когда они наконец-то остались в кабинете Лаврецкого вдвоем. Полицейские наконец-то уехали, сотрудники разошлись по рабочим местам, а все охи и вздохи, вызванные дневным происшествием, были уже позади, и даже новое стекло в заднюю дверь уже вставили.

– Мы с тобой, Сашок, и сами себе охрана, – попытался улыбнуться Феодосий, но налитые все тем же чугуном губы отказывались растягиваться в подобие улыбки. – Не думал я, что моя боевая юность когда-нибудь настигнет меня снова. Но ты же понимаешь, что я справлюсь.

– Против открытого нападения – несомненно. Даже если их будет четверо. – Веретьев нехорошо ухмыльнулся, и если бы потенциальный

враг Феодосия сейчас видел эту ухмылку, то ему бы стало нехорошо. – Но против пули... Ты смотри, как правильно эта сволочь дислокацию выбрала. Идеальный обзор, идеальное прицеливание. Весь двор как на ладони. Ну, да ладно, эту точку я ему перекрою. Больше он туда не подойдет.

– Дома, на работе и в машине я теперь, пожалуй, в безопасности, – согласился Феодосий устало. – Но если эта гнида считает, что я буду сидеть в норе и бояться высунуть нос наружу, то он ошибается. Надо придумать, куда его выманить, и взять на живца.

– А живец – это ты? Федь, ты вообще-то всем живой нужен. И нам, и дочери твоей, и Ольге Савельевне. Ты бы лучше в другом направлении подумал. Кто это у нас такой прыткий, что среди бела дня по живым мишеням пуляет?

– Да я уже всю голову сломал. – Феодосий тяжело вздохнул и смачно выругался. – Не знаю я, Саня. Вот не знаю, и все, кому дорогу перешел.

– А надо бы узнать, – многозначительно сказал Веретьев. – А то поздно будет.

Все, что говорил сейчас Саня, было верным и правильным, но от каждого произнесенного им слова у Феодосия все сильнее болела голова. Боль эта зарождалась где-то в затылке, обручем охватывала голову, стреляла то в левую бровь, то в верхнюю челюсть, заставляя Лаврецкого невольно морщиться.

– Саня, иди домой, а, – тихо попросил он. – Я тебе обещаю, что завтра все обдумаю, и в понедельник мы вместе решим, что делать. Хорошо?

Веретьев хотел еще что-то сказать, но, бросив взгляд на друга, только вздохнул и ушел.

Ну, и хорошо. Вот и слава богу.

Оставшись один, Феодосий подошел к окну, выходящему на залитую солнцем, уже совсем весеннюю улицу, уткнулся лбом в стекло, чтобы охладить пылающую голову.

Самым поганым было то, что ему никак нельзя было сейчас ехать к Соне. Он точно знал, что если бы она сейчас была рядом, то он соображал бы гораздо лучше. И чувствовал себя лучше. Но нет, нельзя подставлять под удар еще и ее. Он давно уже предупредил ее, что

сегодня не придет, и спокойствие, с которым она отнеслась к этой информации, его и обрадовало, и испугало одновременно.

С одной стороны, он терпеть не мог женщин, которые гирями висли на ногах, да еще в самом начале отношений. С другой – ее спокойствие могло быть вызвано полным к нему безразличием, и эта мысль его огорчала. Нужно было ехать домой, но он не мог заставить себя сделать хотя бы шаг. Последствия мощного выброса адреналина, что ли?

Тело помнило, как реагировать в ситуации опасности.

В тот момент, когда он понял, что в него стреляют, голова оставалась холодной, а все действия совершались автоматически. Этот навык не терялся с годами, но свое состояние сейчас, когда опасность уже миновала, Феодосию не нравилось. Старее он, что ли. На этой мысли он не выдержал, рассмеялся, потому что, как все здоровые сорокадвухлетние мужики, считал рассуждения о возрасте глупыми и лишними.

Сдернув со спинки кресла куртку, он во второй уже раз за сегодняшний день вышел из кабинета, сбежал по лестнице, на мгновение помедлил перед дверью на задний двор и тут же выругался про себя.

Глупости, он не будет бояться.

Рванув дверь, он выскочил на крыльцо, вдохнул пахнущий весной, но под вечер уже морозный воздух, не спеша пошел к машине, невольно чувствуя себя героем фильма «Профессионал». Тот тоже не спеша шел к ожидавшему его вертолету, в любой момент ожидая выстрела. Правда, в отличие от героя Бельмондо, Феодосий до своей машины дошел. И до дома доехал без приключений.

– Ты чего? Решил вернуться? – Мама знала, что сегодня он планирует ночевать у «подруги», как она элегантно называла его женщин.

Соня Менделеева «подругой» не была, но маме было простительно, потому что Соню она пока не знала. Феодосий был уверен, что это упущение очень скоро исправит.

– Да, планы изменились, – коротко сказал он. Не хватало еще пугать маму своими невесть откуда взявшимися неприятностями. – Как Наташка?

– Я нормально. – В кухню вбежала дочь, повисла на нем, как обезьянка, болтая руками и ногами, горячо задышала в ухо. – У меня уже нет температуры, и кашлять я стала меньше.

– Роза Михайловна приходила, Наташеньку послушала, сказала, в легких все чисто. Антибиотики назначать не надо, – отчиталась мама. – Сыночек, есть будешь?

При одной только мысли о еде Феодосию вдруг стало плохо. Так плохо, что лоб моментально покрылся испариной, а желудок подскочил к горлу.

– Нет, ты мне чаю налей, – сказал он и спустил дочь на пол, потому что ему вдруг стало тяжело ее держать. Так тяжело, что, того и гляди, уронит. – Устал я, мам. Так что чаю выпью и спать пойду.

– А ты не заболел? – Мама смотрела обеспокоенно. – Все-таки у Наташи грипп, мог и подхватить.

– Да здоров я, здоров. – Лаврецкий махнул рукой. – Весенний авитаминоз вкупе с некоторыми рабочими неприятностями. Надо просто немного отдохнуть. Кстати, в связи с этим предлагаю завтрашний день провести дома. Повалиться в кровати, посмотреть вместе кино, заказать мороженого и пиццу. Будешь пиццу, котенок?

– Буду. – Дочка снова повисла на нем, не в силах сдержать радость. – Ура-а-а, папочка будет целый день со мной. И мы закажем пиццу-у-у-у-у.

В сон Феодосий провалился, как будто в омут. Просто отключился в тот момент, когда голова его коснулась подушки, но в шесть утра воскресенья проснулся, как от толчка. Голова была ясной, тело легким и послушным. От вчерашнего морока, опутавшего мысли, не осталось и следа. Феодосий четко знал, что именно будет делать дальше.

Разумеется, никакая охрана ему не нужна, это все глупости. Первым делом нужно найти в подвале оставшийся с прошлых времен бронежилет. Пригодится, потому что глупо рисковать он не намерен. Сашка Веретьев прав, мама и Наташка без него не справятся, да и Соня тоже. Просто про Соню Веретьев не знал.

Затем нужно позвонить Игорю Махову, тоже бывшему сослуживцу, потом оперу, а теперь частному детективу, который, не привлекая внимания органов, но пользуясь их базой, благодаря старым связям быстро поможет распутать, что к чему. Если позвонить Игорьку с самого утра, то к обеду уже можно будет разобраться со всеми

делами и устроить Наташке обещанный совместный просмотр кинофильма.

Он принял горячий душ, спустился в спортивный зал, оборудованный в подвале, и сделал зарядку, поскольку его тело снова становилось боевым соратником и не могло подвести в минуту опасности. Второй душ был уже ледяным. И после него Лаврецкий с аппетитом позавтракал, радостно отмечая, что аппетит вернулся вместе с душевным равновесием.

– Ну, слава богу, не заболел. – Мама подкладывала ему блинчики с пылу с жару, и он ел их, щедро поливая медом. – А то я уж вчера заволновалась.

День катился своим чередом. Был найден бронежилет и снесен в машину втайне от мамы.

Приехал вызванный Игорь Махов, и они заперлись в кабинете, чтобы хорошенько все обсудить. Игорь остался на обед и шутил с мамой, которая была в прекрасном настроении и даже испекла грушевый пирог, с которым они все вместе выпили чаю.

Около трех часов, когда Махов отбыл восвояси, пообещав к завтрашнему дню уже изложить свои версии случившегося, Феодосий позвонил в службу доставки, заказал три самые любимые Наташкины пиццы, скачал фильм, который дочка давно хотела посмотреть, и набрал Сонин номер. Увидеть ее хотелось так сильно, что аж скулы сводило.

– Привет. – Голос у нее был грустный, хотя он мог голову отдать на отсечение, что Соня была рада его слышать. – Как твои дела?

– Как сажа бела, – отделался Феодосий старой, как мир, шуткой. Не говорить же ей, как у него дела на самом деле. – А твои?

– А я живу, как в плохом детективе. Полночи и все утро общалась с полицией. Феодосий, это ужасно, но в квартире моих соседей произошло убийство.

– Да, я знаю. Ты же мне рассказывала. – Он против воли напрягся, потому что потерей памяти Соня не страдала.

– Нет-нет. Моих соседей никто не убивал. Это вчера выяснилось, и Настя с Денисом как раз приехали, чтобы мне про это рассказать. Просто ночью в квартире Галактионовых убили моего научного руководителя, профессора Ровенского, и так получилось, что я его нашла.

Соня рассказывала Феодосию обо всем, что произошло с ней вчера, ночью и сегодня утром, а он слушал ее, напряженно размышляя.

Могло это быть совпадением или нет? Может быть, нападения на него все-таки связаны с теми странными делами, которые творятся в Сонином подъезде? За два с половиной миллиона долларов убить могут легко и непринужденно. Но при чем тут он, Лаврецкий? Он знать не знает ни о какой книге, да и про английского поэта Блейка имеет самое смутное представление. И все-таки два покушения на его жизнь случились после того, как он познакомился с Соней Менделеевой. Означает это что-то или нет?

Внезапно он услышал в трубке звон разбитого стекла и следом за этим испуганный вскрик Сони:

– Боже мой! Нет. Мамочки.

– Соня, что случилось? – заорал он так истошно, что на его крик прибежала с кухни испуганная мама.

– Пожар. Кто-то бросил мне в окно бутылку с горячей смесью, – сказала в ответ Соня и отключилась.

Феодосий выскочил в коридор, заметался, судорожно хватая то куртку, то ботинки, то ключи от машины.

– Мама, пиццу с Наташкой съедите сами, – бросил он ничего не понимающей маме. – Кино отменяется. Когда приду – не знаю.

Ужас гнал его по пустынным воскресным улицам так быстро, что на поворотах машина визжала и шла юзом.

Как только он выехал за ворота, он сразу вызвал пожарных, сообщив Сонин адрес, и теперь снова и снова нажимал кнопку вызова, но она не брала трубку. Воображение рисовало страшные картины, от которых Феодосий обливался потом.

Мелькнула и пропала мысль о том, что не было лучшего способа выманить его из убежища его собственного дома, чем бросить коктейль Молотова в окно Соне. Сейчас он не думал о своей безопасности, только о ее, а это значит, что в подъезде ее дома его вполне мог ждать неведомый убийца. Впрочем, даже это сейчас было неважно.

До Сониного двора он добрался минут за девять, не больше, хотя и это время показалось ему вечностью. Во дворе стояла пожарная машина, толпился народ, в окне второго этажа, там, где находилась

кухня, зияла большая черная дыра, однако языков пламени было не видно.

Феодосий выпрыгнул из машины, кинулся к спокойно стоящим пожарным.

– Вы почему ничего не делаете? Там же человек.

Пожарный смерил его оценивающим взглядом с ног до головы и вдруг усмехнулся:

– Этот ваш человек сделан из стали. И нервы у него, надо признать, крепкие. Пожар потушила самостоятельно, еще до нашего приезда.

– Как?

– А как в книжках учат. Одеялом. Когда в окно бутылка прилетела, хозяйка квартиры не растерялась, сбегала в спальню, притащила одеяло с кровати, накинула сверху, а затем полотенцем начала хлестать, пока огонь не потух. Ни водой не заливала, ни сквозняков не устраивала, все четко, по инструкции. Все бы так решительно действовали. Так что нам тут делать нечего. Сворачиваемся мы, а не бездействуем.

Феодосий устремился в подъезд, взлетел по лестнице на второй этаж, ворвался в квартиру, дверь в которую была открыта. Там тоже толпились люди, но он выхватил взглядом Соню. Целая, невредимая и относительно спокойная, она давала показания. Вот же молодец девочка.

Для Сони появление Лаврецкого не осталось незамеченным. Она чуть повернула голову, легонько кивнула, то ли сообщая, что она его видит, то ли отвечая самой себе на какой-то внутренний вопрос.

Он приехал. Он был здесь. Он бросился на помощь.

Феодосий в ответ улыбнулся, разве мог он не примчаться, когда за несколько дней эта женщина словно стала частью его самого.

Чтобы не мешать, он обошел квартиру, в которой ничего не изменилось со вчерашнего утра, когда он покидал ее после бурной ночи.

В комнатах царил порядок. Все вещи лежали на своих местах. Интересно, злоумышленник, закинувший бутылку с горючей смесью, осознанно выбрал кухню, зная, что хозяйка имеет привычку частенько там сидеть, рядом со своей любимой кофемашиной, или действовал случайно? А может, он и вовсе увидел Соню в окно?

Тогда получалось, что он не просто хотел устроить пожар, чтобы отвлечь Соню или его, Феодосия, от чего-то важного, а реально хотел нанести Соне вред? Убить? Но за что? Или неведомый преступник считал, что в ее квартире находится он, Лаврецкий? Так на кого же объявлена охота, на него или на Соню?

Постепенно народу в квартире становилось все меньше, и наконец Лаврецкий с Соней остались вдвоем. Она подошла к нему, уткнулась носом в грудь.

– Я так испугалась.

– Ты – герой. – Он поцеловал ее в теплую макушку, от которой пахло почему-то летом, солнцем, сохнущим в сарае сеном.

Представив ее на сеновале, он задышал тяжело, чуть приоткрыв рот, как запыхавшаяся собака, потому что ему остро захотелось на этот сеновал, с которого он не выпустил бы ее несколько дней, не меньше.

– Ты удивительная. – В его голосе было столько нежности, что Соня подняла голову, посмотрела прямо ему в глаза, в которых отражалась и нежность, и любовь, которая бушевала у него внутри. Впервые за столько лет. – Я не знаю другой такой женщины, которая не растерялась, не кинулась бежать, а вступила в борьбу с огнем и победила пожар, даже не вызвав пожарных.

– Я решила не медлить, – объяснила она. – Я знала, что ты догадаешься набрать 01, поэтому побежала за одеялом. Это моя квартира, здесь все напоминает о маме и папе, и я старалась спасти то, что мне дорого. У меня получилось, только линолеум немного прогорел. Жалко, я только в прошлом году сделала ремонт.

Она опустилась на корточки, погладила рукой черную, отчаянно воняющую дыру в полу и вдруг заплакала, громко, навзрыд, как плачут дети.

– Я постелю тебе новый линолеум. Прямо завтра, с утра. Только не плачь. – Феодосий принялся целовать ее покрытое слезами лицо. Губы его становились все настойчивее, потому что он не мог удержаться, такие сильные чувства она в нем вызывала.

– А стекло? Как я буду ночевать с дыркой в окне?

– А стекло вставим сегодня. Сейчас я позвоню на работу. Приедет специально обученный человек и все сделает. Вот только ночевать ты здесь не будешь. Тебе нельзя оставаться в квартире, потому что тот, кто кинул бутылку, может вернуться.

Соня посмотрела на него, и он не знал, чего больше было в ее взгляде – испуга или любопытства.

– А кто он, тот человек? – спросила она. – Я не понимаю, что вообще происходит вокруг меня. Такое чувство, что я втянута в какую-то криминальную драму, в которой мне отведена чуть ли не главная роль, но мне при этом забыли показать сценарий. Кто-то думает, что книга Блейка у меня? Но зачем тогда поджигать квартиру, ведь она может сгореть?

– А она у тебя? – зачем-то спросил Феодосий, хотя ему не было дела ни до какой книги. Единственное, что его интересовало, – это Соня.

– Разумеется, нет, – голосом оскорбленной добродетели ответила она.

– Ну, и незачем об этом думать.

Он встал и потянул ее за руку, поднимая с пола.

– Давай, собирайся. Надо позвонить Денису и рассказать ему, что случилось, а потом взять то, что тебе понадобится в ближайшие несколько дней. А я пока вызову стекольщика.

Сонин брат появился через двадцать минут, а вместе с ним девушка, с которой у него, кажется, наметился роман.

Лучший шеф-повар Лаврецкого был любвеобильным малым, и пассии у него появлялись и исчезали с регулярной периодичностью, однако сейчас, при беглом взгляде на эту пару, становилось ясно, что у них все серьезно. Серьезнее некуда. Почему-то от понимания этого факта у Феодосия поднялось настроение. У него тоже все было серьезнее некуда, и это казалось хорошим предзнаменованием.

Девушка по имени Настя квохтала вокруг Сони, ужасалась дырам в стекле и полу. Расспрашивала о деталях и восхищалась Сониной смелостью. Денис был мрачен и сосредоточен.

– Ты понимаешь, что это значит? – спросил он у Лаврецкого.

Тот отрицательно покачал головой:

– Нет. Я только знаю, что за последнюю неделю Соня нашла сначала трупы двоих соседей, а потом своего научного руководителя. При этом соседи умерли естественной смертью, а руководителя кто-то зарезал. Меня дважды пытались убить, а у нее сегодня подожгли квартиру.

– Про стрельбу я слышал, – сказал Денис. – Про второй случай нет.

– Подпилили гайки на колесах машины. Думал, хулиганы, оказалось, нет.

– Считаешь, что это связано? С Соней?

– А шут его знает, – честно признался Феодосий. – Может, да. Может, нет. Но я принял меры. Разберемся.

Денис кивнул, что принял к сведению.

– Ладно, заберу пока Соню к себе, – сказал он.

В голосе его Лаврецкий расслышал легкие нотки сожаления, потому что к себе он явно планировал увезти длинноволосую красотку Настю, а сестра, пусть и горячо любимая, этим планам явно мешала.

– Расслабься. – Феодосий хлопнул Дениса по плечу. – К себе Соню забираю я. У меня дом – крепость, впрочем, ты бывал, знаешь. Там ей точно ничего угрожать не будет. Ты только дождись, пока Веретьев стекольщика пришлет и тот стекло вставит. А потом запри квартиру и езжай по своим делам спокойно. Я же вижу, у тебя планы. – Он по-доброму усмехнулся. – Вот и у меня планы. Так что, будь добр, ты уж им не мешай.

– Феодосий, – в голосе подчиненного Лаврецкий расслышал металл. Его любимый шеф-повар не был размазней, и делали его из крепкого теста, того же, что и самого Лаврецкого, – она – моя сестра, самый дорогой для меня в жизни человек. И я просто хочу, чтобы ты знал, если ты ее обидишь, тебе несдобровать.

Феодосий Лаврецкий не терпел угроз. Да и мало в его жизни было людей, которые осмеливались бы ему угрожать. Еще меньшему числу людей это сходило с рук. Но сейчас он просто посмотрел Денису Менделееву в глаза и коротко ответил:

– Я знаю.

Минут через десять они с Соней уже покидали квартиру, в которой кипела работа. Присланный стекольщик аккуратно резал стекло. Денис и Настя о чем-то шептались, видимо, строя планы на остаток вечера и ночь. От предвкушения своей ночи у Феодосия жар струился по венам.

– Все взяла? – спросил он у Сони, забирая у нее из рук маленький чемоданчик, в который она сложила одежду, вызвавшие у него бурю умиления флакончики и какие-то папки, видимо, для занятий.

– Да, все. На пару дней хватит. А потом я все-таки надеюсь вернуться. Феодосий, я же смогу вернуться в свою квартиру? – Она тревожно заглянула в его глаза. – Меня же не вынудят сбежать из собственного дома.

– Ты сможешь вернуться, – твердо сказал он. – Правда, я надеюсь, что ты не захочешь от меня уезжать. А что касается этого мерзавца, то мы его вычислим. Это я тебе обещаю.

Они попрощались с Денисом и Настей, вышли на лестничную клетку, захлопнули дверь и нос к носу столкнулись с каким-то незнакомым Феодосию пожилым мужчиной. Тот при виде их в прямом смысле слова остолбенел.

– Ой, Владимир Петрович, добрый вечер, – дружелюбно сказала Соня.

– Сонечка, что случилось? – Мужчина ел Феодосия глазами, взгляд у него был сердитым, испытующим.

– У меня в квартире был пожар, Владимир Петрович. Кто-то бросил мне в окно коктейль Молотова.

– Господи, да что ж это за напасть-то такая на наш подъезд? – в сердцах сказал пожилой мужчина, видимо, тот самый сосед, который, как и Соня, был понятным. – Сонечка, ты хорошо себя чувствуешь? Ты куда собралась-то?

– Я пока к другу перееду, Владимир Петрович. Вы, кстати, познакомьтесь. Это Феодосий. А это мой сосед Владимир Петрович, он очень дружил с моими родителями и помог нам с Денькой, когда мы остались одни. Он – очень хороший человек.

Теперь Феодосий смотрел на мужика с большим теплом во взоре, хотя взгляд того оставался напряженным, колючим. Видимо, мужчина переживал за Соню. Так-то правильно, он же не знает, что Феодосий никогда ее не обидит.

– Вы не переживайте, Владимир Петрович, – сказал он. – Я присмотрю за Соней и гарантирую вам, что у нее все будет хорошо. А вы уж тут за квартирой приглядывайте, да и вообще, будьте на чеку. Вы, как я по выправке вижу, отставной военный? Это отлично, потому что времена нынче лихие. Беспокойные.

Соня помахала соседу рукой, и они с Феодосием начали спускаться по лестнице. Практически до самого низа Лаврецкий

спиной чувствовал прожигающий его взгляд старого офицера. Что ж, у Сони Менделеевой были защитники, с которыми придется считаться.

Глава восьмая

Жизнь изменилась так быстро, что Соня даже не очень успела осознать, как и в какой момент это произошло. Вот уже четыре дня она ездила на работу не из своей привычной родительской квартиры, а из отдельного дома, стоящего в «Сосновом бору» – элитном, очень тихом и уединенном поселке, находящемся практически в центре города и одновременно как будто в другом мире.

К дому, его звукам, запахам, чуть скрипящим ступенькам на лестнице и одной поющей половице в кухне, она привыкла очень быстро, как и к небывалой тишине за окном, нарушаемой лишь пением птиц по утрам.

Дочка Лаврецкого, десятилетняя Наташа, встретила Соню настороженно, точнее, немного удивленно, до этого ее отец никогда не приводил домой никаких женщин. Соня тоже чувствовала себя чуть неловко, потому что не имела никакого опыта в общении с детьми, но уже к концу воскресенья нашла с девочкой общий язык. Язык был английским.

Наташа ходила в языковую школу, но учеба давалась ей нелегко, а Соня быстро помогла справиться с неподдающимся домашним заданием, да еще объяснила все так понятно, что личико девочки просто сияло.

С Ольгой Савельевной Лаврецкой же отношения и вовсе сложились с первой минуты. Пожилая женщина, как услышала о приключившихся с Соней неприятностях, так сразу же взяла ее под свое крыло. Другими словами, так спокойно, как в этом доме, Соня, пожалуй, не чувствовала себя со времен смерти родителей.

В тот первый вечер они все вместе все-таки посмотрели какой-то фильм, совершенно не запечатлевшийся у Сони в памяти, потому что она еще только примеряла на себя этот дом и привычки его обитателей. А еще поужинали пиццей, заказанной в ресторане Феодосия, а потом пили крепкий, очень вкусный чай с мятой, все, даже Соня, впервые в жизни добровольно отказавшаяся от кофе.

Так незаметно наступила ночь, и случившиеся днем события казались далекими-далекими и от этого совсем нестрашными. Звук разбитого стекла, растекающаяся по полу маслянистая жидкость,

пылающая жирным огнем, звук рассекающего воздух полотенца, которым она хлестала по наброшенному на пламя одеялу, отвратительный запах горелого линолеума, разъедающий ноздри, еще всплывали в памяти, но тут же гасли, вытесняемые ароматом пиццы, звуком работающего домашнего кинотеатра, звонким голоском Наташи, ласковой улыбкой Ольги Савельевны, легким поцелуем в висок или ухо, которым то и дело одаривал ее Феодосий.

– А ты где будешь спать? – вдруг спросила ее Наташа. – У меня кровать широкая, так что поместимся, а если хочешь, папа тебе раскладушку принесет, у нас есть в подвале, я знаю.

Ольга Савельевна рассмеялась, а Соня застыла, не зная, что отвечать.

– Ну, уж нет, – пришел ей на помощь Феодосий, – спать она будет в одной кровати со мной. Ты уж, Наташка, извини, но я первый очередь занял. Зато, если ты будешь себя хорошо вести, завтра вечером Соня еще позанимается с тобой английским. Например, сочинение напишете, которое ты еще месяц назад сдать была должна.

– Хорошо, – покладисто согласилась девочка. – А раз Соня будет с тобой спать, значит, она теперь твоя жена? Как раньше мама?

– Ну, пока она не моя жена, но обязательно ею будет, – серьезно сказал Феодосий, а Соня почувствовала, что у нее запылала уши. – А пока Соня – моя невеста. Надеюсь, возражений нет?

– Ура-а-а, у нас будет свадьба. – Девочка запрыгала от радости на одной ножке. – И белое длинное платье я помогу Соне выбирать, и фату. И у папы будет жена, и у нас настоящая семья. Здорово.

От Наташиного энтузиазма Соне отчего-то было грустно. Девочка явно страдала от того, что жила без мамы, только с папой и бабушкой, но при этом не скучала по матери, а была готова заменить ее на постороннюю женщину уже в первый день знакомства.

Вспоминая своих родителей, Соня не верила, что такое вообще возможно.

Уже в постели она поделилась своими мыслями с Феодосием.

– Нина никогда не хотела иметь ребенка, – объяснил тот. – Она родила Наташку только потому, что я настаивал, умолял, унижался, обещал о ней заботиться и всячески помогать. Тогда еще в планах Нины не было развода, она собиралась сохранять свой семейный статус и выжать из него максимум материальной выгоды. Так что можно сказать, что Наташку я купил, как если бы Нина была не родной, а суррогатной матерью. Она не много времени проводила с дочерью. Материнство ее тяготило, и Наташка была для нее скорее средством достижения целей. С ее помощью она могла из меня веревки вить. А что при этом думает или чувствует родной ребенок, ее никогда не волновало.

– А если она захочет вернуться? Или вернуть Наташу?

Феодосий нехорошо усмехнулся.

– У нее ничего не выйдет, – жестко сказал он. – На меня работают хорошие юристы, поэтому у Нины больше нет никаких прав на дочь. По крайней мере, до тех пор, пока я жив. И хватит об этом. У нас есть более приятные темы для разговора. – И он притянул Соню к себе и

обнял так крепко, что она тут же забыла обо всем на свете, кроме его губ, рук и других, не менее важных частей крепкого, ладно скроенного мужского тела.

Так и текли дни. С утра Соня просыпалась в большой светлой спальне от поцелуя мужчины, успевшего стать самым главным в жизни. Спускалась в кухню, где у хлопчущей у плиты Ольги Савельевны уже был готов завтрак. Целовала взлохмаченную со сна Наташу.

По дороге на работу она завозила полностью поправившуюся девочку в школу, затем спешила на свои университетские пары, потом шла на курсы или ехала в офис Феодосия, где у нее были назначены занятия с его сотрудниками. При этом она обязательно забегала к Феодосию в кабинет, чтобы увидеть его улыбку, почувствовать губы на своей щеке или виске, нежное тепло ладоней на талии. Хмурость встречающей ее секретарши она замечала, но не придавала ей значения. Ну, не полтинник же она, чтобы всем нравиться.

В пятницу во второй половине дня занятий у Сони не было. Домой (надо же, как быстро она привыкла считать жилище Феодосия Лаврецкого своим домом) она особенно не торопилась, потому что сам Лаврецкий сегодняшней день проводил в командировке. Вместе с Денисом он с утра уехал в Москву – закупать оборудование для очередного нового ресторана, который он планировал открывать, и вернуться должен был не раньше полуночи.

Немного подумав, Соня решила заехать в свою квартиру, чтобы отобрать еще немного одежды.

В подъезде было тихо и почему-то сумрачно. Ну, надо же, а она уже и забыла о том, какие у них, оказывается, маленькие лестничные клетки. Да и внутри квартиры, в которой Соня провела больше тридцати лет, она то и дело натыкалась на углы, словно за четыре дня та в одночасье съежилась в размерах.

«Элементы красивой жизни, – мрачно пробормотала Соня фразу из какой-то то ли книги, то ли фильма. – Больно быстро ты, матушка, к роскоши привыкла. Гляди, как бы не пришлось потом отвыкать».

Ей действительно казалось, что вся ее прошлая жизнь с неудачным замужеством, годами одиночества, привычкой всегда и во всем полагаться только на себя осталась где-то далеко позади.

Феодосий настаивал, чтобы она бросила хотя бы одну, а лучше все свои дополнительные работы. Его расстраивало, что она «надрывается», как он это называл, но Соня отказывалась наотрез.

– Пойми, я не могу уйти из университета, – горячо объясняла она. – Это моя жизнь. Мне нравится преподавать, нравится работать со студентами. Я всегда мечтала быть преподавателем и шла к этой мечте, диссертацию писала. Не гожусь я в домохозяйки, понимаешь?

– Понимаю, – соглашался он. – Тогда курсы свои бросай. Тяжело же.

– Как я могу их бросить, если до конца потока осталось чуть меньше двух месяцев? Так никто не поступает. Мне нужно довести ребят до конца, а уже на следующий год принимать решение, брать новый поток или нет.

– Ответ – нет, – сообщил ей Феодосий.

– А в твоей фирме... ты же сам хотел, чтобы твои работники могли заниматься с хорошим преподавателем. Мы только начали. Группа такая хорошая. Им нравится, они учить язык хотят. Как мы им объясним, что учительница после первой же недели отказалась? Да еще потому, что она теперь живет с их директором и ей не нужны деньги. Феодосий, не унижай меня, я – не содержанка.

– Ты – не содержанка, а моя любимая женщина, – сказал он и поцеловал Соню в нос. – Ну, хотя бы от репетиторства по выходным откажись.

– Да у меня всего два ученика осталось. И то только до конца мая. С первого июня не будет у меня ни курсов, ни учеников. А пока надо выполнить все взятые на себя обязательства. Понимаешь?

Конечно, Лаврецкий ее понимал. Он и сам был таким – человеком, сшитым из чувства долга, как из одной большой, практически бескрайней простыни.

– Ладно. До первого июня потерплю, – нехотя согласился он. – Но имей в виду, что потом, когда я разберусь со всем, что происходит, я на тебе женюсь, и сначала мы уедем в свадебное путешествие, а потом ты родишь мне сына и будешь сидеть дома. По крайней мере, до тех пор, пока он не пойдет в детский сад.

От открывающихся перспектив, а точнее, от звучавшей в его голосе обыденности, с которой он говорил об этих самых перспективах, у Сони захватило дух, да так сильно, что она не

обратила внимание на его намерение с чем-то там разобраться. А если бы и обратила, то особо не удивилась.

Расследование убийства Ровенского шло ни шатко ни валко. По крайней мере, так говорила Настя, регулярно расспрашивающая о следствии как у своей матери, так и у ее приятеля, полковника Бунина.

Тело профессора обещали отдать семье в ближайшие дни, и весь университет готовился к похоронам, помогая безутешной вдове Ровенского. Соня мельком видела ее на кафедре, маленькую, враз совсем постаревшую, как-то усохшую и совершенно седую. Она не смогла заставить себя к ней подойти. Несмотря на то что Ровенский был не виноват в смерти Галактионовых, Соня все равно чувствовала какую-то гадливость по отношению к своему научному руководителю и стыдилась этого чувства.

Она быстро собрала необходимые вещи, прошла по отчего-то казавшейся чужой квартире, заглянула на кухню, блестящую новым оконным стеклом и ярким глянецом тоже нового, только на днях постеленного линолеума. Лаврецкий обещал его заменить и, конечно же, не забыл. Он никогда не забывал своих обещаний.

Соня кинула таблетку в кофемашину, нажала на кнопку. Машина зажужжала, знакомо, успокаивающе, о дно чашечки с надписью «Прага» ударила струя черного эспрессо, по кухне поплыл любимый аромат.

Соня взяла чашку, сделала глоток и вздрогнула от внезапного звонка в дверь. Это еще кто?

Она совершенно точно никого не ждала и вдруг испугалась. А что, если это пришел тот человек, который бросил ей в окно бутылку с горючей смесью? Или убийца Ровенского, который думает, что именно у нее в квартире спрятана книга Блейка?

Она отставила чашку, на цыпочках подкралась к двери и выглянула в глазок. Фу-у-у-у.

Соня рывком отперла дверь и ласково улыбнулась стоящему перед ней соседу.

– Здравствуйте, Владимир Петрович!

– Привет, Сонюшка. Пустишь?

– Да, конечно.

Она посторонилась, пропуская его в квартиру. Сосед зашел как-то боком, словно ему было неловко.

– Что же ты, Сонюшка, глаз домой не кажешь? Так сильно испугалась?

– Нет, дело не в этом, – сказала Соня. – Просто так получается, Владимир Петрович, что я переехала к своему другу.

– На время? Пока тут с убийством и с пожаром правоохранители наши не разберутся? – спросил он.

– Надеюсь, что навсегда. – Соне было немного неудобно, но она не могла сдержать ликующую улыбку, которая возникала на ее лице каждый раз, когда она думала о Феодосии Лаврецком. – Я, Владимир Петрович, замуж выхожу.

– За-а-муж... – В его прищуре появилось что-то нехорошее, волчье. – Это за того ферта, с которым я тебя в воскресенье в подъезде видел?

– Да он не ферт. Он – хороший человек. Дениса начальник. Владелец ресторанов. Например, «Бурраты», слышали, наверное?

– Что же ты, Сонечка. – Лицо соседа теперь выражало неприкрытое огорчение. – Неужели и ты на большие деньги купилась? Я же тебя знаю, девочка. Это все не для тебя. Душа твоя чистая, не сможешь ты с богатеем за деньги жить.

Соня и сердилась из-за подобной бесцеремонности, и была благодарна соседу, таким неумелым способом выражавшему заботу о ней. С момента смерти родителей он понемногу о ней заботился, делился охотничьими трофеями, чинил розетки, менял лампочки... Хороший был мужик Владимир Петрович, добрый и надежный. И сердиться на него не было никакого смысла.

– Да я же не из-за денег, – примирительно сказала она. – Понимаете, Владимир Петрович, так уж вышло, что я в него влюбилась.

Сосед, в который уже раз, поменялся в лице.

– Как это влюбилась? – спросил он. – С чего бы это?

– Ну, так бывает, Владимир Петрович, – засмеялась Соня и чмокнула соседа в щеку. – Люди иногда влюбляются друг в друга. Вы, наверное, просто не помните. Ой, извините. Я не хотела вас обидеть.

Она смутилась чуть ли не до слез и замолчала.

– Да ладно тебе, не извиняйся. – Сосед добродушно махнул рукой. – Я бобылем жил, бобылем и помру. При моей солдатской жизни никогда нельзя было быть ни в чем уверенным. Когда у тебя

пули над головой грохочут, какая уж тут семья. Да и потом тоже... Всю жизнь как по краю. Ты мне вот что скажи, Сонюшка. Ты правда сильно его любишь?

– Люблю, – сказала Соня и снова покраснела. – Владимир Петрович, вот я никогда не думала, что так бывает. Хотя и замужем была. Но я вот просто живу и знаю, если с Феодосием что-то случится, я жить дальше не смогу.

– С Феодосием, – задумчиво повторил любимое имя Владимир Петрович. – С Феодосием Лаврецким, значит.

– Ой, так вы его знаете? – почему-то обрадовалась Соня.

– Так кто ж его не знает? – Сосед снова нехорошо усмехнулся. – Да и зовут его не Андреем и не Олегом. Редкое имя у него. Ладно, Сонюшка, заболтал я тебя. Пойду. Я ведь просто так заходил, убедиться, что у тебя все в порядке.

– В полном, – заверила его Соня. – Вот что, Владимир Петрович, можно я у вас ключи оставлю запасные? Мало ли кто опять решит тут набедокурить, мне спокойнее будет знать, что вы в любой момент можете проверить, все ли в квартире нормально.

Сосед с готовностью согласился, она отдала ему запасную связку и заперла за ним дверь.

Собрав все необходимое, она с легкой грустью прошла по пустым и отчего-то тихим комнатам, где прошла практически вся ее жизнь. Сделав крутой поворот, жизнь уже вряд ли могла вернуться в прежнее русло, и Соня об этом не жалела, но детства и юности, оставшихся в этих стенах навсегда, ей отчего-то было немного жаль.

Она вспомнила счастливые глаза и округлившийся животик Лены Золотаревой, внучки Федора Ивановича, которая поздно вышла замуж, а сейчас ждала уже второго ребенка, и невольно скрестила пальцы на левой руке, как делала всегда, когда отчаянно чего-то желала и боялась сглазить одновременно. Может быть, и ей бог пошлет малыша, мальчика, обязательно похожего на Феодосия Лаврецкого. Впрочем, Соня тут же одернула себя за глупые мечтания.

В растрепанных чувствах, как в свое время называла подобное состояние души мама, Соня выскочила из дома и столкнулась с Арсением, парнем из соседнего подъезда. Столкнулась и даже перекосилась от омерзения. На его круглой физиономии было написано столько самодовольства, диссонировавшего с пустотой и

никчемностью в глазах, что ее даже затошнило немного. Ну, надо же, а ведь они ровесники и детские друзья с Денисом и при этом настолько непохожи, что просто диву даешься.

Всеми нервными окончаниями, которые сейчас иголочками выступали из кожи, отчего та горела и отчаянно чесалась, Соня понимала, что он тоже ее терпеть не может, но не может пройти стороной.

– Привет, Сонька, – поздоровался Арсений и сплюнул на асфальт. Его редкие волосы шевелил ветер, лысина, отчетливая, как у пятидесятилетнего мужика, просвечивала, обнажая гладкий череп. Соню мутило все сильнее. – Чего там у вас на детективном фронте слышно?

– На каком детективном фронте? – чуть заикаясь, спросила Соня.

Никак Арсений не мог знать про их с Настей доморощенное расследование.

– Ну, убийство же у вас в подъезде. Второе уже. – Арсений говорил, чуть растягивая слова. Словно с насмешкой. – Сначала Санек с папашей его безумным на небеса отправились за все их жизненные подлости. А сейчас и Модестович лапты склеил.

Произнесенное поганым ртом всеу имя ее покойного научного руководителя резануло слух так сильно, что Соня даже потеряла уши.

– Ты узнать что-то конкретное хочешь? – спросила она, еле сдерживаясь. – Так сформулируй конкретно, а то мне некогда.

– Любовник ждет? – все с той же издевкой спросил Арсений. – Так стара ты уже, Сонька, по любовникам бегать. Этот хмырь таких, как ты, может полвагона купить, оптом. Так что наиграется и бросит, как твой предыдущий сделал. Обрато домой приползешь. Раны зализывать.

– Да пошел ты. – Соня не терпела бранных слов, но сейчас они сорвались с языка раньше, чем она осознала, что именно говорит.

Повернувшись, она быстро пошла по дорожке к своей машине, словно стремясь убежать от поганца.

– А еще интеллигентную из себя строишь, – услышала она вслед. – Все вы одним миром мазаны. Профессора... Белая кость... Знатоки английской литературы... А как копнешь глубже, все ваше черное нутро вылезает. Благородных корчите, а перед смертью все равны. Ей по барабану, благородие ты или притворялся только.

Соня села в машину и захлопнула дверь, отсекая от себя противный голос, от которого ее трясло, как в лихорадке. Она не могла ехать в таком состоянии домой, к маме и дочери Лаврецкого.

Нужно было развеяться, и Соня решила заехать в супермаркет, самый большой и качественный супермаркет в их городе, который, как она знала, принадлежал отчиму Насти Пальниковой. Продукты там были недешевые, но качественные и очень свежие.

Соне резко захотелось манго, мягкое, сладкое, чтобы сок стекал по подбородку. Она представила, как они с Наташкой будут есть этот фрукт, и рот непроизвольно наполнился слюной, а глаза улыбкой.

Через пять минут она уже подъезжала к супермаркету.

Припарковалась, быстро зашагала ко входу, по дороге копошась в сумке, чтобы определить, сколько у нее с собой денег и какие еще «вкусняшки» она может прихватить, чтобы гастрономическим лекарством смыть осадок на душе.

Каблучки ее ботиночек стучали по уже полностью оголившемуся от снега асфальту. Соня шла, не глядя, продолжая рыться в сумке, и с размаху налетела на кого-то, чуть не упав.

– Ой, извините.

Она подняла голову и увидела перед собой молодого, небрежно одетого мужчину. Было в нем что-то смутно знакомое. Соня бы голову отдала на отсечение, что когда-то раньше с ним встречалась, но вот когда и при каких обстоятельствах?

В глазах у мужчины отразилось изумление, как будто он не ожидал ее увидеть, впрочем, быстро сменившееся страхом, чуть ли не паникой.

Соня отметила это краешком сознания, потому что уже торопилась дальше. Именно в этот момент у нее зазвонил телефон, это был Феодосий, и его ласковый голос, разогнавший серую хмарь дня, был сейчас самым главным, самым важным, что могло быть в жизни.

– Привет, – сказала она. – Как ты? Как твои переговоры?

– Закончились полной победой, – сказал голос Лаврецкого в трубке. – Мне так хотелось побыстрее расквитаться с делами и рвануть обратно к тебе, что я был чертовски убедительным. Сейчас мы с Денисом перекусим что-нибудь и выезжаем. Жди меня, хорошо?

– Жду, – засмеялась Соня. – Я тебя жду с того момента, как утром за тобой закрылась дверь. Сейчас куплю манго и поеду к Наташе. Мы

будем делать уроки, есть манго и ждать тебя.

– Я тебя люблю, – сказал Феодосий, и в голосе его было столько нежности, что у Сони перехватило дыхание.

Она не успела ответить, потому что он уже нажал отбой.

Соня механически продолжала идти ко входу в магазин, улыбаясь воспоминаниям о его голосе, а главное, в словах. Ей никто и никогда не говорил, что любит ее. Кроме мамы и папы, и еще, разумеется, Дениса. Даже первый муж умудрился жениться на ней, а потом прожить вместе два года, не используя этого выражения. Первый муж...

Соня остановилась как вкопанная, потому что осознала, что мужчина, которого она только что толкнула на улице, как раз и был ее первым мужем.

Что же это получается? Она его не узнала? Не узнала человека, с которым ходила в загс, два года спала в одной постели, считала близким и родным?

Еще совсем недавно она ни за что бы не поверила, что так бывает, что такое может быть, но факт оставался фактом. Все, что осталось в прошлой жизни, больше не имело значения, а потому было покрыто туманной дымкой, скрадывающей очертания предметов и явлений. Был ее первый муж Вадим, было огорчение по поводу его несовершенства, их расставания, незадавшейся жизни. И не стало. Вот и хорошо.

Стряхнув с себя любые мысли по поводу прошлого, к которому, несомненно, относился и противный сосед, Соня решительно вошла в магазин и зашагала к полкам с фруктами. Ее нынешняя жизнь была сладкой, яркой, сочной и счастливой.

* * *

Феодосий Лаврецкий был уверен в том, что человек может быть счастлив в любых обстоятельствах. Просто, в зависимости от этих самых обстоятельств, чувство счастья появлялось в результате запуска различных механизмов, вызывалось разными причинами и проявлялось по-своему.

К примеру, он хорошо помнил, что именно делало его счастливым в детстве. До сих пор он мог до мельчайших подробностей описать то зимнее утро, когда, проснувшись, обнаружил, что на часах уже восемь,

а это значит, что уроки уже начались, а его почему-то никто не разбудил. Он вылез из-под одеяла, ступил босыми ногами на ледяное дерево половиц, выбрался в гостиную, где горел свет и еле слышно, чтобы не разбудить его, бормотал телевизор.

Вкусно пахло оладьями, испеченными мамой к завтраку, и это было удивительно вдвойне, потому что обычно она пекла оладьи только в выходные. На неделе для этого нужно было вставать на полчаса раньше, и маму они с отцом берегли, предпочитая мужскую яичницу, которую папа жарил на сале, а Феодосий, когда была его очередь дежурить по кухне, просто на сливочном масле.

– Мам, ты что меня не разбудила? – с укоризной спросил он у матери, которая уже стояла в прихожей, накручивая поверх шубки сложный, очень теплый шарф. – Я же в школу опоздал.

– А тебе сегодня не надо в школу. – Мама сделала шаг, наклонилась, поцеловала его в макушку. Пахнуло приятными сложными духами и еще самой мамой, ее родным, ни с чем не спутываемым запахом. – На улице минус сорок три. По радио объявили, что уроки на сегодня отменяются.

Понимание, что в школу можно не ходить, а вместо этого остаться дома, одному, забраться обратно под одеяло, прихватив с собой чашку с чаем, тарелку с оладьями и розетку с клубничным вареньем, нахлынуло стремительно. А главное – можно было закончить книжку про графа Монте-Кристо, в которой и читать-то осталось всего ничего, но с вечера родители запретили, отправили спать, предусмотрительно позаботившись о том, чтобы сын втихаря не читал, накрывшись с головой одеялом. И от этого двенадцатилетний Феодосий стал так счастлив, что ему даже стало горячо голове и ногам, по-прежнему переступающим на холодном полу, и сердцу, трепыхавшемуся в груди.

«Затопило счастьем», – вот как про это писали.

И чувство счастья от того, что девочка, которая нравилась ему так сильно, что он начинал заикаться, согласилась с ним потанцевать, он хорошо помнил тоже. Это было классе в девятом, кажется. Имя этой девочки растворилось в памяти, стерлось за ненужностью, а вот ощущение счастья, чуть терпкого, головокружительного, кажущегося немного невероятным, осталось. Такое непохожее на восторг от возможности не ходить в школу, а остаться дома и читать интересную книжку, и в то же время такое знакомое.

Он был счастлив, возвращаясь с тяжелой и опасной спецоперации. Потому что был жив, потому что знал, что хорошо сделал свою работу, потому что глаз его был зорок, движения быстрыми, интуиция звериной, товарищи рядом. Он был счастлив, когда женился на Нине. Безумно счастлив, когда родилась Наташка, и свои ощущения в тот момент, когда он впервые взял ее в руки, он тоже забыл. Оно просто все время жило где-то внутри, рядом со счастьем от открытия первого ресторана, от побед Дениса Менделеева на престижном конкурсе, от обладания зданием под новый ресторан, отбитым у конкурентов в нелегкой борьбе.

Феодосий Лаврецкий умел быть счастливым, и сейчас счастье, новое, пока не очень изведенное и привычное, снова наполняло его целиком. И источником этого счастья была живущая в его доме Соня Менделеева.

При этом заботы и неприятности никуда не девались.

Игорь Махов неторопливо вел свое расследование, выясняя, кто именно уже дважды покушался на его жизнь. Полиция разбиралась с поджогом Сониной квартиры и убийством профессора Ровенского. Сотрудники ссорились и мирились, поставщики подводили, клиенты иногда бывали недовольны. Но все это ничуть не омрачало того счастья, которое опять, в который уже раз, заливало Лаврецкого с головой, потому что, как он справедливо полагал, все неприятности были обязательной частью жизни, а также платой за саму возможность счастья.

О нависшей над ним опасности он не забывал ни на минуту, стараясь подладить ритм бытия под необходимость быть осторожным. Он помнил о неведомом стрелке и никогда не выходил на открытые пространства. Носить бронежилет, скрывая его от мамы и от Сони, было непросто, но он старался, поскольку не терпел пустой бравады.

Он тщательно продумывал маршруты и никому не говорил о них заранее. Он проинструктировал учительницу в школе, что Наташу могут отдавать только ему или его заместителю Сашке Веретьеву. Он ездил только с водителем, запретив тому отлучаться от машины даже на пару минут.

Он, как мог, пытался уговорить Соню не ходить на похороны Ровенского. Отпускать ее одну было нельзя, а появляться в толпе при таком скоплении народу ему было опасно. Неведомый преступник мог

воспользоваться случаем, и Лаврецкому совершенно не улыбалось получить на похоронах шило в бок.

Соня категорично заявила, что на похороны научного руководителя пойдет во что бы то ни стало, и он, скрипя зубами, отправил с ней Дениса и все того же Веретьева. К счастью, все обошлось, вот только Соня возвратилась с кладбища какая-то тихая и задумчивая, а на все его расспросы отвечала только, что видела на похоронах человека, которому там совсем нечего было делать. И пояснить отказалась.

Феодосий, впрочем, и не настаивал. Все эти дни, безумно счастливые, максимально тревожные, он, что называется, спинным мозгом чувствовал, что за ним следят. Интересно, что опасения за свою жизнь он при этом не испытывал. Тот, кто ходил за ним по пятам, не собирался убивать. Он только собирал информацию. Это Феодосий ощущал своим внутренним чутьем, которое у него было воистину звериным. Вот только вычислить этого человека или заметить его не мог, как ни старался.

Слежка продолжалась чуть меньше недели, а потом вдруг пропала.

Лаврецкий и сам не мог объяснить, откуда он это знает. Просто в субботу вышел утром из дома, выехал за ворота и где-то на полпути до работы понял, что сегодня за ним нет хвоста. Из этого обстоятельства могли вытекать два следствия. Первое, маловероятное, что его наконец-то оставили в покое. И второе, малоутешительное, что неведомый преступник наконец точно придумал, где и как его убьет.

Феодосий снова прислушался к себе, в который уже раз убеждаясь, что страха внутри нет и предчувствия скорой смерти тоже. Что это значит? Планы его врага изменились? Или это Лаврецкий утратил свое знаменитое чутье, расслабившись от наслаждения, даруемого ему Соней? Нет, он был собран и мыслил четко. Голова его работала как часы, и в теле не было ни капли расслабленности, как будто он находился на спецзадании. Что тогда? Понимания не было, слезки и предчувствия опасности тоже. Странно.

Он доехал до работы, хотел было, плюнув на предосторожности, оставить машину перед входом, но не стал изменять заведенному самим же правилу – загнал за ворота. Вылез из машины, привычно

взглянув на слуховое окно дома напротив. Оттуда ему точно не могла больше грозить опасность. Сашка Веретьев хорошо знал свое дело.

Феодосий чуть усмехнулся, зашел в офис, поднялся по лестнице. В приемной, несмотря на выходной, поливала цветы так и не уволившаяся Светлана.

Подобная стойкость характера независимо от формы ее проявления всегда вызывала у Лаврецкого уважение, поэтому он улыбнулся девушке довольно доброжелательно. Поползновений в его сторону не делает, и ладно. Пусть работает дальше.

В ответ на его улыбку девушка дернулась, да так сильно, что вода из лейки потекла тонкой струйкой не в цветочный горшок, а на пол. И с чего это бы ей так нервничать?

Феодосий прошел в свой кабинет, повесил в шкаф куртку, сел за стол. Где-то в затылке опять возникло ощущение, нет, не опасности, скорее тревоги. Уж где-где, а в кабинете ему точно ничего не угрожало.

Феодосий осмотрелся по сторонам, чтобы понять, отчего у него холодеет затылок и свербит за грудиной. Так, в ЕГО кабинете совершенно точно был посторонний. Лаврецкий и сам не смог бы объяснить, откуда у него взялась такая уверенность, но в том, что здесь побывал кто-то чужой, не было сомнений.

Он вскочил со стула и прошелся по кабинету, медленно, как волк, поворачивая голову и внимательно осматривая все до мельчайшей подробности. Открыл все дверцы и выдвинул все ящики. Так, из шкафа со стеклянной дверцей исчезла початая бутылка коньяка и две рюмки. Из нижнего ящика тумбочки расческа, обычная пластмассовая расческа, которой он пользовался раз в год, не чаще. Из шкафа – фирменная жилетка с логотипом его сети ресторанов. Ее он надевал иногда, когда спускался на производство. Пожалуй, все. Хотя нет. Еще ботинки. Летние ботинки, которые он когда-то переделал, потому что промочил ноги, да так и оставил на работе. Интересно, кому и зачем понадобился этот странный набор.

В груди чесалось и свербило, потому что отгадка была совсем рядом, но хлопнула дверь, и Феодосий сразу отвлекся от своих размышлений, недовольно посмотрел на вошедшего. На пороге стоял начальник его IT-отдела, отвечающий за бесперебойную работу компьютерной сети и всего, что было с ней связано.

– Чего тебе, Костя? – недовольно спросил Лаврецкий, потому что загадка случившейся в его кабинете идиотской кражи волновала его сильнее, чем он готов был признаться даже самому себе.

– Феодосий Алексеевич, я тут небольшое расследование провел, – сказал тот тихо и решительно одновременно.

– Что ты сделал?

– После того случая со стрельбой на стоянке я решил проверить все компьютеры, – ответил Костя. – Вы мне, конечно, не поручали, но я решил, что в таком деле лучше, как говорится, перебдеть. Лично я не хочу, чтобы вас убили, вы уж извините. Вот и подумал, что каждый должен на своем месте смотреть в оба и шевелить мозгами. В общем, я все эти дни по вечерам оставался и по сетке компьютеры смотрел. Доступ у меня есть, так что, сами понимаете, не проблема.

– Ну и что, нашел что-нибудь? – спросил Лаврецкий с внезапно возникшим интересом.

Костя был человеком спокойным и немногословным. Если бы он ничего не нашел, то просто не стоял бы сейчас на пороге.

– Да как сказать. Про стрельбу или другие непотребства ничего не было. Врать не буду. Но вот инструкцию по изготовлению коктейля Молотова один из наших сотрудников искал. Причем довольно долго и обстоятельно. Не знаю, имеет ли это отношение к делу, но на всякий случай я решил доложить. Не хватало еще, чтобы у нас тут пожар устроили.

Феодосий сразу представил черную дыру на выжженном линолеуме Сониной кухни. Ей в окно как раз бросили бутылку с зажигательной смесью, и до сих пор полиция так и не нашла человека, который это сделал. Соседи видели убежавшего подростка в кофте с капюшоном, но кто это был, не было ни малейших догадок. Получается, к нападению на Сонину квартиру действительно имел отношение кто-то из компании Лаврецкого? И кто же?

– И в чьем компе ты это обнаружил? – Феодосий старался никак не выдать охватившего его нетерпения. Неужели совсем скоро он будет знать, кто тот негодяй, с которым связаны все неприятности последних недель?

– В Светином.

Феодосию показалось, что он ослышался.

– В чьем?

– В компьютере Светланы, вашего секретаря.

Лаврецкий озадаченно смотрел на Костю.

Светлана? Его пустоголовая вертихвостка-секретарша искала рецепт коктейля Молотова? Зачем?

Догадка, внезапно вспыхнувшая в мозгу, была такой очевидной, что Феодосий даже застонал от того, что не подумал об этом сразу.

– Света! – заорал он, подскочил к двери, шарахнул ею об стену так, что с потолка что-то посыпалось.

Секретарша уже не поливала цветы, а сидела за столом и при его появлении снова вздрогнула и задрожала всем телом, как преступник, застуканный на месте преступления. Если до этого Феодосий еще в чем-то сомневался, то теперь, глядя на ее жалкое лицо, больше не испытывал никаких сомнений. Пожар в квартире Сони устроила именно она.

– Это ты? – тихо спросил он, сдерживаясь из последних сил, чтобы не отправить кулак в это бледное, круглое кукольное лицо. – Это ты бросила бутылку Соне в окно? Только не отпирайся, я и так это знаю.

– Я. – Она скривилась и заплакала. Заскулила, словно выброшенный на улицу щенок. – Я ее ненавижу. Это она вас у меня отняла. Так все хорошо шло. Вы уже были мой, совсем мой, а она пришла и все испортила. По какому праву?

– Света, я тебе, кажется, ничего никогда не обещал. Я с тобой просто спал, потому что ты делала для этого все возможное. Я не оправдываю свое поведение, наверное, я – скотина, но я никогда не говорил тебе, что я тебя люблю. И в наших с тобой отношениях Соня ничего не меняет, потому что и отношений-то никаких нет. И не было. Она – женщина, на которой я женюсь, и в моей жизни больше никогда не будет таких, как ты. И никакие костры не могут это изменить.

– Ну, конечно. – В глазах Светланы полыхнул огонь ненависти. – Она – белая кость, интеллигентка, преподаватель в университете, свободно говорящая по-английски. Руки-веточки, шейка тоненькая, вот-вот гляди голова оторвется. А я – пролетариат. Куда нам до господ?

– Вот только классовых различий не надо, – усмехнулся Феодосий. – У тебя, насколько я помню, мама – учительница в школе, а папа – инженер на заводе. То, что ты книг не читаешь и предпочитаешь в секретаршах сидеть, а не карьеру делать, так это

только твои проблемы. Вот что, чучелко. В полицию я тебя сдавать, пожалуй, не буду. Жалко мне тебя, дуру. И маму твою жалко. Так что собирай свои манатки и убирайся отсюда. Вот только есть у меня к тебе одно предупреждение и один вопрос. Предупреждение касается того, что, если ты в своей поганой жизни хотя бы случайно подойдешь к Соне ближе чем на триста метров, я тебе ноги выдергаю. Ты меня знаешь, я не шучу. Ты в этом городе ни работы не найдешь, ни личную жизнь не устроишь. Запомнила?

Светлана затравленно посмотрела на него и кивнула.

– Молодец. А теперь вопрос. Быстро и обстоятельно рассказываешь, как именно ты это сделала.

Светлана судорожно подышала широко открытым ртом, успокаиваясь. Судя по всему, она осознала, что дешево отделалась, и спорить не собиралась.

– Вы сказали, что у вас встреча с женщиной. Я проследила и увидела, что вы в нашем кафе сидите с этой... – Она снова сделала глубокий вдох. – Потом на следующий день вы сказали, что влюбились. Я проследила за вами, вы поехали к ней домой. В общем, я выследила, в какой квартире она живет, и решила отомстить. Понятно, что я бы в жизни не осмелилась ей напрямую что-то сделать. Ударить там или кислотой облить. – Теперь передернулся Лаврецкий. – В общем, придумала бросить ей в окно коктейль Молотова. Нашла в Интернете рецепт, это не сложно оказалось сделать.

– Да уж, пара пустяков. Поджечь квартиру человека.

– Я ночью приехала. Во дворе никого не было сначала, и я все ходила по тротуару туда-обратно. Я не знала, в каком окне спальня. Да и вообще, страшно мне было. Думала, человек спит, даже не поймет, что происходит. Нечестно это, даже шанса на спасение не оставить.

– Да ты, Света, оказываешься, сострадание имеешь. – Ненависть бушевала в крови Лаврецкого так сильно, что он даже руки сунул в карман, чтобы не сжимать кулаки в бессильной ярости.

Картина, как эта дуреха ходит взад-вперед по тротуару, раздумывая, бросить ли ей адскую смесь в окно спящей Соне, стояла перед глазами.

– Будете издеваться, я рассказывать не буду. – Секретарша обиженно выпятила губу.

Айтишник Костик во все глаза смотрел на нее.

– Будешь, куда тебе деваться. Продолжай.

– В общем, не смогла я и ушла. Но потом всю ночь не спала и решила вернуться. Приехала днем. Смотрела с улицы, как она в окне ходит. Огляделась – во дворе никого, ну, я размахнулась, кинула и убежала. Звон стекла помню, а больше ничего.

– Слушай, Свет, а тебе хоть стыдно? – с любопытством спросил Феодосий.

– Стыдно? Нет, пожалуй, я свое защищала. – Девушка пожала плечами. – Но страшно, да. Мне все потом обожженные люди снились. Я прям спать перестала. Да и начала бояться, что меня найдут. Все-таки днем в окно меня соседи могли видеть. Я, конечно, в спортивное оделась и капюшон натянула, но все равно. Да и те, что ночью, тоже могли на меня внимание обратить.

– Те, что ночью???

– Ну, когда я в первый раз приезжала, темно было, пустынно. Спали все уже. Около полуночи это было, не меньше. Только было я собралась, как из соседнего подъезда парень вышел и в подъезд этой вашей проклятой Сони зашел. Я испугалась, что он меня заметит. Там во дворе такая будка стоит, водонапорная, я за ней спряталась. Подождала с полчаса, думала, вдруг он обратно пойдет, но он все не выходил. Я из своего укрытия вылезла, пошла поближе к окнам. Уже и бутылку снова достала, а тут во двор машина въехала. Такси. Я обратно за будку юркнула. Из машины вылез мужчина, пожилой уже такой, холеный, и тоже в тот же подъезд зашел. В общем, тут я окончательно струсила и домой пошла подобру-поздорову.

Феодосий слушал очень внимательно. По всему выходило, что Светлана видела, как в Сонин подъезд зашел профессор Ровенский, вскоре после этого убитый в квартире Галактионовых. Если так, значит, она была важным свидетелем, которого необходимо было предъявить полиции. Но как это сделать, не раскрывая роли самой Светланы в поджоге? Ситуацию нужно было серьезно обдумать.

– Так, а тот первый человек, ты говоришь, из соседнего подъезда вышел и в этот зашел? Он-то как выглядел?

– Ну, молодой такой. Высокий, тощий парень. А да, еще лысый сильно. Я удивилась, потому что странно так рано облысеть. Обычно это позже случается.

Смутное воспоминание шевельнулось у Феодосия в голове.

Молодой, высокий, худощавый парень с сильными залысинами подходил тогда к Соне на улице и успел ей нахамить. Соня сказала, что это друг детства Дениса, очень обиженный на жизнь. Кажется, она говорила, как его зовут. Арсений вроде. Точно, Арсений. И спрашивается, какое такое важное дело в соседнем подъезде погнало его ночью из дома?

Феодосий понял, что без Сони ему, пожалуй, в этом не разобраться. Вместе они лучше могли придумать, как передать ценную информацию полиции, не подставив Светлану.

– Вот что, – решительно сказал он. – Ты, Костик, свободен. Сам понимаешь, что о том, что ты тут услышал, распространять не надо. А ты, душа моя, иди собирать свои вещи, но пока не уходи. Слава Герострата тебе, конечно, не светит, но вот в расследовании убийства ты очень даже можешь пригодиться.

– Какого убийства? – испугалась Светлана. – Соня эта ваша же жива.

– К твоему счастью, да. Но дело сейчас не в ней. Тот пожилой человек, которого ты видела, той же ночью был убит. Поэтому все, что ты рассказываешь, имеет большой интерес для следствия. Так что я сейчас позвоню Соне, попрошу ее приехать, ты нам еще раз все расскажешь, заодно перед ней извинишься, а потом мы все вместе решим, что нам делать с этой информацией, чтобы тебя полиции не выдавать.

Светлана с поникшей головой поплелась в приемную, видимо, только сейчас осознав, в какие крупные неприятности вляпалась.

Плечи у нее тряслись от рыданий, но Феодосию ее было совсем не жалко. Он набрал номер Сони и быстро изложил ей все обстоятельства дела. Много времени это не заняло, потому что он умел вычленять главное.

– Я сейчас приеду, – сказала Соня. – Только надо еще Настю позвать. Она так мечтала провести свое собственное расследование, что просто грех лишать ее новых фактов. Да и с полковником Буниным она хорошо знакома. Думаю, он лучше подскажет, как сделать так, чтобы историю с пожаром замять. Жди, мы скоро будем.

Спустя двадцать минут она была уже в его офисе. Правда, одна.

– Странно, но я не могу дозвониться до Насти, – сказала она. – Телефон выключен. Я позвонила Денису, думала, они вместе, но он на

работе, и где Настя – не знает. Обещал ее найти и отправить к нам. Но ждать не будем. Мне кажется, что то, что твоя секретарь видела Николая Модестовича и Арсения, – это очень важно. Пойдем с ней разговаривать. А Настя найдется.

* * *

В комнате было темно. Придя в себя, Настя никак не могла понять, где находится, а главное – как она сюда попала. В памяти сохранились лишь отдельные всполохи воспоминаний.

В пятницу она ночевала у Дениса. Их первый раз, все-таки случившийся без малого неделю назад, был прекрасен. Денис был нежен и внимателен и сделал все, чтобы не напугать Настю, не причинить ей дискомфорт или, еще того страшнее, боль.

Он был очень смущен и удивлен, что стал для нее первым мужчиной, и потом признался, что даже не ожидал такого подарка. Насте не было ни больно, ни дискомфортно, ни страшно. И стыдно ей не было тоже, потому что все, что происходило между ней и Денисом, казалось настолько естественным, что не вызывало даже тени неловкости.

Сплетенье их тел было логичным продолжением возникшей внутренней тяги друг к другу. Обнимая Дениса, чувствуя его пальцы на своей коже, Настя не могла не думать о том, что, кажется, знает этого мужчину много-много лет, что они встретились давно, в другой Вселенной, и просто ненадолго расстались, чтобы снова найти друг друга спустя сотню лет, а может, и тысячелетия.

Они двигались, вздыхали, дышали в унисон, и не было ничего удивительного в том, что и блаженство накрыло их с головой тоже в унисон, но Настя все-таки удивилась, поскольку знала от подруг, что в первом любовном опыте мало приятного, и волшебного тоже мало. С ней же происходило именно волшебство, о котором писали в книгах, показывали в кино. И она радовалась тому, что дотерпела, сохранила себя до встречи с этим первым в ее жизни мужчиной, оказавшимся изумительным любовником, а также немного гордилась собой, что не подкачала, не осталась безучастной ледышкой.

В последующие несколько дней они выкраивали любую свободную минутку, чтобы остаться вдвоем. Это было непросто, потому что постоянно оставаться на ночь у Дениса Настя не могла.

Нет, мама бы не возражала, совсем наоборот, но пока Насте не хотелось посвящать маму в тайнство ее первой любви. Ей нравилось иметь эту маленькую большую тайну – появление Дениса в своей жизни, поэтому ночевать она возвращалась домой, и они оба с трепетом душ и тел ждали пятницы, когда можно было сказать, что Настя останется ночевать у Глаши Молчанской.

Именно так она и сказала, и вечером, который они вместе с Глашей провели в «Буррате», терпеливо дожидаясь, пока Денис освободится со смены, она поехала вместе со своим мужчиной к нему домой, и наконец впереди у них было не несколько часов, а вся ночь. И как точно знала Настя наутро, это была лучшая ночь в ее жизни.

Немного краснея от осознания собственной бесстыжести, она понимала, что была бы, пожалуй, готова не вылезать из постели еще и весь субботний день, тем более что поспать им удалось часа три от силы. Но суббота у Дениса была рабочая. В ресторане были проданы билеты на мастер-класс от шеф-повара, и неожиданно для самой себя Настя заявила, что тоже пойдет принимать в них участие.

В меню мастер-класса значились морковный крем-суп с уткой и соусом горгонзола, равиоли с креветками и кремом из цуккини, утиная грудка под соусом из красного вина и мусс «Амаретто» с шоколадом и малиной. Настя представила, как потом приготовит все это, к примеру, на мамин день рождения и как та удивится, что ее криворукая и явно неприспособленная к кулинарии дочь, оказывается, умеет неплохо готовить.

Мастер-класс начинался в час дня, а Денису нужно было приехать на работу к полудню, поэтому Настя решила использовать этот час с пользой и заехать домой переодеться. Она помнила, как садилась в машину во дворе Денискиного дома, как махала ему в стекло рукой, как включила зажигание, чтобы выехать из двора вслед за ним, и все. Дальше зиял провал, пелена, сквозь которую пробивался слабый запах какой-то химии.

При воспоминании о запахе Настю чуть не вырвало. Она вскочила с кровати, на которой, оказывается, лежала. Стены, темные враждебные стены начали наклоняться и падать на нее, так сильно закружилась голова.

Затошнило еще сильнее, и Настя на всякий случай поспешила снова лечь, при этом повернув голову набок, чтобы, в случае чего, не

задохнуться рвотными массами. Все-таки она хорошо училась в институте и такие мелочи знала.

Тошнота, впрочем, начала проходить, а сознание еще немного прояснилось. Скорее всего запах, теперь преследующий ее, был вызван каким-то отключающим сознание веществом, которое ей приложили ко рту и носу.

Значит, в ее машине на заднем сиденье сидел злоумышленник. Он дождался, пока Настя останется одна и сядет в свою машину, отключил ее с помощью какой-то гадости, сел за руль ее машинки и привез сюда. Зачем? И где находится то место, в котором она очутилась?

Не меняя положения тела, Настя пошарила вокруг себя руками. Ну, конечно, глупо было надеяться, что ей оставят телефон. Значит, позвонить она не сможет. Ни маме, ни дяде Ване, ни Денису.

Интересно, как быстро они ее хватятся? Мама считает, что она осталась у Глаши, а значит, может решить, что дочка вместе с подругой уехала к той на дачу. Впрочем, правило отзваниваться несколько раз в день Настя обычно соблюдала неукоснительно. Сегодня утром она маме тоже звонила, значит, та начнет волноваться и искать дочь не раньше вечера.

Кстати, а сколько сейчас времени? Часов Настя не носила, предпочитая обходиться теми, что были в ее айфоне. Вместе с отобранным телефоном ее лишили возможности не только позвонить, но и узнать, который час. Она распахнула глаза.

В комнате было по-прежнему темно хоть глаз выколи, однако кое-где пробивались узкие полоски света. Они означали, во-первых, что окна закрыты разохшимися деревянными ставнями, а во-вторых, что на улице еще светло, а значит, день.

Сделав этот важный вывод, Настя легонько вздохнула от усталости, словно разгрузила вагон. Так, думаем дальше.

Что будет делать Денис, не дождавшись ее на мастер-классе? Пожалуй, ничего. Он решит, что она передумала, осталась дома или отправилась куда-то по неожиданным и более важным делам. Пока он будет занят с посетителями, он не сможет ей позвонить, а значит, как и мама, начнет волноваться ближе ко второй половине дня. Больше же Настю и вовсе никто не хватится, поскольку Глашка знает о ее бурном романе, а остальные друзья, знакомые, родственники и коллеги и вовсе

не увидят в ее молчащем телефоне повода для беспокойства. Она же сама их приучила, что, когда занята, не берет трубку.

Второй сделанный вывод не внушал оптимизма. Получалось, что искать Настю еще долго никто не будет. Она снова легонько вздохнула.

Ладно, как понять, где она и кто тот человек, который сюда ее привез?

Она снова попробовала сначала сесть на кровати, а потом встать. Голова уже не кружилась, тошнота не начиналась, а потому Настя сделала несколько неуверенных шагов по комнате. Двигалась она по направлению к свету в щелях ставен. Там явно находилось окно. От него можно было попробовать обойти комнату по периметру, чтобы понять, много ли в ней мебели.

Она старалась двигаться бесшумно, чтобы похититель, если он был неподалеку, не услышал, что она очнулась. К встрече с ним Настя пока еще была не готова. Она сделала ровно пятнадцать шагов и уткнулась в холодное дерево подоконника. В доме вообще было холодно, нетоплено. Это Настя поняла только сейчас. На кровать ее положили в одежде, но сейчас она поняла, что замерзла. Зубы клацнули раз, другой, третий, и она сжала их, чтобы не издавать ненужного шума.

Повозив по окну руками, она поняла, что ставни, к сожалению, были снаружи, а значит, открыть их не было никакой возможности. Что ж, будем действовать в темноте. Она повернулась боком к окну, коснулась пальцами стекла и пошла вдоль стены. Штора, затем почти сразу угол, обшитый деревом.

Настя послушно повернулась и побрела вдоль второй стены, где обнаружился резной буфет, столик, покрытый кружевной салфеткой, стоящий на нем телевизор, старый патефон со стопкой пластинок.

У третьей стены стояла та самая кровать, с которой она только что встала, металлическая, с шишечками на спинке, деревянный стул с высокой спинкой, сразу за которым обнаружилась дверь. Естественно, запертая. Рядом с дверью Настя нашла выключатель и, затаив дыхание, повернула рычажок, впрочем, тут же разочарованно выдохнув. Света не было. У четвертой стены располагалась обычная деревенская печка, простая, без модных сейчас изразцов, беленая и, конечно, нетопленая. Если она все понимает правильно, то в центре комнаты стоит большой стол со стульями. И все. Больше в комнате ничего нет.

Проведенная экспедиция не давала ни малейшего представления о том, что это за комната. Ни у кого из Настиных знакомых не было такого деревенского дома, и она могла голову отдать на отсечение, что никогда раньше здесь не была. Кто ее похитил? Зачем?

Тем же путем, чтобы нечаянно ни на что не наткнуться и ничего не уронить, Настя вернулась к кровати и ощупала ее. Кровать оказалась застелена постельным бельем, причем очень мягким и качественным. Очень странно. Такого белья не могло быть в холодном, обесточенном и давно не топленном доме. Не могли же его принести специально для того, чтобы ей, Насте, было комфортнее в ее вынужденном заточении. Глупость. Бред. Полная ерунда.

Впрочем, под одеялом явно было теплее, поэтому, преодолевая легкую брезгливость, Настя залезла под него, завернулась поплотнее, села, по-турецки поджав ноги. В этой позе ей всегда лучше думалось.

Итак, кому она могла понадобиться? Среди ее друзей и знакомых не было людей, способных на такую дурацкую шутку. В адвокатской конторе Аркадия Ветлицкого она точно не имела отношения ни к одному из громких дел, которые бы требовали ее устранения. Единственная криминальная история, в которую она оказалась втянута, причем по собственному желанию, была связана с «нехорошей» квартирой Галактионовых, куда она недавно влезла и где произошло убийство.

Итак, тот, кто привез ее сюда, связан со смертью профессора Ровенского? Может быть, этот человек думает, что Настя что-то знает о прижизненном издании Блейка? Считает, что она стащила книгу, когда залезла в квартиру? Что ж, тогда надо решить, что ей выгоднее: убедить злоумышленника, что она знать ничего не знает ни о какой книге или что книга действительно у нее, но она отдаст ее только в обмен на свою свободу?

Впрочем, ответить сама себе на этот вопрос Настя не успела.

За дверью послышались шаги, тяжелые, мужские, и она зажмурилась, смиряясь с неизбежностью того, что дверь откроется. На мгновение мелькнула мысль, что все происходящее – шутка, что за дверью окажется Денис, который обнимет ее и скажет, как классно он ее разыграл.

– О, очнулась, – услышала она низкий мужской голос и распахнула глаза.

Голос принадлежал не Денису.

Кромешную тьму теперь слегка рассеивал свет из открытой в коридор двери. Впрочем, и это продолжалось недолго, потому что вошедший обстоятельно запер дверь за собой.

– В мои планы не входит, чтобы ты сбежала, – сообщил он.

– Вы кто? Что вам нужно?

Как Настя ни старалась, ее дрожащий голос звучал испуганно, в полном соответствии с ситуацией. И как это у героинь дурацких романов получается проявлять смелость?

Насте было страшно, и скрыть это не получалось хоть ты тресни.

– Кто я? – Мужской голос звучал задумчиво. Его владелец не предпринимал никаких попыток подойти к кровати, на которой сидела Настя.

Вместо этого он приблизился к печке, загремела заслонка, глухо застучали складываемые дрова, зашуршала бумага. Значит, он собирается развести огонь. Это хорошо, во-первых, станет теплее, а во-вторых, при свете огня можно будет разглядеть своего похитителя.

– Я – человек, который хорошо делает свою работу. Только и всего.

– И какая у вас работа? Топить печи? Похищать людей? Меня кто-то заказал? За что? За выкуп?

Мужчина сдержанно засмеялся, словно оценил шутку.

– А ты – любимая наложница султана Брунея? Думаешь, за тебя могут дать выкуп? Ты – обычная девушка из известной, но далеко не самой состоятельной в городе семьи. Денег за тебя много не получишь, а вот шуму твоя история может наделать изрядно. А в данном случае это именно то, что нужно.

Настя чувствовала себя совершенно сбитой с толку. Ее украли ради шумихи? И что это дает?

– Ты уж извини, – говорил между тем мужчина.

Чиркнула спичка, заплясал огонь за открытой заслонкой. Неровные отсветы пламени ложились на пол, на стены, на лицо сидящего на корточках человека. Настя точно знала, что никогда раньше его не видела.

– Ничего личного у меня против тебя нет. Так уж получилось, что именно ты лучше всего укладываешься в сценарий.

– В какой сценарий? – Голос звучал еще более жалобно, и Настя внезапно разозлилась на себя, на свой страх.

– Видишь ли, мужчины иногда убивают своих несговорчивых любовниц. Тех, кто не готов по-хорошему расстаться. Или тех, кто, наоборот, принимает решение поменять своего мужчину на другого. Если мужик – настоящий самец, он не прощает предательства.

Настя смотрела на него как на сумасшедшего.

– А вы меня ни с кем не перепутали, – уточнила она, – это я – ваша бывшая любовница? Это вы собираетесь меня покарать за то, что я предпочла вам другого?

– А при чем здесь я? – настала пора удивляться уже мужчине. – Тебя убьет Феодосий Лаврецкий.

– Что-о-о-о? – Насте показалось, что она ослышалась.

– Ну да. Ты ему изменила, предпочла ему повара из его собственного ресторана. Такое унижение.

– Но у меня никогда не было романа с Лаврецким! – воскликнула Настя. – И вообще, он влюблен в сестру повара своего ресторана, если использовать ваши определения.

– Мужчины – существа скотские. – Похититель усмехнулся. Нехорошо, недобро. – Для них одновременно крутить романы с двумя, а то и с тремя барышнями – дело привычное. Так что этим Лаврецкий уж точно никого не удивит. У него слава знатного бабника. Так что одну любовницу он убьет и за это сядет. А у второй глаза раскроются, какого подлеца она выбрала. Вот и весь расклад.

– Так как я ни за что не поверю в то, что Лаврецкий собирается меня убить, значит, это планируете сделать вы и свалить на него. – Из голоса Насти отчего-то пропала дрожь. Ей вдруг перестало быть страшно. Только противно. – Вы так сильно его ненавидите, что ради этого готовы убить человека? Что он вам сделал?

– Мне? Совершенно ничего. – Мужчина отошел от печки, дошагал до середины комнаты, достал из кармана лампочку, ввернул ее в патрон, одиноко висевший под потолком, шагнул к выключателю на стене, щелкнул им. Неровный свет залил комнату, и Настя с непривычки зажмурилась от его ударившей по глазам яркости. – Я же говорю, работа у меня такая. Я взял заказ на устранение Феодосия Лаврецкого. Понятно, что я бы предпочел избавиться от него, а не от тебя, потому что ты тут совсем ни при чем. Но так уж сложились

обстоятельства, что убить его я не могу. Поэтому убью тебя. А сядет он.

– Никто никогда не поверит в то, что это он меня убил, – сообщила Настя. – Вы не все учли. К примеру, то обстоятельство, что я никак не могла быть его любовницей. Денис Менделеев – мой первый мужчина и знает об этом.

Мужчина рассмеялся, словно закричал по-утиному.

– Ух ты, какая ты несовременная. Но, впрочем, какая разница. Ты шефу не дала, а его подчиненному дала. Тоже, знаешь ли, повод, чтобы сначала попробовать взять тебя силой, а потом из-за сопротивления убить. Хорошо, что ты мне про это сказала, теперь придется внести некоторые детали в сценарий.

Видимо, на Настинном лице снова отразился ужас, потому что он поспешил ее «утешить»:

– Нет, насиловать тебя я не буду. Мне это не в радость, и свой биологический материал я в этой комнате оставлять не намерен. Тут найдут только твои отпечатки, пальчики Лаврецкого и следы твоего сопротивления. Все.

Только сейчас Настя обратила внимание, что поверх его зимних ботинок, крепких, военного образца, были натянуты медицинские бахилы, а на руках красовались резиновые перчатки. Мужчина и впрямь собирался не оставлять следов. Он посмотрел на часы и сел на один из стульев в центре комнаты.

– Время у тебя еще есть, – буднично сказал он. – Комната должна протопиться до нужной температуры. Да и Лаврецкому еще предстоит сыграть в этой пьесе свою роль. А пока давай перекусим. Ты есть не хочешь?

Наклонившись, он вытащил из сумки, которую, оказывается, принес с собой, несколько упаковок с нарезанной бужениной, сырами, хлебом. Упаковки, как заметила Настя, были из магазина дяди Гоши, мужа ее мамы. Это был самый дорогой городской супермаркет, и продукты, которые сейчас красовались на столе, были очень похожи на стандартный набор, который обычно берут на свидание с дамой. Посредине стола была водворена бутылка коньяка, отчего-то початая.

В основательности, с которой ее похититель готовил сцену для ее будущего убийства, было что-то жуткое и завораживающее одновременно.

В комнате становилось все теплее, и Настя понимала, что это для нее означает. Скоро она умрет. Мама будет плакать, и Денис, наверное, тоже. И Глашка. Жаль, что первую в этом году листву она уже не увидит. И вкусный ужин на день рождения мамы не приготовит. И английский до совершенства не доведет. Какое счастье, что перед смертью Бог дал ей испытать, что такое любовь. Некоторые проживают длинную унылую жизнь, так и не узнав, что это такое. А она, Настя, узнала.

Ей было немного жаль Феодосия Лаврецкого, которому предстояли серьезные неприятности.

Глядя на хлопчущего у стола мужчину, Настя понимала, что тот сплел серьезную паутину доказательств, запросто не выпутаешься. И Соню ей было жаль тоже. Что, если та поверит? Что, если разочаруется в мужчине, которого полюбила?

На минуту представив себя на ее месте, Настя передернула плечами. Поверить, что Денис домогался другую женщину, а потом, не получив желаемого, убил ее, она бы не смогла. А если бы все доказательства были против него? Как пережить подобное? Нет, уж лучше смерть, которую приготовил для нее этот мужчина с безжалостными глазами.

Глава девятая

Светлана уже рассказала все, что знала, и Лаврецкий, сжалившись над несчастной страдальницей, отпустил ее восвояси, предупредив, что дать показания в полиции все же придется.

– Наверное, надо позвонить тому полковнику, который к тебе приезжал, – сказал он Соне. – Или ты все-таки считаешь, что надо подождать Настю?

– Можно и не ждать, – рассеянно ответила Соня.

Информация о том, что пожар в ее квартире устроен вечно недовольной секретаршей из приемной Феодосия, принесла и облегчение, и неприятный осадок одновременно.

Облегчение было вызвано тем, что поджог был никак не связан с убийством профессора Ровенского, а также пониманием, что больше ей и ее квартире ничего не угрожает. Осадок – осознанием того, что эта молодая женщина с толстыми ляжками, накачанными губами и упругой грудью была любовницей Феодосия, и в этом крылось что-то

неизбывно пошлое. А Феодосий до этого момента никак не ассоциировался у нее с пошлостью.

– Мужчины примитивны, и я не исключение, – сказал он, словно прочитав ее мысли. – Мы берем то, что легко идет в руки. Но ценим только то, что нам приходится завоевывать. Соня, я – мужчина, и я уже несколько лет живу один. У меня были женщины. Много. В основном такие, как Светка, не заставляющие думать и чувствовать. Но это в прошлом, потому что сейчас у меня есть ты, и я никогда не рискну тебя потерять.

– Я не ревную, – тихо сказала Соня. – Это глупо – ревновать к прошлому. Мне просто неприятно, но я это переживу.

– Я виноват в том, что случилось в твоей квартире.

Соня махнула рукой, давая понять: «все, проехали».

– Наверное, надо позвонить Бунину, – сказала она, чтобы закрыть неприятную тему. – Он оставил мне свой телефон. Давай не будем ждать Настю. Мне кажется, что это очень серьезно.

Она достала телефон и начала рыться в записной книжке, но набрать номер не успела.

Дверь кабинета распахнулась, и в него ввалился взъерошенный Денис, одетый в джинсы и поварскую куртку, которую никогда не носил за пределами ресторанной кухни. Выглядел он так дико, что Лаврецкий моментально встревожился.

– Что случилось, Денис? – спросил он.

– Настя пропала, – ответил тот и скривил рот, словно сдерживая рвущиеся изнутри рыдания. – Она должна была прийти на мой мастер-класс и не пришла. Сначала я не встревожился, потому что у нее вполне могли поменяться планы, тем более что она не увлекается готовкой. Но потом Соня позвонила и попросила ее найти, потому что у Насти не отвечал телефон. Я начал ей звонить, но телефон действительно был вне зоны доступа. Тогда я позвонил ей домой. Ее мама не знала, что Настя провела ночь со мной, и была немного удивлена, что у Насти, оказывается, есть друг. В общем, она понятия не имеет, где Настя, и та не приезжала домой, хотя, когда мы расстались, собиралась именно туда. Ребята, случилось что-то страшное.

– А ты не преувеличиваешь? – аккуратно спросил Лаврецкий. – Ну, передумала девчонка, поехала не домой, а к какой-нибудь

подружке, а телефон просто сел.

– Ее мама позвонила Аглае, это Настина подруга. Считалось, что Настя проводит ночь у нее, а не у меня, поэтому та сначала вообще начала что-то врать, но потом поняла, что дело серьезно. Настя звонила ей с утра, от меня, так же как и маме. И все, больше она на связь не выходила. И телефон у нее сесть не мог, потому что она совершенно точно заряжала его всю ночь.

– Денис, ну, у молодой красивой женщины могут быть разные обстоятельства, по которым у нее выключен телефон, – начал Феодосий, но замолчал, потому что Соня весьма ощутимо шлепнула его по руке.

– Денис, я считаю, что ты прав и с Настей действительно произошла какая-то неприятность, – мягко сказала она. – Я не очень хорошо ее знаю, но убеждена, что она не может обманывать. Кроме того, она излишне рьяно интересовалась убийством Николая Модестовича и могла привлечь к себе внимание убийцы. Поэтому мы сейчас, не медля ни минуты, позвоним полковнику Бунину.

– Ему уже позвонила Настина мама. – В голосе Дениса звучало страдание.

– Да, но мы владеем информацией, которая может помочь найти Настю.

Они позвонили Бунину, и Соня быстро и последовательно рассказала тому все, что они узнали от Светланы. По мере рассказа Денис менялся в лице.

– Если это Арсюха, то я его убью, – сказал он наконец, когда Соня договорила и отключилась. – Если выяснится, что он тронул хотя бы волос на Настинной голове.

– Бунин велел ехать к нашему дому, – быстро сказала Соня. – Так как речь идет о безопасности Насти, он хочет сначала переговорить с Арсением сам. Поехали.

До Сониного дома они доехали минут за десять. Денис был бледен. Соня то и дело поглаживала брата по руке, призывая не волноваться.

Машина полковника уже стояла во дворе, рядом с ним сидела красивая, огненно-рыжая женщина чуть за сорок. Журналистка Инесса Перцева, мать Насти Пальниковой. Ее лицо тоже было бледно, хотя и невозмутимо.

– Так, еще раз быстро излагайте факты, – коротко сказал Бунин.

– Моя секретарша ночью, когда было совершено убийство Ровенского, приезжала сюда, чтобы бросить бутылку с зажигательной смесью в окно Сониной квартиры, – быстро и четко доложил Феодосий. – Сначала она не могла решиться, а потому отсиживалась вон там, за водонапорной будкой. Оттуда она увидела, как из соседнего подъезда вышел молодой человек и зашел в подъезд, в котором живет Соня и жили Галактионовы. По описанию сначала я, а потом и Соня опознали молодого человека как Арсения Воеводина, детского друга и одноклассника Дениса. Спустя какое-то время во дворе появился второй мужчина, которого моя секретарь описала как Николая Ровенского. Он тоже вошел в подъезд, где его и убили. Мы считаем, что эти два факта взаимосвязаны. А Арсений Воеводин – и есть тот человек, который убил Ровенского.

– Я видела его на похоронах Николая Модестовича, – добавила Соня. – И очень удивилась. Они не могли быть знакомы, но тем не менее Арсений пришел на эти похороны.

– Он – двоюродный племянник Ровенского, – сказал Бунин. – Это обстоятельство мы уже успели выяснить.

– Как?

– Его мать – двоюродная сестра профессора. Воеводины жили бедно и неоднократно обращались к Ровенскому за помощью. А тот отказывал. Говорил, что каждый сам пробивает свою дорогу в жизни. Ладно, пошли. Будем надеяться, что он дома.

Они зашли в подъезд, где жил Арсений, поднялись на нужный этаж, нажали на кнопку звонка.

За дверью послышалось шлепанье босых ног, затем дверь открылась, и на пороге возник сам Арсений, в трусах и мятой футболке. В изумлении он уставился на незваных гостей.

– Оба-на, нежданчик, как говорится. Каким ветром вас ко мне занесло?

– Где Настя, сволочь? – Денис кинулся в атаку, ворвался в коридор квартиры, чудовищно захламленный и грязный, прижал Арсения к вешалке с одеждой, схватил за горло. Тот заскулил и начал вырываться.

– Э-э-э, молодой человек. – Бунин переступил порог, железной рукой оторвал Дениса от его нечаянной жертвы, толчком в спину отправил Арсения в сторону кухни. – Мы там можем поговорить?

– О чем? – Парень испуганно озирался, видимо, не понимая, от кого ему грозят большие неприятности – от Дениса с его бешеными глазами или от этого спокойного внешне человека, глаза которого выражали лишь железную волю. А тут еще и Сонька со своим ухажером.

– Когда вы в последний раз видели Настю Пальникову?

– А кто это? – Арсений шлепнулся на табуретку, жалобно смотрел на всех остальных снизу вверх. – Я не знаю никакой Насти.

Инесса Перцева достала телефон, пощелкала кнопками, поднесла экран к лицу Арсения.

– Это моя дочь. Вы знаете, где она?

– Нет, почему я должен это знать? Я ее никогда в жизни не видел.

– Потому что она догадалась, что это ты убил Николая Модестовича, – бухнула Соня. – Не знаю как, но догадалась. Ты и ее убил, да?

– Да вы с ума сошли, что ли? Не убивал я никакую Настю... Я понятия не имею, кто она.

– А Ровенского убил, да? Есть свидетели, которые видели, как в ночь убийства вы заходили в соседний подъезд незадолго до профессора. Что произошло в квартире? Отвечать. Быстро! – скомандовал полковник Бунин.

– Я не хотел его убивать. – Голос Арсения звучал плаксиво. – Я просто хотел найти книгу.

– Прижизненное издание Уильяма Блейка?

– Да. Дядя сам меня попросил взломать квартиру. Он бредил этой книгой. А я решил, что лучше сделаю это сам. У него и так все есть, а я в нищете прозябаю всю жизнь.

– В разговоре со мной ты называл Ровенского Модестовичем. Я еще удивилась, что ты с такой фамильярностью отзываешься о незнакомом человеке. А еще ты говорил, что некоторые трясутся над своими книгами. Я тогда решила, что ты Галактионовых имеешь в виду, а ты рассмеялся, что не у них одних в доме книги и что в городе есть и другие старые пердуны. И недавно расплылся в ненависти ко всем интеллигентам. Как же я не догадалась. Это ты своего дядю имел в виду.

– Так старый пердун и был, – сказал Арсений. – Подлый и жадный. Хотел, чтобы я опечатанную квартиру взломал и книгу ему

нашел. Хорош был чужими руками жар загребать. Сто тысяч рублей мне обещал. Сто тысяч. А я залез в Интернет да посмотрел, сколько эта книга может стоить. Два с половиной миллиона долларов, вот сколько. Скотина жадная. За жадность свою и поплатился.

– Давай уже, рассказывай, – велел Бунин, и Арсений, торопясь, глотая слова и размазывая слезы по щекам, рассказал.

Своего дядю-профессора Арсений не любил. Тот, будучи мужиком нудным, помогать двоюродному племяннику не спешил, и сколько раз Арсений ни обращался за деньгами, столько раз получал отказ, сопровождаемый к тому же нравочениями, как надо жить. Нравочений молодой человек не терпел, а потому общение с неприятным родственником свел до минимума. В последние лет пять они практически не встречались.

Каково же было удивление Арсения, когда около года назад он встретил Ровенского в своем собственном дворе.

– Ты к матери приходишь? – спросил он у родственника. – Поругались, что ли, ты чего такой перекошенный?

На профессоре действительно не было лица, только прыгающие губы, которые он никак не мог унять, и безумные, полубольные глаза.

– Нет, я не от вас, – выговорил он. – Я тут был по делу. В соседнем подъезде.

– Вот уж не знал, что у тебя в нашем доме друзья живут, – хохотнул Арсений.

– Друзья? Ты лучше скажи, смертный враг. Чтоб он сдох, паскуда. Мерзавец. Вор. Мошенник.

И с этими словами Ровенский махнул рукой и ушел, даже не оглянувшись на племянника, словно забыв о его существовании. Впрочем, Арсения не смутило, что он ничего не понял из сбивчивой речи родственника, а потому практически сразу забыл об этой случайной встрече, даже не сочтя нужным рассказать о ней матери.

В следующий раз он увидел Николая Модестовича спустя год, когда весь дом судачил о найденных телах отца и сына Галактионовых. Появившийся на пороге квартиры Ровенский снова нервничал, но в этот раз речь его была более связной. К племяннику он пришел с предложением.

Ровенский был готов заплатить сто тысяч рублей, если племянник сумеет пробраться в опечатанную квартиру в соседнем подъезде и

поищет там книгу, которая принадлежит Ровенскому, но по ошибке оказалась у его заклятого врага. Сделать это следовало до того, как в квартире объявятся возможные наследники.

Сначала Арсений поднял дядю на смех. Влезать в опечатанное жилище, где совсем недавно нашли двух покойников, он не стремился. Однако денег хотелось, и он начал сомневаться. Хорошенько выспросив дядюшку о том, какую именно книгу следовало найти, парень произвел нехитрые изыскания в Интернете, понял, что на самом деле представляет собой прижизненное издание Блейка, а потому принял решение все-таки рискнуть, правда, ничего не говоря Ровенскому.

Отдавать тому Блейка парень не собирался, разумно полагая, что главное – найти книгу, а уж как и кому ее продать, он обязательно придумает позже. Выждав несколько дней, когда, как ему казалось, интерес к нехорошей квартире немного поулегся, Арсений отправился в квартиру Галактионовых. Слесарный инструмент у него был, поэтому взломать замки получилось пусть и не с первой попытки, но все-таки без особого шума.

Арсений весь вспотел, пока отпирал двери, потому что боялся привлечь внимание соседей. В одной из квартир жила вредная Соня, любительница совать нос в чужие дела, а во второй – отставной военный Владимир Петрович, который мог и накостылять, поймав за неблагородным занятием. Но все закончилось хорошо, соседи мирно спали, и Арсений оказался внутри квартиры, где ему предстояло найти нужную книжку.

Осмотр стеллажей с книгами ничего не дал. Нужного позарез Блейка на стеллажах не оказалось. Арсений снова и снова скользил глазами по книжным корешкам, с усилием складывал в слова буквы английского алфавита, но искомой книги не видел. Тогда ему пришло в голову, что хозяин спрятал ценную книгу в другой, менее привлекающей внимание, а потому он начал доставать тома по одному, открывать, заглядывая внутрь, а потом бросал их на пол, особо не заботясь о порядке. Он знал, что второго шанса попасть в квартиру у него все равно не будет.

За работой он потерял счет времени. Сколько он провел в квартире Галактионовых – полчаса, час? Он не знал и опомнился только тогда, когда услышал, что в замочной скважине тихо

поворачивается ключ. В галактионовскую квартиру кто-то пытался попасть, но взломанный замок стонал и ворчал, не прощая надругательства.

Арсений, не зная, что делать, отступил в спасительную темень кухни. Из своего убежища он видел, как дверь открылась, и в коридоре показался... его дядя Николай Ровенский. Видимо, получив отказ племянника в помощи, он побоялся довериться другому исполнителю и проник в квартиру сам.

Увидев разгром в коридоре, профессор застыл, как пораженный молнией. Затем, вскрикнув, он бросился к куче книг на полу, начал рыться в них, полностью утратив контроль над собой. Арсений шагнул из кухни обратно в коридор.

– Да нет тут ее, – сказал он. – Книги вашей. Я уже все осмотрел.

Появление племянника не испугало, а разозлило старого профессора.

– Он начал кричать, что я – вор. Что я обманым путем пробрался в квартиру, потому что решил его обокрасть. Что много лет назад эта книга уже была один раз у него украдена, и он не позволит сделать это повторно.

– Откуда у него были ключи? – спросил Бунин. – Ты сказал, что он открыл дверь галактионовской квартиры ключами.

– Он украл связку запасных ключей, когда приходил к Галактионовым в последний раз. Сказал, что он по-хорошему просил отдать ему книгу или продать за любые деньги, но старик Галактионов только смеялся над ним. Он сказал, что сделает все, чтобы Блейк никогда не попал Ровенскому в руки. Дядька умолял, унижался, даже плакал. Потом начал угрожать. Они так сильно поссорились, что Галактионову стало плохо, и Ровенский ушел, потому что умственно отсталый Санек просто вытолкал его из квартиры, но, уходя, он прихватил связку ключей.

– Что же он не залез в квартиру раньше? Галактионовы умерли год назад, и все это время квартира стояла, никем не охраняемая...

– Именно это обстоятельство и задевало дядьку больше всего. Он не знал об их кончине, понимаете. Он не мог рисковать и лезть в квартиру, в которой жили люди. Когда Ровенский узнал, что его враги скончались больше года назад, он чуть с ума не сошел. Получается, он давно мог забрать книгу, но этого не сделал.

– Так вот чем было вызвано его странное поведение, когда Николай Модестович узнал от меня о том, что я нашла тела своих соседей. Я думала, что он имеет отношение к убийству, а на самом деле профессор был просто поражен тем, что бездарно упустил возможность забрать Блейка.

– И что было дальше? – Бунин требовательно посмотрел на Арсения.

– В общем, дядька никак не хотел поверить, что я не нашел книгу. Он был уверен, что я ее обнаружил и спрятал, и стал требовать от меня вернуть ему находку. Он повышал голос, кричал все громче. Я испугался, что он разбудит соседа, который спал за стеной, и что нас обоих застукают в этой квартире среди учиненного мной разгрома. Я опять ушел на кухню, но дядя Коля последовал за мной, он стал хватать меня за грудки, трясти, он совсем потерял голову от ярости, и тогда я схватил со стола нож и ударил его. Я сам не знаю, как так получилось. Он закричал, знаете, как заяц, на одной ноте и выскочил в коридор. Я уже совсем ничего не соображал, нагнал его у стеллажей, повернул к себе и снова ударил в грудь. Нож вошел почти по самую рукоятку, и дядя Коля наконец-то замолчал. И упал. А я выскочил из квартиры, притворил за собой дверь и убежал.

– На ноже нет отпечатков пальцев...

– Я был в резиновых перчатках. Я ж не совсем тупой. Я точно знал, что не оставил никаких следов. Но вы говорите, что меня кто-то видел.

– Да, есть свидетель, точнее, свидетельница, – устало сказал Бунин. – В общем, гражданин Воеводин, сейчас я вызову сотрудников полиции, и вы будете задержаны по подозрению в убийстве Николая Ровенского. Ваши показания будут запротоколированы по всем правилам. Пока можете собрать вещи.

– А Настя? – напряженно спросила внимательно слушающая Инесса Перцева. – Где Настя? Что вы с ней сделали?

– Еще раз повторяю, что я не знаю никакой Насти, – взвизгнул Арсений. – До вас ко мне никто не приходил и об убийстве дяди Коли не спрашивал.

– Но где же она тогда? – с отчаянием в голосе сказала рыжеволосая журналистка, утратившая невозмутимость, и заплакала. Бледный Денис решительно обнял ее за плечи.

– Найдем, – сказал полковник Бунин. – Слышишь, Инна, мы ее обязательно найдем. Пока ясно только одно. Ее исчезновение не имеет никакого отношения к убийству Ровенского.

В квартире появились оперативники, которым Бунин быстро отдал какие-то указания.

– Тут и без нас разберутся, – сказал он. – Софья Михайловна, мы можем перебраться к вам в квартиру, чтобы решить, что нам делать дальше?

– Да, конечно, – кивнула Соня. – Пойдемте.

Феодосий обнял ее за плечи и повел к дверям, следом шел Денис, так же нежно поддерживающий Инессу Перцеву, замыкал шествие полковник Бунин. Лицо его было мрачно.

– Подождите, – уже на пороге окликнул их Арсений. – Сонька, ты только скажи, эта проклятая книга у тебя? Это ты ее забрала?

Соня удивленно посмотрела на него и покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Я никогда не видела этой книги и не держала ее в руках.

* * *

В Сониной квартире отчего-то было мрачно и стыло. Форточка, что ли, где-то открыта? Компания, собравшаяся на кухне, тоже выглядела мрачной. Рыжеволосую журналистку била крупная дрожь. Соня очень ей сочувствовала. На брата же ей просто было больно смотреть. Казалось, на ее глазах Денис осунулся и похудел, так переживал за Настю.

Соня вдруг подумала, что у брата с этой девушкой действительно все очень серьезно, серьезнее не бывает, и что он наконец-то женится, конечно, при условии, что вся эта дикая история закончится хорошо. Нет, она просто не имела права закончиться иначе, потому что Денис был достоин счастья.

Сейчас, стоя спиной к собравшимся, он заваривал чай. Соня сварила первую чашку кофе, сунула ее в руки Инессе Перцевой, та приняла, не глядя, машинально глотнула горячую ароматную жидкость, сплела пальцы вокруг чашки, словно пытаясь их согреть. Полковник Бунин сосредоточенно молчал – думал.

– Сонь, где чашка? Тут одной не хватает, – спросил Денис глухо.

Соня удивленно посмотрела на него.

В ее доме действительно было мало чайных чашек. Сама она всегда пила кофе, одна большая кружка принадлежала Денису, на ней даже написано было «Дэн», потому что брат терпеть не мог, когда кто-то ею пользовался, и была еще одна кружка – тоже большая, белая, из английского костяного фарфора, на которой почему-то было написано «Время пить просекко». Остальные чашки были кофейными.

– Иван Александрович, вы будете кофе или чай? – спросила она.

– Кофе, – ответил он. – Вкусно пахнет очень. Сварите и мне чашечку, пожалуйста.

– Ну вот, всем хватает чашек, – сказала Соня Денису. – Феодосию в «Просекко» налей.

– Так ее нет нигде, я про это тебе и толкую, – немного раздраженно сказал Денис. – Может, в спальне посмотреть?

– Да не уносила я ее в спальню, – удивленно ответила Соня. – Я вообще ею не пользуюсь. Из нее Феодосий чай пил, и она была здесь, в сушилке.

– Была, но нету.

– Да ладно. Не хочу я чаю, – вмешался в разговор Феодосий. – Давайте лучше перейдем к делу. Если исчезновение Насти не имеет отношения к убийству профессора и к исчезновению книги Блейка, значит, она вляпалась во что-то еще. Нужно понять, во что именно и где она может быть.

– Согласен, – крикнул Бунин, с благодарностью принимая из Сониных рук чашку с кофе. – Итак, примем как данность, что за последнее время в жизни Насти появилось что-то новое, что повлекло за собой ее исчезновение. На работе и дома ничего не происходило, так, Инна?

– Да, – журналистка кивнула рыжей головой. – Я позвонила Аркадию, в его конторе нет никаких дел, которые могли бы грозить Насте неприятностями. Дома, слава богу, тоже все в порядке. Единственное, о чем я до сегодняшнего дня не знала, это о том, что у Насти появился молодой человек, – она кинула уничижительный взгляд на Дениса, – и что она занимается каким-то дурацким расследованием.

Соне стало обидно за брата.

– Расследованием она действительно занималась, – сказала она чуть суше, чем требовали приличия хозяйки дома. – Хотя мы все

пытались ей объяснить, что это очень опасно. Насколько я поняла, Настя была одержима идеей доказать, что она чего-то стоит сама по себе, а не только как ваша дочь.

– Что за чушь? – Идеальные брови женщины полезли вверх. – Помоему, с самого ее детства было понятно, чего она стоит. Она отличницей всегда была, в фигурном катании на разряд сдала, в институт сама поступила, работает, учится...

– Она очень хочет быть вас достойной. Поэтому и старается изо всех сил. – Соня вздохнула. Ну, не объяснять же этой женщине очевидное. – Она хотела доказать, что может расследовать преступление. Как видите, благодаря ей у нас это получилось. Это она помогла установить мотив убийства – редкую, очень дорогую книгу. Вот только, как мы только что выяснили, к ее исчезновению это не имеет ни малейшего отношения. Ровенского убил Арсений. Но про Настю он ничего не знает.

– И поджог твоей кухни тоже, – добавил Феодосий. – Но в одном я с вами, – он слегка поклонился в сторону Перцевой, – согласен. Неприятности Насти совершенно точно связаны с нашей прекрасной компанией. И если убийство Сониных соседей и ревность моей секретарши тут ни при чем, значит, остается только одно – покушения на меня.

Денис повернулся и теперь смотрел на Лаврецкого со всей серьезностью, на которую был способен. Лицо Бунина тоже выражало сильную заинтересованность.

– Что ж, Феодосий Алексеевич, – сказал он. – Я рад, что вы сами пришли именно к такой мысли, а еще больше рад, что вы не собираетесь делать вид, что вы тут ни при чем.

– Подождите, какие покушения? – спросила Соня. – Я ни о чем таком не знаю. Тебе что, тоже угрожали? Денис, ты что, знал? И никто из вас мне не сказал?

– Мы не хотели тебя тревожить, – буркнул Феодосий. – Я был уверен, что сам во всем разберусь. Но мне действительно сначала подпилили болты на колесах, и от падения в реку меня спасло только то, что, по случайности, я в тот вечер поехал не домой, а за детским доктором. Колесо отвалилось на дороге, а не на мосту. Ну, а потом в меня стреляли возле моего офиса. Это было в позапрошлую субботу, когда я не приехал к тебе, хотя обещал.

– Господи... – Соня приложила ладошки к пылающим щекам. – Получается, что Ровенский – не последняя жертва? Получается, что с арестом Арсения ничего не кончилось? И при чем тут Настя?

– Я не знаю при чем, – признался Феодосий. – Но думаю, что тот, кто на меня охотится, просто поменял тактику. Скорее всего он похитил Настю, чтобы выманить меня.

– Зная вас, я в жизни не поверю, что вы просто положились на правоохранительные органы и не попытались самостоятельно разобраться, в чем тут дело, – заметил Бунин. – Давайте выкладывайте, что вам удалось узнать.

– Именно сегодня ко мне должен был приехать с докладом Игорь Махов, вы наверняка его знаете.

Бунин кивнул, что да, знает. И Инна кивнула тоже.

– Это частный детектив, – пояснил Феодосий для Сони. – У нас была назначена встреча, но я сорвался сюда. Думаю, надо ему позвонить и попросить приехать.

Махов пообещал, что будет через двадцать минут.

Чтобы занять себя делом, Соня решила все-таки выяснить судьбу пропавшей чашки. С приходом еще одного гостя она вполне могла пригодиться, да и интересно ей было, куда она могла подеваться. Извинившись перед гостями (от Феодосия она старательно отворачивалась, потому что была на него сердита), она выскользнула из кухни, прошла в гостиную, а оттуда в спальню. В квартире что-то было не так, вот только Соня никак не могла взять в толк, что именно.

Она бросила рассеянный взгляд на кровать, которую всегда тщательно заправляла, поскольку терпеть не могла расхлябанности. Сейчас кровать была тоже тщательно заправлена, вот только покрывало лежало, накинутое на обе подушки. Соня никогда так не делала, оставляя подушки сверху. Не понимая, зачем это делает, она подошла к кровати, откинула покрывало и нахмурилась.

Ее кровать была заправлена свежим, тщательно выглаженным комплектом постельного белья: белая простыня в крупный вишневый горох, вишневый гладкий двуспальный пододеяльник и две наволочки, на которых белые горохи, наоборот, были раскиданы по вишневому полю. Этот комплект она обожала и недавно собственноручно сняла с кровати, выстирала, выгладила и убрала в комод, застелив постель другим, сменным.

На том комплекте, который лежал на кровати, когда Соня покидала квартиру в последний раз, были фиолетовые ромашки, раскиданные щедрой рукой дизайнера по бежевому полю. Она точно помнила, когда в последний раз меняла постельное белье. Но факт оставался фактом, сейчас на кровати лежали «горохи», а не «васильки». Кто-то в отсутствие хозяйки пробрался в квартиру для того, чтобы перестелить постель? Бред какой-то.

На всякий случай Соня выдвинула ящик комода, в котором хранила белье. Любимого комплекта там не было. Она сходила в ванную комнату, заглянула в корзину, где копилось то, что требовало стирки. Пусто. Она снова обошла всю квартиру, чтобы в результате сделать странный вывод: из ее квартиры пропал лежащий на кровати комплект постельного белья и одна чайная чашка.

– Ты чего бродишь как привидение? – выглянул из кухни Денис.

– Это очень странно, – сказала Соня и провела рукой по лбу. Голова наливалась болью, видимо, не в силах справиться со свалившимися на нее событиями. – Я понимаю, что, возможно, вы сейчас решите, что я сумасшедшая, но у меня из квартиры пропал комплект постельного белья, который кто-то зачем-то снял с моей кровати, и та самая чашка с надписью «Просекко».

– Ты хочешь сказать, что в твоей квартире кто-то побывал и украл постельное белье? – Денис смотрел на нее с тревогой, а Феодосий с внезапным любопытством.

– Да. Я не могу это объяснить, но тем не менее это так. Наверное, надо позвать Владимира Петровича. Нашего соседа. Я оставляла ему ключи от квартиры. Возможно, он что-то знает.

– Я пойду с тобой, – заявил Феодосий.

Однако поход в соседнюю квартиру ничего не прояснил. Сколько Соня ни жала на кнопку звонка, дверь никто не открывал, и за ней царил тишина.

– В магазин, наверное, ушел. Или на охоту уехал, – сказала Соня. – Он вообще охотник. Несколько дней назад ездил, никого не подстрелил, видимо, снова отправился. Ладно, позже спросим.

Приехал Игорь Махов, и, так и не отгадав загадки пропавших простыней, вся компания снова собралась на Сониной кухне. Частный детектив был очень удивлен увидеть среди собравшихся полковника Бунина.

– Привет, Игорек, – сказал тот. – Что, уешь сейчас нас, официальных ментов? Узнал что-нибудь?

– Уем, не уем, то не мне решать, – спокойно и с достоинством ответил Махов. – А информация у меня кое-какая есть. Что, Феодосий, при всех делиться? Там, учти, не все тебе приятно слышать будет.

Услышав это, Соня почему-то испугалась. Что она будет делать, если выяснится, что Феодосий как-то причастен к исчезновению Насти? Впрочем, сильно расстроиться она не успела.

– Я не красна девица, чтобы мне приятно делать, – спокойно сказал Лаврецкий. – А секретов от собравшихся у меня нет. Так что давай, рассказывай. У нас времени мало.

Феодосий Лаврецкий в городе был весьма известным человеком. Вся его жизнь была на виду, потому что, во-первых, он привлекал особое внимание масштабом своей личности, а во-вторых, по большому счету, ему было нечего скрывать. Именно поэтому, когда по городу пополз слух, что некто ищет человека для физического устранения Лаврецкого, это вызвало немалый интерес в специфических кругах.

Враги и недоброжелатели у Феодосия, конечно, были, но не настолько, чтобы убить. Заказчик оказался человеком не очень искушенным, поэтому действовал через те криминальные структуры, которые были, что называется, на слуху. Все эти люди, имеющие бандитское прошлое, в настоящем чувствовали себя достаточно легальными и успешными бизнесменами, а потому рисковать не собирались. Перейди им Лаврецкий дорогу, они убрали бы его, не поморщившись, но ничего плохого он им не делал, и вступать в чужие разборки никто не хотел.

– То есть брать на меня заказ все отказались? – Лаврецкий прервал рассказ Махова. – Но кто-то все же согласился. А заказчик-то кто, Игорек?

– Не беги впереди паровоза. – Махов усмехнулся.

За неделю частный детектив встретился с разными людьми и довольно легко вычислил заказчика убийства. Несколько человек рассказали о том, что убить Лаврецкого просила молодая женщина, причем в качестве расплаты она предлагала долю в бизнесе Феодосия. Серьезные люди отказывались. Не хотели рисковать. Да и для

процветания бизнеса нужно было быть именно Лаврецким, с его головой, идеями и умением ладить с людьми.

– Молодая женщина? – Феодосий наморщил лоб. – Я понятия не имею, кому мог так насолить. Ну, не секретарше же?

– Ну, ты даешь, друг ситный. – Махов даже руками всплеснул. – Неужели не вдупляешь, что заказала тебя твоя бывшая жена?

– Что-о-о-о? Нина? – Феодосий действительно выглядел сбитым с толку. – Зачем? Мы с ней в разводе давно. И все миром поделили. И деньги, и ребенка.

Тут он запнулся, словно что-то вспомнив.

– Так. – Он растер лицо ладонями, крепко-крепко. – За несколько дней до того, как началась вся эта вакханалия, Нина мне позвонила. Впервые за очень долгое время. Просила увеличить денежное содержание, я отказал, конечно, и тогда она понесла какой-то бред про то, что отберет у меня Наташку. Я даже слушать не стал, потому что юридически это невозможно. Пока я жив, разумеется.

– А если ты не жив, то твоя бывшая жена становится единственным опекуном твоей несовершеннолетней дочери, получая право управлять наследством. Так что повод для убийства железный.

Соня ойкнула и снова прижала ладони к щекам. Ей, выросшей в семье, где все друг друга любили, было дико представить, что ради денег можно заказать убийство отца своего ребенка.

Феодосий посмотрел на нее, усмехнулся, подошел ближе, чмокнул в затылок.

– Она – не ты, – шепнул он и повернулся к Махову. – Слушай, Игорь, с учетом, что колеса мне отпилили и пальбу во дворе офиса устроили, исполнителя она все-таки нашла. Ты знаешь, кто он? У него, похоже, наша девушка. Так что вычислить нам его надо немедленно.

– Знаю только, что это профессионал, который на частных заказах живет. Работает по всей стране. Заказы к нему приходят только от очень проверенных людей. Уж кто к нему Нину направил, я не знаю, вот только знающие люди шепнули, что исполнителя она искать перестала, потому что Хантер согласился. Хантер – это его кличка, вот только кто он и где живет, никому из моих информаторов не известно.

– Так, – времени мы терять не можем. Поэтому сейчас я позвоню Нине, – решительно сказал Феодосий. – В конце концов, она на

Мальдивах, так что ей вряд ли чего-то угрожает. А Настю нужно спасать.

– Но если ваша жена заказала ваше убийство, то при чем здесь моя дочь? – спросила Инесса Перцева.

– Этого я пока не знаю, – ответил Феодосий и, включив громкую связь, набрал номер.

Отпираться Нина не стала.

– Я просто забыла, какая ты умная и хитрая сволочь, – довольно равнодушно сказала она. – С самого начала было понятно, что ты обязательно обо всем догадаешься. Я просто надеялась, что этот человек, которому я заплатила, успеет сделать все быстро. Но ты же, как кошка, которая, падая, обязательно приземляется на четыре лапы. Сначала тебе повезло уцелеть, а потом мой наемник отчего-то вообще наотрез отказался тебя убивать.

– Что? Почему это, интересно? Узнал, что я воевал и меня не так просто взять голыми руками?

– Да брось ты корчить из себя Рембо, про твой спецназ я ему сразу рассказала. Из-за этого пришлось заплатить больше, чем я рассчитывала. От доли в бизнесе он отказался, сказал, что работает только за наличные. Мне пришлось ему перевести все, что у нас с Надей было.

– В надежде на будущий куш?

– Ну да. Если бы ты сдох, то я бы стала Наташиным опекуном и у меня были бы деньги. Много денег. Но он сказал, что у меня все получится не только в случае твоей смерти.

– В смысле?

– Когда он сказал, что у него изменились обстоятельства и он не сможет тебя убить, он предложил свой план. Сказал, что надо убить кого-нибудь другого и повесить убийство на тебя. Когда тебя посадят, то я тоже смогу оформить опекунов над Наташей. И я согласилась.

– Нина, ты сама себя слышишь?

– Да, а что такое? Мир жесток, Лаврецкий. Мне нужны деньги. У тебя они есть. Отдать их добровольно ты не захотел, хотя я тебя и просила. Так что теперь ты сядешь.

– Ты знаешь, что он украл молодую девушку? Он хочет ее убить и обвинить в этом меня.

– Меня не интересовали детали. – Нина зевнула, и Лаврецкий вдруг представил ее лицо, самодовольное, все еще красивое, очень нежное лицо женщины, которая палец о палец не ударила в своей жизни.

Сейчас она, наверное, лежит у бассейна, смотрит на голубую гладь воды и спокойно рассуждает о человеческой жизни, которую готова отнять у ни в чем не повинного человека в обмен на деньги. Ему так захотелось впечатать кулак в это лицо, что даже пальцы сжались, впиваясь ногтями в мякоть ладони.

Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул, улыбнулся Соне, погладившей его по побелевшим щекам.

– Нина, отзови своего пса, – сказал он спокойно. Максимально спокойно, как мог. – Я переведу тебе деньги. Столько, сколько ты скажешь. Та девушка, которую он похитил, ни в чем не виновата, и она не должна пострадать. Просто останови его.

– Поздно, Лаврецкий. – Нина хрипло засмеялась, и в ее смехе было что-то жуткое. – Уже поздно.

И нажала на отбой. Гудки разорвали тишину, воцарившуюся в комнате. И в этой тишине вдруг тихонько, жалобно, на одной ноте завывла Инесса Перцева.

– Успокойся, Инна, мы ее найдем, я тебе обещаю. – Полковник Бунин сейчас был до синевы бледен. Это Соня отмечала как будто краем сознания.

Бывшая жена Феодосия заказала его убийство, а когда это не получилось, его решили подставить, обвинив в убийстве Насти. Но как? Невозможно же обвинить человека в том, чего он не делал, не имея на это серьезных оснований. Эту нехитрую мысль Соня высказала вслух.

– А ведь она права. – Феодосий вскинул голову, как породистый конь. У него даже ноздри шевелились. – Какая же ты умница, Соня. Для того чтобы найти Настю, нам нужно понять, как именно преступник собирается обвинить меня в ее убийстве.

– Так-так. – Бунин наморщил лоб. – Вы оба правы, черт меня подери. Давайте соберем все факты воедино. Сегодня утром Настя в целости и сохранности вышла из вашей, Денис, квартиры и села в собственный автомобиль. Во сколько это было?

– В начале двенадцатого.

– Где в этот момент были вы, Феодосий?

Лаврецкий пожал плечами:

– В офисе.

– Это великолепно, ей-богу. – Бунин потер руки, пояснил, глядя в недоумевающее лицо Инны: – В офисе он разговаривал с секретаршей, потом туда приехала Соня, а потом Денис. Оттуда все вместе вы поехали на квартиру к Арсению Воеводину, и там к вам добавились мы с Инной. Получается, что все это время Феодосий был на глазах у большого количества свидетелей, а значит, никак не мог совершить убийство. Понимаете, что это означает?

– Это означает, что с большой долей вероятности на данный момент Настя еще жива, – глухо сказал Денис.

В глазах его засветилась вдруг надежда, как лампочки вспыхнули.

– Вот именно. Преступник знал, что по субботам господин Лаврецкий приезжает на работу. Он не в курсе истории с секретаршей, он не мог предугадать, что мы все вместе встретимся на квартире Воеводина. Если бы не расследование убийства Ровенского, скорее всего никто из вас не хватился бы Настюхи часов до пяти вечера. И только после этого все начали бы волноваться. Скорее всего примерно на это время он и планирует завершающую стадию всей операции. Сколько сейчас времени?

Все синхронно посмотрели на часы, показывающие без пятнадцати четыре. Господи, а Соне казалось, что уже два дня прошло.

– Итак, скоро он придумает что-то, чтобы Феодосий остался один и у него не было алиби. Скорее всего он вызовет вас в то место, где держит Настю. Он планирует убить ее незадолго до вашего приезда, чтобы вы нашли еще теплый труп, а рядом неопровержимые улики, подтверждающие вашу виновность. Что это может быть, как вы считаете?

– У меня из офиса пропала початая бутылка коньяка и несколько рюмок, – медленно сказал Феодосий. – Я это заметил сегодня утром, но не придавал значения. – Еще пропала расческа и мои ботинки. Я еще думал, что за дурацкая кража.

– А у меня из квартиры пропала чашка, из которой Феодосий пил чай, и постель с кровати. Простыни, на которых мы... – Соня замолчала и покраснела.

– Простыни, на которых мы занимались любовью и на которых остались следы моей ДНК, – закончил Феодосий спокойно. – Значит, по его сценарию, я назначил Насте свидание, на котором она мне, скажем, отказала, потому что влюблена в Дениса. Отказала и начала шантажировать, что все расскажет Денису и Соне. И я не сдержался и ее убил.

– Глупость какая, – сказал Денис изумленно. – Я бы в жизни в это не поверил.

– Ты – нет, а судьи вполне. Думаю, что инсценировка была бы более чем качественной. Непонятно только, зачем все эти сложности. Почему бы ему действительно было просто меня не убить. Мороки меньше, результат гарантированный. Почему он передумал?

– Да какая разница, почему. Передумал, и слава богу, – в сердцах сказала Соня. – Сейчас это неважно. Важно, где он прячет Настю.

– Да, нам нужно вычислить это место и оказаться там раньше, чтобы застать его врасплох и не дать совершить задуманное, – согласился Бунин. – Времени немного. Поэтому думайте, Феодосий. Думайте. Одних только улик с вашими отпечатками пальцев или следами биологических жидкостей недостаточно. Это должно быть еще и связанное с вами место. Куда вы сами отвезли бы Настю, будь у вас такое желание? – спросил полковник Бунин.

Феодосий посмотрел на него диким взглядом.

– Я бы забронировал базу отдыха, – сказал он. – Какой-нибудь отель на природе.

– Это не подходит. Он не может так светиться. Место должно быть пустынным, уединенным, но тем не менее связанным с вами. Думайте, Феодосий!

На лице Лаврецкого отразилась такая мучительная работа мысли, что Соне даже стало его жалко. Внезапно лицо его посветлело, лоб разгладился.

– Ну, конечно! – воскликнул он. – Как же я сразу не догадался. Я просто уверен, что преступник отвез Настю туда.

– Куда? – воскликнула Инесса Перцева.

– На дачу моей бывшей тещи.

* * *

В комнате было уже совсем тепло. Огонь весело трещал в печке, даже не догадываясь, свидетелем чему ему совсем скоро предстояло стать. Настя по-прежнему сидела на кровати, поджав под себя ноги, и размышляла о том, насколько же все-таки относительно это «вскоре».

Ее убийца давно закончил нехитрые приготовления и теперь спокойно сидел за столом, лениво прикрыв глаза. Его спокойствие было обманчивым.

Настя пару раз пробовала проверить. Стоило ей переменить позу или хотя бы просто пошевелить пальцами, он тут же метал в нее быстрый острый взгляд, подтверждающий, что все в этой комнате находится под полным контролем этого высокого, не очень молодого, но ладно скроенного мужчины с седым ежиком волос на голове.

– Вы – бывший военный? – спросила Настя.

Ей не было интересно, просто затянувшееся молчание казалось невыносимым.

– С чего ты взяла? – Он смотрел на нее с любопытством.

– Выправка у вас такая, как у военного.

– Эхе-хе, девонька, чего в моей жизни только не было. Но основное – это большое предательство. Когда страну мою предали. Великую большую страну. И меня вместе с ней. Ну, да сейчас не об этом. – Он глянул на часы. Плотно охватывая запястье, они тоже выдавали бывшую профессию убийцы. Такие часы называли еще командирскими. – Так, четверть пятого. Еще полчаса, и можно будет звонить. Заодно и темнеть начнет, нам в помощь.

– Куда звонить? – По спине Насти невольно пробежал холодок. – Зачем?

– И-и-и-и, ты ведь вроде неглупая, девонька. В адвокаты собиралась. Тебя должен убить кто? Лаврецкий. Так и застучать над твоим телом должны именно его. А если и не застучать, а потом по оставленным следам найти, так все равно мне уверенным нужно быть, что на момент совершения убийства он не в кругу семьи находится и не среди коллег своих, товарищей по работе, которые его алиби потом подтвердят. Нет, красавица, я таких ошибок не совершаю. Я человек серьезный. На момент твоей смерти он должен быть совсем один. Вот это я своим звонком и обеспечу.

– А если он не захочет под вашу дудку плясать?

Мужчина не дал ей договорить, просто раскатисто рассмеялся.

– Что, вы его ребенка украдете, чтобы его из дома выманить?

Он снова покачал головой, словно сетуя на ее несообразительность.

– Если собираешься добиться серьезного результата, никогда не загоняй человека в угол. А украсть ребенка – это загнать в угол, тут без вариантов. Мне надо, чтобы он сюда приехал встревоженный, но расслабленный. Не взведенный, как курок.

– Сюда – это куда? – Настя попыталась зайти с другого боку, впрочем, мало понимая, что ей это дает. – Мы где?

– Дачный кооператив «Озерки». В зимнее время тут никто не живет. Домики хоть и неплохие, но старые. В них бомжи забредают погреться, а тут и до пожара недалеко. По моим прикидкам, Лаврецкий сейчас уже должен быть дома, рядом со своей семьей и любовницей. Вот ее уж он совсем не к месту в историю втянул. Держался бы подальше, глядишь, лежал бы уже в могиле и не доставлял никому никаких проблем. Себе в первую очередь. А то, как говорят гадалки, пустые хлопоты у него впереди. Пустые хлопоты.

Он встал и помешал дрова в печке, кряхтя, словно старичок. Но ничего старческого не было в его движениях, четких и собранных, словно у вышедшей на охоту рыси.

– В общем, позвонит ему один из соседей, случайно на дачу за огурцами и картохой приехавший. Мол, в вашем бывшем доме свет горит, печь дымит, крики громкие доносятся. И вроде как супруга там ваша бывшая с другой бабой непотребством занимается. Вы бы приехали, дорогой товарищ, разобрались с бабами вашими, а то срамота и позор перед соседями.

– И какое ему дело до бывшей жены? – пожала плечами Настя. – Да еще чтобы в выходной день за город ехать.

– До жены никакой, до собственной репутации очень большое дело. Да и жена ему недавно сказала, что дочку забрать хочет, так что он обязательно подорвется, чтобы выяснить, с чего бы это вдруг она в нашу глухомань с солнечных Мальдив приехала. В общем, все учтено могучим ураганом. И то, что он точно один приедет, чтобы свидетелей позора не было, тоже.

Внезапно Насте показалось, что где-то недалеко проехала машина. Хотя нет, этот человек же сказал, что в дачном поселке никого не

бывает зимой, а значит, никто не может очутиться здесь, даже случайно. Или все-таки может?

Она снова напрягла слух, но за окном было тихо. Только вечер раскачивал ветки деревьев, стучащих по деревянным ставням.

«Ма-ам, ма-ам», – в голове у Насти зазвучал монотонный мотив. В детстве она увлекалась азбукой Морзе и вместе с мамой старательно запоминала все эти точки и тире, складывающиеся в буквы и слова. Для того чтобы облегчить запоминание, и существовали мотивы – пропеваемые слова, начинающиеся с той же буквы, что и символ, который нужно было запомнить, и содержащие столько слогов, сколько точек и тире было в его обозначении. «Ма-ам, ма-ам», как вспомнилось сейчас совсем некстати, означало два тире и, соответственно, букву М.

Новый порыв ветра принес новое отчетливое постукивание. Два тире... М... Ма-ам... Мама?

Пришедшая в голову мысль была такой шальной, что Настя даже задохнулась. А вдруг она правда слышала звук шин по снежному насту? А вдруг там, на улице, ее мама, которая таким образом подает дочери сигнал, что она здесь, рядом. И что? Как нужно поступить? Закричать, чтобы те люди, которых привела мама, знали, что она здесь? Что она жива? Что именно от нее ждут?

– Можно, я поем? – спросила Настя, чтобы иметь повод соскочить с кровати и подобраться поближе к окну. – Вы предлагали, но я не хотела, а теперь почувствовала, что проголодалась.

– Поешь. Мне только на руку. Вы же тут с Лаврецким пили и ели. До того, как он тебя убил. – Он нехорошо засмеялся. – Поешь, и я ему позвоню.

Настя схватила упаковку с копченой колбасой, попыталась надорвать ее, но полиэтилен не поддавался. Тогда она подхватила лежащий на столе нож, проткнула упаковку, нож соскочил и с громким стуком упал на пол, оставив на коже царапину. Настя громко вскрикнула и поднесла раненый палец ко рту.

Мужчина вскочил, обежал вокруг стола, схватил нож, откинул в сторону.

– Не шуткуй, – крикнул он. – Ишь ты, приткая какая.

– Я порезалась, – так же громко крикнула Настя. – Вы что, совсем бессердечный?

Он молча вскрыл упаковку, достал кусок колбасы, из другого пакета кусок лаваша, оторвал половину, сунул Насте в руки: «Ешь». Снова отошел на безопасное расстояние, не сводя с нее глаз.

Настя послушно откусила. Интересно, слышали ее снаружи или нет? И вообще, вдруг то, что там мама, – просто плод ее расшалившегося воображения? И она приняла за морзянку обычный стук ветки, потому что ей очень хочется верить, что ее спасут?

Три точки. Тишина. Тире. Точка, тире. Точка и два тире. Две точки. Где-то снаружи по деревянной обшивке дома стучала раскачиваемая ветром ветка. А может, птица, оголодавшая за долгую зиму, выклевывала застрявшее между бревен семечко. А вместе с ним буквы, складывающиеся в слово. СТАВНИ. Так, теперь главное не торопиться, а хорошенько подумать.

Настя и сама не заметила, как в волнении сжевала свой импровизированный бутерброд. Сейчас она действительно почувствовала голод, поскольку с самого утра ничего не ела.

– Сделайте еще, – попросила она.

Убийца с усмешкой посмотрел на нее, шагнул к столу, оторвал еще кусок лаваша и вытащил кусок колбасы.

– На, ешь.

– Вот вы сказали, что все предусмотрели, – сказала Настя задумчиво. – А нет, получается, не все. Вот, к примеру, закрытые ставни должны вызвать у Лаврецкого подозрения. Если его жена приехала и живет на даче, почему она сидит впотьмах? Ладно, вечером можно свет зажечь, но днем-то? Она же не беглый каторжник, чтобы за ставнями прятаться. Или они наглухо снаружи забиты? Двум женщинам не открыть?

– Да обычные там ставни. На щеколду закрытые, как в приличных домах. – Убийца широко зевнул. – Но зачем ей их открывать-то? Днем тоже можно свет зажечь, да и не надо ей, чтобы в окна любопытные заглядывали.

– Так вы же сами сказали, что здесь нет никого. Некому в окна заглядывать. Да и этот ваш случайный сосед, от лица которого вы звонить собрались. Он-то как увидел, что в доме непотребство? Как вообще узнал, что это жена Лаврецкого приехала? Может, за ставнями бомжи шуруют?

– А что, молодец. – Мужчина одобрительно посмотрел на Настю. – Не зря ты на одни пятерки учишься. Был бы из тебя толк, если бы не Феодосий Лаврецкий. Ставни правда надо открыть. Лаврецкий ни за что не будет по окнам поглядывать, не тот типаж, сразу в дом пойдет. Ты вот что, сиди спокойно. Я лампочку выверну, чтобы ты лишнего не удумала. Дверь запру. Заодно до ветру схожу, огляжусь, все ли вокруг тихо. Ну, и позвоню Лаврецкому. Помолись пока, если умеешь. И не дури. Только хуже будет.

Он щелкнул выключателем, и комната погрузилась в темноту.

Настя услышала, как скрипнула входная дверь, загремел замок, потом стук второй двери, ведущей, видимо, на крыльцо. Затем раздался шум, крики, мат, грохот. Настя зажмурилась и сидела, не открывая глаз, даже когда кто-то рванул ставни на окнах, комнату залил мягкий, уже вечерний свет, и тут же послышался топот шагов в коридоре, опять заскрипел дверной замок, распахнулась дверь.

– Настя!

– Доченька!

– Ну, слава богу, успели.

Настя наконец рискнула открыть глаза, увидела Дениса, маму и полковника Бунина, окруживших стул, на котором она сидела, и заплакала. Громко, отчаянно, навзрыд.

В комнате становилось все больше народу. Сквозь пелену слез Настя увидела Феодосия Лаврецкого, Соню, людей в форме и с автоматами. Это, получается, спасти ее приехал ОМОН? Два человека в черных масках втокнули в комнату ее похитителя, на его заведенных за спину руках уже красовались наручники.

– Ну что, Хантер, – негромко сказал полковник Бунин и жестом показал, чтобы задержанного усадили на один из стоящих посередине комнаты стульев. – Давай знакомиться, что ли. Я, конечно, давно слышал, что у нас в городе живет первоклассный наемник, не гнушающийся никакими заказами, но уж никак не ведал, что возьму я тебя при попытке убийства близкого мне человека.

Убийца вскинул голову, попытался осклабиться, но улыбка у него вышла жалкая, хоть и злая.

«Ваша взяла. Черт с вами. Банкуйте», – в голове у Насти всплыла эта известная каждому россиянину фраза из фильма «Место встречи изменить нельзя».

Этот фильм очень любила мама, и Настя иногда смотрела вместе с ней, за компанию. Вот и вспомнилось. Мысль показалась настолько неуместной, что Настя вздрогнула. Какое кино, когда она чуть было не умерла на самом деле.

– Владимир Петрович! – Это воскликнула Соня, и ее голос, тонкий, совсем чужой, непохожий на обычно уверенную манеру говорить первоклассного преподавателя, которым, несомненно, была Софья Менделеева, содержал в себе так много, что Настя вздрогнула снова.

В нем были удивление, неверие, страх, понимание, ужас. И все эти эмоции, последовательно сменяя друг друга, уложились всего лишь в два коротких слова. Имя и отчество.

Убийца повернул голову, посмотрел Соне в лицо и снова жалко улыбнулся.

– Так вышло, Сонечка, – сказал он. – Ты уж не серчай. Но из-за тебя это все. Когда я узнал, что ты с ним, – он кивнул в сторону стоявшего, как каменное изваяние, Лаврецкого, – то не смог его убить. Представил, как ты убиваться будешь, и не смог. Решил, что лучше пусть его посадят. Ты поплачешь немного и успокоишься. Чего убиваться по мерзавцу и бабнику, который тебя обманывал, за твоей спиной шашни крутил, а потом человека жизни лишил.

– А Настя? – спросила Соня, и теперь в ее голосе было столько боли, что подскочила Инна и погладила ее по голове, чтобы успокоить. – Вы были готовы убить ни в чем не повинного человека? Вы были готовы навсегда лишиться счастья Дениса? Вы думаете, он бы не убивался, если бы с ней что-то случилось?

– Денис – мужчина, – спокойно сказал Владимир Петрович. – Он бы пережил и забыл. Да и из вас двоих у меня всегда за тебя душа больше болела. Ты мне как дочка была. Не он. Понимаю, что не простишь. Но я прощения и не жду. У каждого своя работа. У меня такая. А с тобой я как лучше хотел.

– Не вышло, как лучше, – сквозь зубы сказала Соня.

– Погодите, вы его знаете, что ли? – уточнил внимательно слушающий Бунин. – Вы знакомы?

– Это наш сосед, Владимир Петрович, – пояснила Соня. – Мы на одной лестничной клетке живем. Практически всю мою жизнь. Он – бывший военный, сначала только в отпуск приезжал, потом на пенсию

вышел и насовсем поселился. Когда родители умерли, он очень нам с Денисом помогал. И потом. Всегда с охоты добычу приносил. То утку, то перепела, то лося. – Она не выдержала и заплакала.

– Охотник, значит, – медленно сказал Бунин, – Хантер.

Соня вспомнила, как две недели назад встретила соседа на лестнице, он был с ружьем, но почему-то без добычи. Почему-то это показалось ей важным, и она рассказала об этом вслух, сама не зная зачем.

– Интересно, – улыбнулся Бунин. – Владимир Петрович, так ведь нет сейчас сезона-то. Зимний закрыт, весеннюю охоту не открыли пока. На кого вы, интересно знать, охотились-то, да еще так неудачно?

– Когда это было? – уточнил Феодосий.

– В позапрошлую субботу.

– Это и правда была неудачная охота. – Лаврецкий посмотрел на сникшего на стуле Хантера и захохотал. – Меня спас упавший на голову снег, ну и быстрая реакция тоже. Стрелявший был вынужден быстро убраться с того чердака. Получается, что на обратном пути Соня его и встретила. Чудны дела твои, Господи.

– Да как же так, – тихо проговорила Соня. – Это же не может быть. Владимир Петрович... Боже мой, как ужасно.

Теперь она тихо заплакала, и Феодосий подошел и обнял ее, отгородив от всего мира.

– Не плачь, – сказал он. – Все закончилось. Навсегда. Я тебе обещаю.

Эпилог

Денис сам вызвался приготовить торжественный обед, на который были приглашены все участники детективной истории, к счастью, благополучно закончившейся. Феодосий и Соня, Ольга Савельевна и Наташа, Денис и Настя, ее мама и полковник Бунин.

Для обеда Денис задумал салат с артишоками и грейпфрутом, ассорти стейков мачете, фланк, топ блейд с муссом из брокколи и на десерт семифредо с виски и орехами. У Сони от одних только наименований текли слюнки. Она даже не приближалась к кухне, где священнодействовал ее брат, зато Настя помогала ему вовсю, беспрекословно выполняя его поручения. Ее мама, наблюдавшая со стороны, только довольно улыбалась.

– Никогда не думала, что у Насти может проснуться интерес к кулинарии, – сказала она.

– Это потому, что нашелся человек, который разбирается в этом лучше вас, – поддела ее Соня.

Впрочем, необидно, потому что журналистка ей нравилась.

– Я много думала над вашими словами, что она состязается со мной, и признала, что вы, пожалуй, правы, а я слепа. Собственный успех значит в нашей жизни так много, что мы зачастую не обращаем внимания, как он сказывается на наших близких. Конечно, я всегда знала, что моему мужу непросто жить со мной. Но мне казалось, что, раз он прекрасно с этим справляется, значит, это и для моей дочери вовсе не является проблемой. Я ошибалась.

– Вы поговорили с Настей?

– Конечно. Она поверила, что является ценностью сама по себе, а не как моя дочь. И для этого ей вовсе не надо ничего никому доказывать. И знаете, я очень благодарна Денису, потому что он доказал ей, что ее можно любить. Любить и принимать такой, какая она есть. Талантливой, красивой, взбалмошной, закомплексованной, безрассудной и очень храброй девочкой.

– Вы не против их отношений?

– Конечно, нет. Я считаю, что мне очень повезло с будущим зятем. – Инна снова хитро улыбнулась, видя Сонино смущение.

Полковник Бунин слегка опаздывал, но, когда все расселись за столом, он появился в квартире, прошел на свое место, поднял бокал, привлекая к себе внимание.

– Я очень рад видеть вас всех. Дорогие мои друзья, – сказал он. – И у меня есть для вас важная информация, которая в первую очередь касается Софьи Михайловны Менделеевой.

Соня заинтересованно посмотрела на него. Все остальные замолчали, прервав беседу.

– Обнародовано завещание, которое перед своей смертью составил Борис Авенирович Галактионов. Свою квартиру, а также все имеющееся в ней имущество он оставил своей троюродной сестре, которую обязал стать опекуном его единственного сына Александра. Из наследной массы он исключил лишь одну вещь – прижизненное издание книги Уильяма Блейка. Эта книга была крайне дорога его научному руководителю, человеку, которого Галактионов уважал

больше всех в жизни, – Леониду Федоровичу Свешникову. Получив книгу в дар от профессора, Галактионов трепетно хранил ее несколько десятилетий, не соглашаясь продать даже в самое тяжелое для себя время. Он знал, что за книгой охотится его давний недруг, соперник Николай Ровенский. И понимал, что, будучи уже пожилым и не очень здоровым человеком, он должен обезопасить раритет от чужих жадных рук.

– Вы знаете, куда он дел книгу? – живо спросила Соня.

– Не совсем. Я знаю, что за год до своей скоропостижной смерти Галактионов составил завещание, по которому книга должна была вернуться на родину, в Англию, и передана в дар тому университету, в котором ее когда-то подарили Свешникову. А душеприказчиком, который должен был выполнить его волю и вернуть книгу в Великобританию, он назначил вас, Соня.

– Что? – Соне показалось, что она ослышалась.

– Так написано в завещании. Галактионов сообщил, что в его квартире находится прижизненное издание Блейка, которое нужно в соответствии с его последней волей передать Софье Михайловне Менделеевой, чтобы она организовала процесс возвращения сборника. Не прибавить, не убавить.

– Конечно, я бы так и поступила! – воскликнула Соня. – Но я не знаю, где книга. Мне ее Борис Авенирович не передавал, я вам честное слово даю. И в квартире же ее нет, ее ни мы не видели, ни Ровенский не нашел, ни Арсений.

– А вот это самая большая загадка, – сказал Бунин. – Единственная, оставшаяся неразгаданной. Скорее всего книгу спрятал Саша Галактионов. Когда его отец внезапно скоропостижно скончался, молодой человек решил, что книге угрожает опасность. Он же сам был свидетелем того, как к его отцу приходил Ровенский, как угрожал, умолял, кричал. Парень испугался. Он уже принял решение никому не сообщать о смерти отца и знал, что жить ему самому тоже недолго. Свою морскую свинку, любимого питомца, он передал Денису, чтобы спасти. А книгу скорее всего спрятал. Думаю, что его родственница, которой досталась квартира, найдет ее при разборе имущества. И проследим, чтобы она поступила в соответствии с последней волей покойного.

– Спрятал... Спрятал... Санек спрятал книгу... Он должен был оставить какой-то знак, где именно. Не мог не оставить. Подождите-ка.

Соня выбралась из-за стола и побежала в спальню, где на комодe по-прежнему лежала тетрадка с рисунками и стихами Блейка – дневник несчастного Санька Галактионова.

Принеся тетрадь, Соня присела на колени к Феодосию, раскрыла обложку, нетерпеливо заправила за ухо выбившуюся прядь волос. Пальцы ее проворно пробежались по страницам, перелистывая их, пока не добрались до последней. Там была нарисована иллюстрация «Сошествие людей в Долину Смерти» со стихотворной подписью под ней.

Я перо из тростника В то же утро смастерил, Взял воды из родника И землю замутил. И, раскрыв свою тетрадь,

Сел писать я для того,

Чтобы детям передать

Радость сердца моего!

– Вот, – воскликнула Соня. – Как же мы сразу не поняли. Санек же прямо написал, что сделал эту запись, чтобы передать нам информацию. «Радость сердца» – это и есть книга Блейка, которая много лет была радостью для сердца его отца.

– И что нам это дает? – спросила Настя, у которой блестели глаза от предвкушения скорой разгадки.

Глядя на свою воодушевленную донельзя дочь, Инесса Перцева снова рассмеялась.

Соня перевернула последний лист, на котором были написаны строки великого поэта.

Разинув свой тлетворный зев,

Вино и хлеб обрызгал змей...

Тогда пошел я в грязный хлев

И лег там спать среди свиней! –

с выражением продекламировала она.

– И что? – это уже с искренним интересом спросил полковник Бунин.

– А то! – воскликнула Соня. – Все же совершенно понятно. И почему мы сразу об этом не подумали? Пойдемте.

Она выскочила в коридор и начала отпирать замок на двери. Все остальные послушно пошли за ней.

– Сонь, ты, может, объяснишь, – начал было Феодосий, но она уже стояла на лестничной площадке и решительно звонила в дверь галактионовской квартиры.

Дверь ей открыла пожилая, довольно полная женщина, видимо, та самая дальняя родственница, которой Галактионов завещал свою квартиру.

– Я – ваша соседка напротив, – сказала Соня. – Мне по завещанию Бориса Авенировича досталась книга, которую я должна передать ее законным владельцам. Могу я ее забрать?

– Можете, но я уже всем сказала, что ничего не знаю ни о какой книге, – сообщила женщина, впрочем, довольно благожелательно. – Или вы знаете, где она?

– Знаю.

– Тогда проходите. – Женщина посторонилась, пропуская в квартиру Соню. Следом за ней прошли Феодосий, не желающий оставлять любимую одну, дрожащая от нетерпения Настя, заинтригованный полковник и любопытная журналистка.

Не останавливаясь в коридоре, Соня проследовала в комнату, принадлежавшую раньше Саше Галактионову. Там на подоконнике все так же сиротливо стояла пустая клетка для морской свинки, дно которой было засыпано толстым ровным слоем опилок.

Соня отцепила зажимы, удерживающие верхнюю часть клетки, сняла ее и отставила в сторону, разгребла опилки и достала прямоугольный пакет, заботливо обернутый полиэтиленом.

Тогда пошел я в грязный хлев

И лег там спать среди свиней, –

ликующим голосом сказала Соня.

Дрожащими пальцами она развернула пленку, и миру предстало прижизненное издание Уильяма Блейка – источник низменных страстей и огромного счастья. Это смотря с какой стороны смотреть.

Примечания

1

Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Бизнес-план счастья» – *Прим. ред.*

Вернуться

2

Читайте об этом подробнее в романе Людмилы Мартовой «Вишня во льду». – *Прим. ред.*

Вернуться

3

Читайте об этом подробнее в романе Людмилы Мартовой «Встреча по-английски». – *Прим. ред.*

Вернуться